

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 24

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2018

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензент

В. А. Саблин — д-р ист. наук, проф.,
Вологодский государственный университет

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *Т. М. Китанина*, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина А. А. Пластова «Лето» (1959—1960).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — Вып. 24. — 213 с.

Публикуются статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Затронуты вопросы экономического положения страны, социального развития российской деревни, общественного движения.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем интересующимся отечественной историей.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черкасова М. С.</i> Городские слободы на Руси в контексте аграрной истории XIV—XVI веков.....	4
<i>Иванов В. И.</i> Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI века.....	18
<i>Дубман Э. Л.</i> Государство и общество в хозяйственном освоении Юго-Востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII века.....	39
<i>Степанова Л. Г.</i> Урожайность зерновых культур и плодородие земли в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии по сведениям Камерального экономического примечания к Генеральному плану конца XVIII века.....	55
<i>Китанина Т. М.</i> К вопросу об аграрном законодательстве Павла I в 1796—1801 годах.....	63
<i>Козлов С. А.</i> «Неутомимый работник в области русского сельского хозяйства»: Константин Антонович Вернер (1850—1902).....	83
<i>Александров Н. М.</i> Экономическое положение бывших государственных крестьян после реформы 1866 года (по материалам Веретейской волости Ярославской губернии).....	100
<i>Никулин В. Н.</i> Эволюция крупного помещичьего хозяйства в пореформенные годы.....	113
<i>Анонасенко А. Н.</i> Частновладельческое лесное хозяйство Петербургской губернии конца XIX века (на материалах имения помещиков Балашовых Большое Еглино и Дубовик).....	126
<i>Роднов М. И.</i> Судьба вольных хлебопашцев (Уфимская губерния на рубеже XIX—XX веков).....	134
<i>Карпачёв М. Д.</i> Аграрное перенаселение в Воронежской губернии и его социальные последствия в начале XX века.....	142
<i>Нарыкова Н. М.</i> Международные инструменты защиты аграрных интересов России накануне Первой мировой войны.....	157
<i>Жукова В. С.</i> Животноводство в крестьянском хозяйстве Европейского Севера России в 1920-х — начале 1930-х годов.....	165
<i>Томилин В. Н.</i> Культура землепользования в колхозах Центрально-Черноземного района России в восстановительный период (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов).....	173
<i>Наухацкий В. В.</i> Освоение целинных земель: некоторые вопросы истории и историографии.....	184
<i>Логунова И. В.</i> Особенности восприятия руководителями сельхозпредприятий идеи фермеризации (на материалах областей Центрального Черноземья).....	198
<i>Бершадская О. В.</i> Российское крестьянство на рубеже XX—XXI веков: основные проблемы и методология изучения.....	208
Об авторах	212

Городские слободы на Руси в контексте аграрной истории XIV—XVI веков

Проанализирована информация актов и писцовых описаний о городских слободах/слободках разной владельческой принадлежности — дворцовых, архиерейских, монастырских. Представлена широкая география городских слобод — центр, север, юг Руси. Раскрыта обусловленность возникновения слобод эволюцией феодального землевладения, торгово-ремесленной специализацией крестьянства, формированием социальной структуры городов.

The author analyses the information of acts and scribal descriptions concerning urban sloboda/slobodka (settlements) of different ownership belonging — palace, bishop and conventual. The paper covers wide geography of the urban sloboda — the centre, the north and the south of Russia. The author also reveals conditionality of the emergence of sloboda by the evolution of feudal land ownership, the trade and handicraft specialisation of peasantry as well as by the formation of the social structure of towns.

Ключевые слова: города, слободы, формы собственности, иммунитетное право, торгово-ремесленная специализация, служилые люди по прибору.

Keywords: towns, sloboda (settlements), forms of ownership, immunity law, trade and handicraft specialisation, military people on the device.

Вопрос о формировании и развитии городских слобод тесно связан с проблемами аграрной и социально-демографической истории феодальной Руси. Предлагаемая статья является непосредственным продолжением публикации автора в 23-м выпуске данного сборника

[1, с. 4—20]. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. отражена социальная однородность (гомогенность) города и деревни в средневековой Руси, их неполное экономическое размежевание, незавершенная сословная отчлененность горожан и крестьян [2]. Формирующееся Российское государство опиралось на выборных представителей от местных сословных групп в городе и деревне. Близость их социально-правового статуса отразилась в ст. 26 Судебника 1550 г. Ею устанавливался 1 руб. возмещения за «бесчестье» крестьянам (пашенному, непашенному) и городскому человеку «черному молочему» [3, №22].

В основу данной работы положены акты и писцовые описания XIV—XVI вв. Акты предоставляют наиболее раннюю информацию как о сельских, так и о городских слободах. В жалованной грамоте великого князя Василия Давыдовича Грозные Очи Спасо-Ярославскому монастырю 1320-х гг. отмечены «люди св. Спаса в *городе* и в селех» [3, №190]. Поскольку монастырь был городским, часть его населения размещалась в подмонастырских дворах в Ярославле. В акте есть ремарка о том, что выдана она «по деда моего грамоте» (умершего в 1299 г. князя Федора Ростиславича Черного), в которой могла быть указанная формула. Обычные гражданские (посадские) слободы в Ярославле отмечены в жалованной грамоте Ивана III той же корпорации на перевозки через реки Волгу и Которосль 1462—1478 гг. [3, №196]. В его общей жалованной грамоте 1460-х гг. состав владений монастыря обозначен как «села и деревни в Ярославле и в *городе дворы*» [3, №204].

Одна великокняжеская грамота Спасо-Ярославскому монастырю 1532 г. упоминает его крестьян в селах, деревнях и на посаде «на наших местех спаских» [4, с. 80, 89; 5, №IX]. В конце XVI в. у монастыря появляется городской двор в Ростове в Воскресенском приходе «на посаде на белой земле» по вкладу И. М. Мошкова в 1584/85 г. [6, с. 14—57]. В Ростове имелось также несколько городских слободок архиерейской кафедры. Их перечень содержится в общей жалованной грамоте Ивана IV Ростовскому архиепископу Никандру от 5 января 1555 г.: 1) «вечная домовая белая на белой земле»; 2) Ладанная; 3) Сторожевская; 4) Рыболовная [7, с. 40—46, №2]. Они были населены различными категориями людей из административно-хозяйственного аппарата владыки — детьми боярскими, дьяками, подьячими, служебниками и *крестьянами*. Судебные прерогативы в отношении перечисленных категорий принадлежали архиепископу Никандру.

В XIV—XV вв. тверской Отроч (Успения Богородицы) монастырь (также городской, с рядом приписанных к нему обителей) имел слободы в Твери и Кашине. Согласно коллективной жалованной грамоте тверских князей 1362—1364 гг., архимандрит заселял их путем «перезыва» жителей из-за пределов Тверского княжества и «посажения» на монастырских землях в городе [3, № 116]. Эта же клаузула повторена в коллективной грамоте тверских князей Отрочу монастырю 1435—1437 гг. [3, № 117]. Жители городских слобод монастыря освобождались от податей «ни к городу, ни к волости». В случае прихода из Орды «посла сильна, которого не мочно будет опровадити», допускалось, что «монастыри пособят со своих сирот в ту тяготу».

«Слободчанами» названы жители Ерусалимской слободки женского Сретенского монастыря в Кашине. В жалованной ему тарханно-несудимой грамоте князя Б. А. Тверского около 1426 г. содержалось освобождение от дани, однако и здесь предусматривалось, что если придет *дань неминучая*, то игуменья Федотья сама может собрать ее со слобожан и доставить князю. Было и такое освобождение от повинностей: «...ни слободчаном их бору моего, великого князя, не косить» [3, № 118]. По отношению к Сретенскому монастырю его сельские и городские обитатели назывались одинаково, как и в случае с тверскими монастырями, — сироты. В жалованной грамоте удельного князя Ю. И. Дмитровского 1509 г. податной статус Ерусалимской слободки стал льготно-оброчным — с уплатой полтины в год [3, № 119]. В жалованной грамоте князя Ю. И. Дмитровского 1514 г. население Сретенского монастыря впервые указано дифференцированно: в селе и сельце Кашинского уезда — «хрестьяне» монастырские, а в Кашине на посаде — слободчане [8, с. 51—52]. Имущественные же права монастыря в отношении тех и других были одинаковы. В 1518 г. указной грамотой того же князя сретенские слобожане были освобождены от «городских проторов и церковных разметов» [8, с. 52—53]. Имелась городская слободка в Суздале у домового митрополичьего Михайло-Архангельского монастыря. В 1462 г. митрополит Феодосий выдал его игумену Парфению грамоту («пожаловал-ослободил») с разрешением пахать церковную землю «Пречистые Богородицы и свою митропольскую Архангельскую» [9, № 158].

Жалованную слободскую (льготную) грамоту князь А. В. Угличский выдал в 1475/76 г. пригородному угличскому Покровскому мо-

настырю [3, №77]. В начальном протоколе видим формулу, применяемую и в поземельных актах, — князь пожаловал — *освободил* игумену Паисию «сбирать слободу». Названные «слобожанами» ее обитатели на 10 лет освобождались от княжеских налогов, получали несудимость от наместников, кроме наиболее тяжелых уголовных преступлений. Этот акт использовался при оформлении Покровскому монастырю грамоты великого князя Ивана Васильевича 1534 г., в которой было уже две слободы — старая и новая [10, с. 24—27]. Среди монастырских людей названы сельские, деревенские и слободские. В духовной князя Д.И. Жилки 1521 г. на посаде отмечена Огнева слободка, где находился Алексеевский монастырь, основанный в середине XIV в. митрополитом Алексием [11, №99, с. 410].

В актах есть сведения о городских дворах вологодских и белозерских монастырей. О наличии у Спасо-Каменного монастыря дворов в Вологде можно судить по жалованной грамоте удельного князя А.В. Меньшого 1479 г., отметившей «их человека — городского и волостного» [3, №269]. В правой грамоте 1490—1492 гг. по спорному делу Ферапонтова монастыря с горожанами Белозерска деревня Крохинская в истоке реки Шексны называется также и слободой [12, №332]. В более ранней грамоте князя М.А. Верейского 1434/35 г. отмечено село Крохинское, «селяне» которого освобождались от трудовой повинности — *«пожаловал, освободил им болото чистити»* [12, №317, 320]. В ходе писцовых работ на Белоозере Крохинская слободка была отписана у Ферапонтова монастыря к городу, из-за чего у старцев возник спор с сотским — выборным представителем городской общины. Правая грамота (то есть судебное решение) 1490—1492 гг. доносит до нас распоряжение писцов о землеустройстве монастырских слобод в городах (возможно, не только на Белоозере) — под двор отводилось 30 сажень «и с огородом», а оставшиеся «за мерою» монастырские дворы отбирались и приписывались в городское тягло.

В духовной Ивана III 1504 г. весьма объемно представлена передаваемая старшему сыну Василию III Москва — волости, пути, станы, села, все дворы городские *и слободы*, и ряд пошлин — тамга, пуд померный, торги, лавки, гостиные дворы [11, №89, с. 354]. В близкой по времени духовной боярина князя И.Ю. Патрикеева 1499 г. в Москве среди его владений («мест моих») фигурирует Заяузская слободка с Кузюдемьянским монастырем [11, №86, с. 359]. В ду-

хвонной царя Ивана IV 1572 г. количество «элементов» в московской формуле сокращено, но некоторые расширены — это слободы стрелецкие и ямские [11, № 104, с. 404].

В Вологде великие московские князья и цари выдавали местным архиереям жалованные грамоты на Никольскую владычную слободу в XVI — начале XVII в. [13, с. 151—167]. Ее образовала большая совокупность дворов ремесленно-промышленной и торговой направленности. Слободские дворы становились объектом и архиерейских пожалований. В 1583 г. епископ Варлам I выдал трем своим детям боярским жалованную тарханно-несудимую грамоту на дворы в Никольской слободке. В ней фигурируют *слободские* крестьяне и приказчики [14, с. 213].

В период реформ 1550-х гг. вопрос о городских слободах церкви (митрополита, архиепископов и епископов, монастырей), наряду с административно-судебными, земельными и налоговыми проблемами, стал предметом пристального внимания правительства. В сентябре 1550 г. состоялся соборный приговор Ивана IV с митрополитом Макарием о монастырских и архиерейских слободах в городах. В нем старые слободы соотносились со «старыми слободаны», а новые — с «новыми приходцами» [15, с. 223—234, № 3]. Между церковью и государством был достигнут компромисс: старые слободы можно было «держати по старине» (то есть с сохранением прежнего судебного иммунитета), но дворов в них не прибавлять и городских людей с посадок в них не «перезывать». Было вынесено постановление о возвращении на посад вышедших оттуда в церковно-монастырские слободы посадских тяглецов. Разрешалось «перезывать» в опустевшие дворы только пашенных и непашенных людей «по старине, как прежде сего было», придерживаясь установленного срока Юрьева дня «по цареву указу по старине же» [16, с. 12—13]. Допускался переход слободских крестьян в города на посады или в села в тот же Юрьев день «со отказом по нашему по указу царскому». С. М. Каштанов обратил внимание на ст. 98 Стоглава 1551 г., также запретившую ставить новые дворы в слободах духовных феодалов [17, с. 128]. По его мнению, эти меры (плюс массовый пересмотр «тарханов» в жалованных грамотах монастырей в мае 1551 г.) способствовали усилению посадского сословия.

Введенная в России в середине XVI в. окладная единица — соха — была основой сбора дани, ямских денег, тамги, взносов «за наместнич корм» для тяглых крестьян и горожан (посадских людей) в де-

ревне и городе. Норматив военных повинностей в уездах составлял по два человека, а в городских слободах — по одному конному человеку с сохи. При описании уездными писцами в 1562 г. посада Соли Переславской 56 пашенных и непашенных дворов были положены «в четверть сохи сошные пашни» [18, с. 97—98]. Сохранилась платежная отписка кашинских городовых приказчиков от 16 января 1607 г. о взятии со слободки Сретенского монастыря, положенной в $\frac{1}{12}$ долю сохи, ямских, кормовых и других денег [8, с. 60]. В дворцовых слободах в городах (как и на дворцовых землях в уездах) использовалась вытная система обложения. В пограничном Венева в 1571/72 г. на посаде было зафиксировано 42 двора дворцовых крестьян, положенных вместе с их пашней, сенокосами и лесными угодьями в 33 выти, в сошном отношении приравненных к половине сохи без $\frac{1}{12}$ доли (то есть 0,42). Были определены повытная и суммарная норма денежного оброка и выплат за «мелкий доход» (мед, бараны, куры, яйца, сметана) — 14 рублей 6 алтын 2 деньги [18, с. 319—320].

Приведенные данные с полной очевидностью говорят о глубоко аграрном характере Венева. Не случайно и само писцовое описание содержит явные элементы уставной грамоты — такого типа документы, регламентирующие повытные ставки денежной и натуральной ренты с крестьян, других повинностей, широко практиковались в монастырских и дворцовых владениях. Это наблюдение подтверждается при обращении к описанию Соли Камской 1578/79 г. В его итогах говорится о пашне, перелогe, сенокосах, лесе «посадских пашенных крестьян в городских полях», а посадские непашенные крестьяне имели только сенокосы (наверняка для нужд собственного скота) [18, с. 403].

В 1555/56 г. Иван IV направил жалованную уставную грамоту жителям слободок на Коломенском посаде. Был установлен их оброчный статус — за «наместнич корм, ямские деньги» и ряд других налоговых взиманий вводился оброк по 12 алтын со двора плюс 2 алтына пошлин. Определялись два срока выплаты в год — на Рождество Христово и Петров день [18, с. 39]. Среди хлебников, замочников, кожевников, портных мастеров в этих слободках упомянуты крестьяне, имевшие разные торговые помещения (лавки, прилавки, шалаши и полки) в рядах — рогожном, сапожном, хмелевом, калачном и «где торгуют сукны и шолки». В Коломне еще была слободка владыки коломенского, крестьяне которого также имели свои лавки на тор-

гу: «...лавка Самсона бочарника, владычня крестьянина» [18, с. 35, 42—51]. Отмечены в городе и слободки служилых людей по прибору — «плотников струговых», каменщиков, кирпичников, «розсыльщиков» [18, с. 33—34].

В 1564 г. митрополит Афанасий получил жалованную грамоту от Ивана IV на Борисоглебскую слободку в Переяславле-Залесском. Про ее население говорилось, что живут в ней «люди молочие мастеровые», некоторые пашню пашут на митрополита. Фактически это был домовый Борисоглебский монастырь московской митрополии. При проведении писцовых работ в 1562 г. слободка была положена в $\frac{1}{3}$ сохи, но в отношении государева тягла царь установил для ее населения особый порядок уплаты, отдельно от посада [9, № 223]. В 1599 г. патриарх Иов освободил бобылей Борисоглебской слободки от выплат в казну и выполнения повинностей на десятильников, установив иммунитетное право для строителя Гермогена, который только и мог судить тех бобылей [9, № 144].

Слободы как объекты собственности Троице-Сергиева монастыря в городах фигурируют в общей жалованной грамоте ему великого князя Ивана Васильевича в 1544 г. [19, с. 112]. После взятия Казани в 1552 г. слободское землевладение этой корпорации появляется в Казани и Свияжске в рамках основанных там приписных Троице-Казанского и Троице-Свияжского монастырей. В писцовой книге Свияжска 1565—1567 гг. отмечена Троицкая слободка. О торгово-промышленной деятельности ее жильцов говорят упоминания о слобожанах монастыря, имевших на городском торгу свои лавки. Оброк с них в государеву казну составлял гривну (10 копеек) [18, с. 383].

В ходе реформ 1550-х гг. была упорядочена система почты и пассажирских перевозок в Московской Руси, называемая «ямской гоньбой/стряпней/поделкой». В связи с этим появляются жалованные грамоты ямским слободам в городах, хотя дошло до нас их немного. Ю. В. Анхимюк опубликовал найденную им жалованную уставную грамоту Рязанской ямской слободе 1557 г. [20, с. 290—292]. В начальном ее протоколе используется оборот «пожаловал — ослободил». Такой же оборот встречается и в жалованной уставной грамоте Ивана IV Касимовской ямской слободе 1567 г., со множеством последующих подтверждений в XVII в. [4, с. 150—154; 21, № 902]. Налицо социальное, хронологическое и территориальное расширение пришедшей из XV в. разрешительной практики пожалования-освобождения и отразившего ее формуляра актов. Она имела отноше-

ние не только к начальному моменту формирования вотчинной формы землевладения [22, с. 50—58] (пожалование-разрешение на покупку или обмен земли), но и могла быть адресована конкретному лицу (крестьянину-слободчику) или группе лиц (в данном случае «ямских охотников»). Это явление, в свою очередь, полагаем, связано с тем, что С.М. Каштанов называет *вариативно-корпоративным* иммунитетным правом [17, с. 241—242]. В.А. Аракчеев пишет о *слободском праве* как проявлении особого правового режима, разнообразие же таковых было присуще феодализму [23, с. 147].

Между новонайденной рязанской 1557 г. и давно уже опубликованной касимовской 1567 г. слободскими грамотами много общего, что свидетельствует о выработке принципиальных основ в устройстве ямских слобод в России в XVI в. Их возглавляли назначаемые (обычно из местных детей боярских) приказчики и выборные от ямской общины старосты, а основная масса людей включала ямских охотников (предоставляемых местным населением по 1—2 человека с сохи) и дворников, освобожденных («отарханенных») от государственных налогов. Нормы наделения земель обычно составляли по 5—10 четвертин в одном поле пашни и 40 копен сенокосов для рядовых охотников, а для приказчиков по 20 четвертин и 80 копен соответственно [4, с. 150—154; 20, с. 290—292]. При формировании ямской слободы в Кашире в 1570-е гг. слободчику было отведено 20 четвертин земли и 4 десятины лугов, а ямщикам-охотникам и дворникам — по 5 четвертин пашни и 1 десятине луга. В ямские дворы, пашни, сенокосы, луга и лесные угодья запрещалось вступаться и останавливаться на постой служилым князьям, мурзам, государевым посланникам и ногайским послам. Для ямских охотников допускалось занятие торговлей, но за нарушение ими казенной винной монополии предусматривалась торговая казнь, высокий денежный штраф и изгнание из слободы [4, с. 51, 70—72]. Необходимость земли для ямщиков И.Я. Гурлянд объяснял недостаточностью одних только ямских денег и взиманий с населения «на ямскую подмогу и поделку» [4, с. 17—18].

Взгляд на ямские, стрелецкие, рыболовные и другие населенные профессиональными группами людей слободы в городах как территориальные общины подкрепляется наличием в них выборных сотских (стрелецких, казачьих), десятских и старост (ямских). Организационные функции возлагались также на дворцовых приказчиков и слободчиков. В ближайшем предместье Венева (Городенска) стрелец-

ким десятиникам отводилось по 5 четвертин, а рядовым стрельцам — по 4 четвертины земли «из тех поль, которые поля у Городеньска» [18, с. 316]. При устройстве стрелецкой слободы в Вологде в период опричнины по приказу Ивана IV было отведено 67 четвертин земли пригородного дворцового села Турундаева с деревней Дылевой [24, с. 321].

На многочисленность ямских слобод в русских городах, помимо писцовых описаний, указывают и акты. Так, в общей жалованной грамоте Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю от 29 августа 1578 г., относящейся к десяткам городов и уездов, в характеристике иммунитетных освобождений фигурирует фраза: «...ни в ямских слободах дворов не ставят» [25, №367]. В общей жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю от 28 апреля 1578 г. (с подтверждениями 1584, 1601 и 1613 гг.) содержалось освобождение от «моей, царя и великого князя, *ямщины*, ни на *яму* с подводами не стоят, ни *ямского* двора не делают, ни кормов и подвод татарских не дают». Грамота была направлена в 32 уезда, где этот самый крупный монастырь России имел села, деревни, на *посадах дворов и слободы* и погосты» [21, №1039; 26, л. 44—47].

Возвращаясь к Кашире, отметим, что полное разорение ямской слободы здесь произошло из-за нашествия крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. Описание 1577/79 г. установило 0,3 пустой сохи [18, с. 80—81]. Такая же участь постигла и дворцовую рыболовную слободу в Кашире, а в 1577/78 г. ее старосте было велено «старых рыболовлев, сыскав, возить в слободу, а новых не с тяглых мест называть в то же число, как было преже сего». В писцовой книге 1577/78 г. приводился пересказ писцовой выписи 1551/52 г., по содержанию — уставной грамоты. Согласно ей, каширские дворцовые рыболовы освобождались от тягла посадских людей, «опричь городового дела», а вместо рыбы в приказ Большого Дворца могли платить оброк 5 рублей [18, с. 82].

Волостью называется большая совокупность рыболовных дворов (около ста) на посаде в Переславле (Залесском, на реке Трубеж) согласно писцовому описанию 1562 г. По сути, это была большая рыболовная слобода, управляемая волостелем. По степени тяглоспособности в ней был отмечен только один человек средний и 98 человек «молочих», положенных писцами в соху с полчетвертью. С нее в приказ Большого Дворца выплачивались ямские деньги, исполняя-

лось всякое городовое и засечное дело, предоставлялись пососные люди. В слободе было два волостелиных двора и на въезд волостелю (явный элемент системы кормлений) давалась полтина денег [18, с. 93—95].

Фактором образования городских слобод в конце XVI в. стало возведение городов-крепостей на южных окраинах Русского государства. Они активно заселялись служилыми людьми по прибору — стрельцами, казаками, пушкарями, каменщиками, кирпичниками, воротниками, затинщиками. При описании новопостроенного города Епифани на верхнем Дону в 1571/72 г. по отдельности фигурировали слободы стрельцов (пеших и конных), казаков, черных посадских людей. Среди жителей посадских слобод отмечены также и черные крестьяне. За каждой группой слободского населения Епифани писцы закрепили определенное количество пашни, «дикого поля» и сенокосов, поскольку новый город имел пограничное положение. Казацким сотникам (7 человек) сверх их оклада отводилось по 25 четвертин пашни в поле, «а в дву по тому ж»; пятидесятникам (14 человек) — по 50 четвертин, десятникам (56 человек) по 30 четвертин, рядовым казакам (630 человек) — по 25 четвертин [18, с. 324—336]. По итогам описания очевиден сильнейший перевес земли, розданной казакам по сравнению с другими группами слободских людей: посадских, пушкарей, затинщиков. Ко всему Епифанскому посаду был отмежеван заповедный лес и старосельские дубравы, идущие до устья Непрядвы, овейной славной памятью о Куликовской битве.

Имеются сведения о совпадении сотенного (войскового), слободского (расселенческого) и приходского (церковного) деления в городах. В Епифани отмечена казачья сотня Ст. Лихорева, она же слободка Сем. Коробьина, с церковью Николая Чудотворца. В ней насчитывалось 65 дворов казачьих живущих и 35 мест дворовых. Сотня Григория Котенева располагалась в слободе Б. Брыскина и образовывала приход церкви Параскевы Пятницы (всего 94 двора и 6 мест дворовых). В Олтобаевской слободе была размещена сотня А. Н. Порошина, составлявшая приход церкви Михаила Архангела и насчитывавшая 69 дворов живущих, 5 пустых и 26 мест дворовых. Имелись в Епифани и другие слободы-сотни-приходы [18, с. 326—329].

Совпадение слободских и приходских структур видим и на севере. На посаде Неноксы описанием 1587/88 г. отмечена непашенная бобыльская слободка (она же Воскресенский погост), жители которой «кормятца у варниц и на лодьях ходят» [18, с. 219]. В находя-

щихся на выезде из Вологды в сторону Москвы и в сторону Кириллова-Белоозера две ямские слободы имели (каждая) церкви: по Московской дороге — Михаила Архангела; по Кирилловской — Фрола и Лавра [27, с. 106, 440]. Это позволяет видеть в городских и пригородных слободах еще и обычные церковно-приходские сообщества. Слобода Московской дороги, расположенная по соседству со стрелецкой слободой, называлась еще Гонной, Охотничьей (ямские охотники обычно должны были иметь не менее трех гонных лошадей) [28, с. 183].

В период своего «великого княжения» 21 июня 1576 г. Симеон Бекбулатович выдал Александровскому монастырю в Суздале жалованную тарханно-несудимую грамоту на его слободку («всего пять дворов») [29, с. 39—41]. Социальный состав их жителей очерчен широкий — это и священники, и дьяконы, и церковные причетники, и монастырские слуги, и *крестьяне*. Аналогичен состав слобод московского Новинского монастыря согласно жалованной уставной грамоте патриарха Иова 1590 г. Обитатели принадлежали две слободы — подмонастырская на реке Пресне и Новинская (память о ней закрепилась в названии Новинского бульвара современной Москвы). В патриаршей грамоте были выделены три группы крестьян — слободские, сельские и деревенские [30, №23]. Выдана же она была по прежней жалованной грамоте митрополита Макария (ум. в 1563 г.).

Слободские крестьяне (они же «слободжане», они же «градские крестьяне») имели свое представительство в суде игумена и соборных старцев в лице «сидящих в суде» избранных («излюбленных») ими двух-трех «лучших человек». В суде рассматривались спорные дела между слободскими крестьянами. Такой же принцип, но в расширенном составе (3—4 человека, «кого селчане излюбят») прилагался и к крестьянскому представительству в суде монастырского приказчика в селах. Слободские крестьяне в городе покупали-продавали-менялись дворами и «хороминами» между собой и с горожанами. Они также могли принимать в свои дворы наемных работников — казаков. Указанные сделки-операции оплачивались в пользу монастыря — доводчику полагалось с купли-продажи двора «явки» 2 деньги, а хоромины «с угла по полуденьге», за прием казака — «явки деньга». Оброк со двора в пользу монастыря был установлен царем по 5 алтын в год. Более инициативная, чем в деревне, экономическая деятельность слободских крестьян в городах осуществлялась не только в рамках владельческих слободок, но и на уровне

отдельных дворов крестьян в городах, рассредоточенных по посаду. В упомянутой выше общей жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1544 г. наряду с монастырскими слободами и дворами отмечены дворы монастырских крестьян [19, с. 112].

Подробное описание городской монастырской слободки в Бежецке (крепость Городецк) дает дозорная книга Новгородского дома Св. Софии середины 1570-х гг. Речь идет о 15 дворах Макарьевой пустыни «по конец посаду на усть-реки Моглуши». Слободка была положена в сошное письмо в 30 вытей, и с каждого двора в Макарьеву пустынь платилось по 1 алтыну оброка в год, а священнику местной церкви Живоначальной Троицы «кто что дасть» [31, с. 200].

Таким образом, формирование и функционирование городских слобод было обусловлено многими причинами. Во-первых, оно было связано с социально-профессиональной организацией посада. Во-вторых, присуще крупным субъектам вотчинной собственности — митрополичьему (после 1589 г. — патриаршему) дому и архиерейским кафедрам, монастырям, дворцовому ведомству. Наличие городских слобод объяснялось торгово-ремесленной специализацией зависимого крестьянства, принадлежавшего перечисленным собственникам. Это придавало дополнительную устойчивость крупным вотчинам. Наряду со смешанным торгово-ремесленным крестьянским населением вотчинные слободы в городах могли иметь и промысловую направленность, прежде всего рыболовную. Еще одна причина появления городских слобод — развитие социальной структуры русского общества, формирование и расширение социальных групп служилых людей по прибору, компактное расселение которых образовывало в городах различные слободы — стрельцов, казаков, пушкарей, каменщиков, кирпичников и пр. Глубокие аграрные основы тогдашней России, специфика города и деревни, недостаточная развитость товарно-денежных отношений делали актуальным землеустройство обитателей подобных городских слобод. Несомненно, что обращение к тематике городских слобод не отдаляет, а приближает нас к более глубокому пониманию аграрной истории феодальной Руси, ее демографических и финансовых аспектов.

Список источников и литературы

1. *Черкасова М. С.* Слободы в актовых источниках XIII-XVI веков // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2017. Вып. 23.

2. Данилова Л. В. Сельская община средневековой Руси. М., 1994.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
4. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
5. Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1.
6. Антонов А. В. Ярославские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5.
7. Стрельников С. А. Ростовские грамоты XV—XVI вв. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9.
8. Маштафаров А. В. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
9. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М.; Л., 1951. Ч. 1.
10. Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV—XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
11. Духовные и договорные грамоты великих московских и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
12. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2.
13. Гневашев Д. Е., Черкасова М. С. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича вологодскому архиепископу Нектарию 1614 г. // Исторический архив. 2013. № 1.
14. Черкасова М. С. К вопросу об архиве Вологодско-Пермской епархии в XVI — начале XVII в. // Двинская земля: материалы третьих Стефановских чтений. Котлас, 2004. Вып. 3.
15. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
16. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Комментарии. Л., 1987.
17. Каишанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
18. Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. М., 2002.
19. Черкасова М. С. Актовые источники о городских владениях Троице-Сергиева монастыря в XV—XVII вв. // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV—XVIII вв. Тверь, 1999.
20. Анхимюк Ю. В. Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7.
21. Каишанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962.
22. Назаров В. Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты освобожденные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. X—XXI вв.: Источники и методы исследования. Рязань, 2012.

23. *Аракчеев В. А.* Власть и «Земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий второй половины XVI — начала XVII в. М., 2014.
24. *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. СПб., 1906. Вып. 1.
25. *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1955. Ч. 2.
26. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии). Кн. 409. Балахна.
27. *Черкасова М. С.* Архивы вологодских монастырей и церквей в XV—XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.
28. *Материалы* по истории Европейского севера СССР: Северный Археографический сборник. Вып. 2 : Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.
29. *Баранов К. В.* Жалованная грамота великого князя Симеона Бекбулатовича суздальскому Александру девичью монастырю 1576 года // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1.
30. *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М. ; Л., 1960. Ч. 3.
31. *Писцовые* книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3 : Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в.

Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI века

Исследован большой комплекс порядных грамот XVI в. и дана подробная характеристика крестьян-порядчиков северо-западных земель России. Показаны пути формирования этой категории крестьянства.

The author investigates a large complex of poryadnye gramoty (lesses) of the 16th century and gives a detailed description of poryad peasants of the north-western lands of Russia. The paper shows the ways of the formation of this category of peasantry.

Ключевые слова: крестьяне, порядные грамоты, землевладение, Северо-Запад России, XVI век, монастыри, церкви.

Keywords: peasants, poryadnye gramoty (lesses), landownership, the North-West of Russia, 16th century, monasteries, churches.

Категория крестьян-порядчиков русской деревни привлекала внимание многих исследователей. Наиболее основательной и во многом итоговой работой дореволюционной историографии по этому вопросу является труд М. А. Дьяконова [1]. Юридических различий между половником и крестьянином-порядчиком на Севере автор не видит, отмечая лишь то, что экономическое положение первых было хуже, они чаще крестьян получали от землевладельца подмогу [1, с. 176]. Анализу подвергнуто было большое количество порядных грамот, делопроизводственной документации государственных центральных и местных органов власти, в основном XVII в. Дьяконовым установлено, что в XVII в. везде, кроме Поморья, порядные записи стали содержать требование жить «вечно» или «безвыходно», превращая тем самым порядчиков в крепостных. Шедший и на Севере процесс закрепощения порядчиков был прерван петровскими указа-

ми [1, с. 204]. Поморский порядок отличался тем, что заключался обычно на определенный срок, а исполнение его обеспечивалось взысканием неустойки («заряда», «заставы») или порукой [1, с. 163—164, 194—197]. Общий список опубликованных порядных XVI—XVII вв., составленный Дьяконовым, включал 133 документа. Из них 33 крестьянских порядных к середине — концу XVI в. относятся на земли церковей и монастырей [2, с. 79—85].

Подробную характеристику этих же категорий крестьян XVI—XVII вв. мы находим в монографии Б.Д. Грекова [3]. И крестьяне-новопорядчики, и половники, по его мнению, — это обедневшие люди, которые не могут справиться с крестьянским тяглом, не имеют средств вести крестьянское хозяйство. Половники, в отличие от новопорядчиков, всегда указывают в договоре срок своего пребывания у хозяина, а новопорядчики вступали в сеньориальную зависимость от землевладельца [3, с. 694, 734].

Подробный анализ содержания 55 архивных порядных грамот Богоявленской и Троицкой церковей Ухтостровской волости Двинского уезда с конца XVI в. до 1721 г. произвел М.В. Ключков. Им установлено, что на всем протяжении этого периода сохранялось право отказа как со стороны землевладельца, так и порядчика [4, с. 46—90].

Следует отметить самую крупную публикацию этой разновидности актов, подготовленную Г.Н. Образцовым. В ней представлено 90 порядных и оброчных записей Антониево-Сийского монастыря, из которых только три относятся к XVI в. Составитель дал довольно подробную характеристику этим источникам [5, с. 80—197]. Порядные грамоты Двинского уезда, в том числе несколько актов XVI в., стали предметом изучения Г.В. Демчук, раздельно рассмотревшей порядок на тяглых и оброчных землях и пришедший к выводу, что различия касались главным образом платежей порядчиков, а сам порядок был охарактеризован как аренда [6, с. 64—73, 162—193, 229—254].

Специальных исследований о порядниках XVI в. немного. Выделен параграф о половниках и порядниках XVI в. в монографии А.И. Копанева [7, с. 189—191]. Автору удалось выявить 35 порядных записей Двинского уезда XVI в.: 17 опубликованных, а 18 — в архивных фондах. Все, кроме одной, — это порядные на земли церковей (в основном холмогорской соборной Спасской и приходской лодомской Георгиевской). Хронологически они охватывают период с 1544 г. по 1590-е гг. Порядные заключались обычно в апреле-мае и

зимой. Автор приходит к выводу, что на церковных землях отношения с порядчиком были чисто экономическими и срочными, в отличие от монастырских владений [7, с. 189—191].

Серьезную работу с актами XVI в. провела Е. И. Колычева [8, с. 160—182]. Она изучила порядные, заключенные только с северными монастырями. Колычева выявила и привлекла к исследованию 42 крестьянских порядных, еще 5 записей о простом съеме земли и 3 записи о порядке в детеныши и дворники, которые охватывают период с конца 1540-х до 1601 г. на землях шести монастырей. Исследовательница сделала много интересных наблюдений о самих порядных записях и особенностях крестьянского порядка в разных северных монастырях. Автору удалось сопоставить данные некоторых порядных с другими документами монастырского делопроизводства. Общие выводы сформулированы ею следующим образом: 1) крестьянский порядок во второй половине XVI в. фиксировался документами, имевшими разные названия; 2) крестьяне-порядчики не были крепки монастырю и сохраняли возможность свободного перехода; при изменении условий они давали новую запись; 3) во второй половине 1570-х гг. в порядных часто устанавливаются штрафные санкции за отказ крестьянина от сельскохозяйственных работ или за уход ранее оговоренных лет [8, с. 178—179].

Источники. Основным источником данной работы являются порядные грамоты. Название «поряд», «порядчик» происходит от слова «ряд». Оно общеславянское, восходит к индоевропейскому корню *ag- ‘присоединять’, ‘связывать’ [9, с. 133—134]. Преображенский сомневался в связи с латинским *ordo* [10, с. 241]. В XVI—XVII вв. это слово имело много значений (не менее 20!), среди которых: решение спорных дел; порядок; правило, уговор, соглашение; наем на работу [11, с. 281—284]. Слово «поряд» встречается в древнейших русских документах, обозначая договор, уговор, условия, работа по найму. Термин «порядная» обозначает грамоту о взаимных условиях [27, стб. 1225—1226]. Самая ранняя известная сейчас «порядная» грамота, фиксирующая условия крестьянского договора, датируется 1544 г. [13, с. 55—56].

Удалось изучить тексты 62 порядных актов, относящихся к северной и западной частям территории Русского государства XVI в. (см. прил.) Не менее 60% из них дошли в подлинниках. Большая часть этих документов опубликована в разных изданиях, но некоторые выявлены в архивохранилищах и впервые вводятся в научный

оборот. Рассмотрены акты поряжения на земли монастырей, церквей, черносошных и дворцовых крестьян. Это дает возможность представить основные особенности не только порядных актов как исторического источника, но и крестьянского порядка XVI в. как исторического явления.

Самоназвание и формуляр порядных актов. Становление терминологии, связанной с порядом крестьян и формуляром самих порядных грамот начинается, судя по всему, только в середине XVI в. Считается, что сначала «ряды», «поряды» были устными [1, с. 75; 13, с. 338], а с середины XVII в. наименование крестьянской записи «порядною» заменяется в официальном языке термином «ссудная запись» [1, с. 124—125].

В привлеченных источниках представлено большое разнообразие форм и самоназваний актов. Наиболее часто использовались такие термины, как «запись» (22 документа); «порядная» (15), «порядная запись» (14). По два раза встречаются названия «рядная запись», «купчая» и «кабала»; по одному — «отпись», «подрядная», «оброчная», «кабала», «поручная», «празговая». Всего имеется 12 разных наименований.

Установлено, что акты в форме служилых кабал в Спасо-Прилуцком монастыре не имели никакого отношения к кабальному холопству, а использовались для оформления крестьянского порядка наряду с обычными порядными. Иногда факт и условия порядка здесь устанавливались устно, а ссуда оформлялась заемной кабалой [14, с. 229—230]. Считается, что формуляр служилой кабалы широко использовался вместо порядных в 1550—1560-х гг. вплоть до введения заповедных лет. На смену кабалам пришли рядные записи, поручные, просто записи, а сами монахи именовали такие кабалы «головными», «головными сельскими» [8, с. 170].

При всей случайности имеющегося набора источников можно отметить, что в последние два десятилетия века название и форма порядных становятся более унифицированными (используется всего пять наименований, по сравнению с десятью в предшествующее время).

Формуляр порядной записи обычно включал: 1) имя, статус и другие данные о порядчике и поряжающем; 2) объект договора: деревня, земельные и промысловые угодья, жилые и хозяйственные постройки; 3) срок порядка; 4) обязанности порядчика; 5) его повинности и подати; 6) предоставление ссуды или подмоги; 7) санкции за

нарушения условий порядка (иногда взаимные); 8) перечисление свидетелей — «послухов»; 9) имена и ответственность поручителей; 10) имя и чин писца; 11) дату составления.

Удостоверительная часть подлинного порядного акта представлена обычно подписями свидетелей-послухов. Есть сведения о том, что порядные середины XVI в. скреплялись печатью землевладельца, но только тот экземпляр, который составлялся от его лица и передавался крестьянину [12, № 176, 177]. Запись обычно писалась «по противным», то есть в двух экземплярах, от лица каждой из договаривающихся сторон; но так как сохранились только крестьянские экземпляры, которые попадали в архивы церквей и монастырей, то все имеющиеся порядные составлены от имени порядчика, а не монастырского приказчика, келаря или церковного старосты [15, с. 69]. Можно предположить, что тексты этих вариантов не были полностью идентичны.

В данной статье для обозначения документов, оформлявших порядок, помимо самоназвания будут в равной степени использоваться такие термины, как порядная, порядная запись, порядная грамота, порядный акт.

Хронология и география порядных записей. По времени составления имеющиеся у нас порядные распределяются следующим образом: 1540-е гг. — 4 источника; 1550-е гг. — 5; 1570-е гг. — 18; 1580-е гг. — 22; 1590-е гг. — 13. Наибольшее количество документов приходится на 1580-е гг. Вместе с порядными 1570-х гг. они составляют $\frac{2}{3}$ общего количества. Странным и пока необъяснимым является полное отсутствие порядных 1560-х гг.

Всего представлено 12 регионов Севера и Запада Русского государства XVI в.: от Пскова и Новгорода Великого с его землями до Кольского полуострова, Архангельска, Вологды и Сольвычегодска. Почти половина имеющихся порядных относится к Двинскому уезду. Пять территорий представлены одной-двумя порядными.

География распределения порядных грамот такова: Двинской уезд — 29 (47%), включая 2, относящиеся к волости Варзуга на Кольском полуострове; Новгородский уезд — 8; Вологодский уезд — 7; Каргопольский уезд — 6; Сольвычегодский (Усольский) уезд — 4; Водская пятинка — 3; Важский уезд — 1; Заонежские погосты — 1; Устюжский уезд — 1; Белозерский уезд — 1; Псковский — 1 (на последние 5 уездов приходится 8%).

Статус земель, на которые поряжались, и объекты порядка. Земли, на которые поряжались, принадлежали монастырям — 38 по-

рядных (61% общего числа); церквям — 22 порядных (36%), дворцовым крестьянам на Ваге — 1 порядная (1,5%) и черносошным крестьянам на Северной Двине — 1 (1,5%).

Имеются порядные девяти монастырей: Николо-Вяжищского — 11, Спасо-Прилуцкого — 7, Кирилло-Белозерского — 6, Николо-Коряжемского — 4, Соловецкого — 4; Антониево-Сийского — 3, Николо-Корельского — 1, Михайло-Архангельского — 1, Псковского Благовещенского девичья — 1. Среди церковных актов представлены порядные четырех церквей: холмогорской соборной Спасской — 17, приходской двинской лодомской Георгиевской — 3; приходской двинской Троицкой — 1; соборной устюжской Богородичной — 1.

В порядных обычно указывались не только уезд и землевладелец, но и населенный пункт, куда поряжался человек, конкретизировалась характеристика хозяйства и земельных угодий. Из 62 порядных в 43 указаны деревни (31) или их доли (12 — половина, треть, четверть, шестая часть); в 4 порядных — пустоши; в 3 — села; в 3 — волость как населенный пункт; в 1 — слободка, в 1 — починок, в 5 фигурируют только поля (включая острова); в 2 — только пожни; в 1 — двор, дворовое место и распашь.

В 25 порядных (40% от всех) на деревни, села, пустоши, поля и другие угодья имеются указания тяглового числа в долях обжи, выги, плуга, лука, вервей. Еще несколько объектов порядка: две пожни, починок, поле и распашь — указаний на свои размеры не имеют.

Сроки и время порядка. Можно сказать, что в XVI в. преобладал краткосрочный порядок: от 1 до 5 лет — 20 порядных (33%); от 6 до 10 лет — 13 порядных (21%). Наиболее «популярными» были: 5 лет — 9 порядных; 10 лет — 8 порядных; 3 года — 6 порядных; 1 год — 4 порядных. Кроме того, есть три порядных пожизненных, «до живота» и одна порядная — «до указа» (1584). Однако больше всего порядных — 24 записи — не имеют определенного срока. Это составляет 39% всех рассматриваемых источников. В некоторых из них (4 порядных) указан только срок льготы, а в 5 — монастырские крестьяне поряжаются просто «жити за монастырем».

Время порядка распределено практически по всему году, хотя и неравномерно. Наибольшее количество порядных приходится на апрель — 15 актов, то есть каждая четвертая. Не оказалось порядных, заключенных в одном только месяце — в сентябре, а в 7 (11%) — точная дата не указана. Больше всего порядных оформлялось весной — 25 записей (41%), а меньше всего летом — 8 (13%); осенью и зимой — по 11 (по 23%).

По Судебникам 1497 г. и 1550 г. переход крестьян разрешен был только раз в году — в Юрьев день осенний (за неделю до и неделю после, то есть с 19 ноября по 3 декабря). Таких порядных выявлено только шесть (10%). Они все составлены в Спасо-Прилуцком и Николо-Вяжищском монастырях (в 1552 г., две — в 1576 г., по одной в 1578 г., 1579 г., 1582 г.). Еще 4 порядных составлены в близкое к Юрьеву дню время — 6—19 декабря (по две в 1581 г. и 1589 г.). В пяти порядных Юрьев день фигурирует как дата начала и окончания порядка, хотя составление их не совпадает с этим днем: 1) в порядной холмогорской Спасской соборной церкви от 10 мая (!) 1579 г.; 2) в порядной той же церкви от 15 декабря 1589 г.; 3) в порядной Николо-Коряжемского монастыря от 22 апреля (!) 1596 г.; 4) в порядной Николо-Вяжищского монастыря от 22 октября 1599 г.; 5) в порядной того же монастыря от 29 октября 1599 г. Следовательно количество порядов, соблюдавших требование закона о крестьянском отказе, следует увеличить на пять. Вместе с указанными выше порядными, составленными в положенное время (6 актов), их общее число достигнет 11 (18%). Доля хотя и значительная, но она показывает, что на практику крестьянских порядов эта норма Судебника большого влияния не имела.

Можно предположить, что отношения, фиксируемые большинством порядных, не подпадали под действие статьи 88 о крестьянском отказе Судебника 1550 г. и, судя по всему, на окраинах государства, особенно северных, закон этот не применялся. Трудно согласится с утверждением Е. И. Колычевой о том, что «между составлением порядной записи и самим фактом выхода-входа мог пролежать значительный хронологический отрезок времени», то есть несмотря на дату составления порядной крестьянин мог переехать на новое место в установленный законом срок [8, с. 164—165, 170]. В тексте изученных нами порядных записей, как показано выше, встречаются такие случаи, но большинство порядных не имеет в тексте каких-либо корректировок по датам. Утверждать, что, несмотря на имеющиеся даты составления документов, переходы совершались в установленные законом сроки, нет никаких оснований. В центре страны, по данным хозяйственных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, сроки перехода в Юрьев день в основном выдерживались [16]. На Севере переезжать зимой (в Юрьев день) и осваиваться на новом месте было чрезвычайно тяжело.

Обязанности порядчиков. Обязанности порядчиков формулировались в записях с разной степенью подробности. В некоторых

они выражены в самых общих словах: «жити», «половничати», «в пус-те не покинути» и т. п. — 10 порядных, включая одну, в которой во-обще нет никаких сведений о том, чем и как должен заниматься по-рядчик, а перечисляются только его подати (1555/56 г.). В других пе-речисляются один-два вида земледельческих работ: пашню пахать, сеять, орать и сеять, пожню не заростить и причищать, пахать и не пустошить — 8 порядных. Чаще встречаются порядные (14 актов) с перечислением разных полевых работ и дворовой починки: пашню пахать, орать и сеять, пары парить (11), навоз/гноя/назем/натраву на пашню вывозить (16), сено косить, огороды городить и дворовые по-стройки чинить (включая ремонт мельницы). В порядной от 20 мая 1579 г. холмогорской Спасской церкви кроме земледельческих работ названа рыбная ловля, в том числе и семги.

В основной части порядных кроме земледельческих работ и дво-ровой починки есть пункты о новом строительстве — 30 порядных (почти 50% от общего числа). В некоторых из них (11 записей, включая одну, в которой говорится только о новом строительстве) фиксируются не только виды строений, но и их размеры, особеннос-ти конструкции.

Наиболее распространенной строительной обязанностью было уст-ройство ограды вокруг полей и сенокосов (в 32 порядных). В 16 ак-тах требуется построить избы (всего 24 строения); в 14 порядных — 16 сенников и подсенников; в 10 порядных — 16 клетей и подклетей; в 8 порядных — 12 бань/байен/мылен; в 7 порядных — 13 хлевов; в 2 порядных — 2 овина; в 3 порядных — 3 сарая и один мшаник. Эти сведения рисуют нам картину типичного русского крестьянского двора. Особенно хотелось бы обратить внимание на сравнительно большое количество бань и мылен, которое требовалось строить наряду с жилыми и хозяйственными постройками.

Кроме выполнения различных работ некоторые договоры (3 ак-та) содержат требования этического плана: жить в послушании, не воровать «никоторым безлепичным воровством» (1583 г., Соловец-кий монастырь); не воровать, «продажного питья» не держать (1589 г., Антониево-Сийский монастырь).

Подати и повинности порядчиков. Подати и повинности поряд-чиков обычно разделены на государственные, местные и частновла-дельческие (в большинстве своем — монастырские или церковные).

Часто о государственных и земских податях в записях говорится обобщенными формулировками: «потуги мне всякие: и царские, и

волостные земские, с людьми з земскими платить самим»; «а дань и оброк и всякие подати государские платит»; «государев царской оброк денежной давати по-старому по книгам»; «царя и великаго князя и всякие подати государские»; «дань и оброк и всякие государевы подати давати и мирские розрубы давати с миром вмисте». Клаузулы об уплате порядчиком государственных даней, оброков и земских «разрубов» встречаются в 25 порядных записях. Только государственные платежи указаны в 7 записях. В одной из порядных (от 9 мая 1574 г.) записано, что половник платит государственные дани и оброки пополам с монастырем, а в 4 — государственные и местные платежи лежат на землевладельцах (Спасская церковь, 1589, 1592 г.; Николо-Коряжемский монастырь, 1596, 1599 г.). А в порядной Троицкой церкви 1600 г. вместо половника платить государственные подати должен приказчик из церковной казны, а кроме того, порядчик получает облегчение в земских разрубях (не выбирать его в течение урочных 10 лет «в доводы государевы ни в какие»). В 7 актах порядчики получают льготу на уплату государственных податей (от нескольких месяцев до 4 лет).

В 15 актах нет никаких упоминаний об уплате государственных и местных податей, а еще в двух нет указаний ни о государственных, ни о местных, ни о владельческих (порядная на крестьянское поле 1544 г. и поручная 1590/91 г.).

Владельческие подати и повинности перечисляются, как правило, более подробно. В большинстве случаев значитится денежный оброк — всего 39 порядных (включая один платеж «головных», то есть долговых). В одной из них от 2 апреля 1590 г. холмогорской Спасской церкви не только сообщается об оброке на строительство церкви, но и о том, что порядчик заплатил его за 4 года вперед! В 3 актах используется обобщенная формулировка: оброки «монастырские платити вместе с монастырскими крестьяны»; «монастырской оброк по книгам платити и изделье всякое монастырское делати как иные крестьяня», без обозначения суммы. Натуральный оброк встречается в 13 документах (включая два случая без точного их размера), а в 7 грамотах вместо натурального оброка установлена возможность платы деньгами. Отработочная рента — «монастырское зделье» — предусмотрена в 9 порядных. Часто (17 порядных) встречается упоминание тиунских, приказчиковых, старостиних пошлин — «баран» или «за боран». Они равнялись обычно 2 алтынам, но были также по 1 алтыну и по 1 гривне.

Некоторые порядчики должны были платить половину или другую долю урожая хлеба, сена — 14 записей, из которых в 7 случаях отдавали половину, а в 7 — 5-й и 6-й сноп. В порядной устюжской соборной церкви 1599 г. предусматривается отдача половины мельничного дохода. В некоторых грамотах одновременно назначены денежный оброк и тиунские пошлыны (10), денежный и натуральный оброк и тиунские пошлыны (4), натуральный оброк и доля урожая (4), натуральный оброк и «зделье» (3), натуральный оброк, доля урожая, «зделье» и тиунские пошлыны (1).

Приходившие на пустоши и в запустевшие хозяйства крестьяне получали, как правило, льготу — 12 порядных (от 1 до 4 лет или «пока избу строит»; «вешнюю пашню не пахать»). Нет никаких сведений о ренте или платежах только в 4 порядных.

Подмога и штрафные санкции за нарушение условий порядка. Крестьяне-порядчики в большинстве своем были достаточно крепкими хозяевами, обладали необходимыми трудовыми и материальными ресурсами для ведения самостоятельного крестьянского хозяйства. Это косвенно подтверждается тем, что только четверть (23 %) из них получали ссуду или «подмогу» от землевладельца. Подмога встречается в 14 порядных. Размер денежной подмоги (6 случаев) колеблется от ½ руб. до 5 руб. В 6 порядных записано, что даются деньги и зерно (от 2 мер до 8 четвертей), а в 2 порядных — семена и зерно. Все записи о подмоге относятся к трем монастырям — Спасо-Прилуцкому, Николо-Вяжищскому и Николо-Коряжемскому.

В 1576 г. Фёдор Павлов с сыном взял на год рубль «казеново серебра» у старца Спасо-Прилуцкого монастыря, а за рост обязался жить в деревне Липовик: пашню пахать, огороды огородить и всякое «изделье делать да избу поставить». Пришли они к «готовой ржи»: 4 четверти засеяно [17, ф. 1260, оп. 5, д. 1]. Через 22 года по окладным книгам 1598 г. мы находим в этой деревне детей Фёдора — братьев Корнила и Захара, за ними «пашни плуг» и по-прежнему числится «головных денег рубль и 4 четверти семян ржи» [18, с. 386]. Они ничем не выделяются от других монастырских крестьян. Сопоставление головных кабал, поручных, порядных XVI в. Спасо-Прилуцкого монастыря с его окладными книгами 1598 г. и 1599 г. показывает, что многие крестьяне-порядчики продолжали жить в монастырской вотчине и через 16—23 года после оформления порядка, а их задолженность обычно возрастала [8, с. 172].

Больше половины порядных (35 актов) имеет пункт о штрафных санкциях при нарушении условий порядка. Размер заряда/заставы/за-

поведи, так часто называется штраф, колеблется от 0,4 руб. до 10 руб. Он обычно в два раза больше подмоги, если она выдавалась. Иногда сумма определялась оброком за год вперед или «что игумен укажет» (пена в двух порядных Соловецкого монастыря 1583 г.).

В порядных записях приходской Лодомской (1581) и Холмогорской (1582) церковью предусмотрены обоюдные санкции. Если порядчик уйдет или церковный староста вырядит порядчика раньше установленного срока, то штрафные деньги платит нарушитель.

Послухи и поручители. Только в 4 порядных (7% от всех) отсутствуют сведения о послухах, то есть свидетелях договора (1544 г., конец 1540-х гг., 1555/56 г., около 1578/79 г.). В большинстве случаев представлены два послуха (48 порядных, или 77%), но встречаются порядные с 3 послухами (6 актов), с одним (3 акта) или 4 послухами (1 акт).

Поручительство за порядчиков в XVI в. явление редкое. Среди рассмотренных порядных записей таких выявлено всего пять: 1) в записи 1551/52 г. псковского Благовещенского монастыря назван один порутчик — кожевник; 2) в записи («жители в крестьянх») Спасо-Прилуцкого монастыря от 25 марта 1585 г. фигурируют два порутчика — крестьяне того же монастыря; 3) в «поручной» записи Кирилло-Белозерского монастыря 1590/91 г. названо 19 поручителей, включая старца, священника, старосту и 16 человек, очевидно, монастырских крестьян, которые в случае бегства порядчика должны заплатить 10 руб.; 4) в поручной записи Спасо-Прилуцкого монастыря от 6 января 1593 г. названы трое порутчиков, которые за невыполнение условий порядка должны не только заплатить 3 руб. заряда, но и долговые деньги порядчика и вернуть его подмогу — монастырские семена; 5) в записи от 28 мая 1594 г. Николо-Вяжицкого монастыря за одного из пяти порядчиков «гулящего бобылка» поручается его отец — крестьянин Пятницкого монастыря. Можно сказать, что к концу XVI в. эта мера обеспечения выполнения условий порядка стала использоваться чаще.

Происхождение и социальный статус порядчиков. В изучаемых порядных значатся 127 порядчиков (дважды имеется добавление «с братьею», но без указания их числа). Получается, что по одной порядной оформлялось в среднем два человека. Наибольшее количество порядчиков отмечено в порядной Николо-Вяжицкого монастыря 1599 г. — 8 человек (два отца с сыновьями — 5 человек; и три самостоятельных крестьянина, один из которых назван «плотни-

ком»), всего пять семей. Часто поряжались вместе близкие родственники: отец с сыновьями (12 порядных — 28 человек); братья (8 порядных — 16 человек, дважды «с братьею»). Иногда встречаются порядные, по которым поряжались соседи из одной деревни. Например, на пол-острова холмогорской Спасской церкви поряжились чернососшные крестьяне из деревни Саипова Гора (1575). Женщины в порядных не встречаются за единственным исключением: жена варзужанина (Двинской уезд, на Кольском полуострове) вписана в порядную от 15 июня 1583 г. с Соловецким монастырем как самостоятельный собственник тяглых угодий (2,5 лука) вместе с мужем (4,5 лука), которые после их смерти должны перейти к монастырю [19, № 867].

В порядных записях кроме имен порядчиков, их родственных связей обычно сообщается о месте их постоянного проживания. На чернососшном Севере наличие информации о волости и деревни понимается как свидетельство о крестьянском чернососшном происхождении. Такие данные выявлены в 27 порядных (44% от общего количества рассматриваемых актов), а число лиц, записанных в порядных, — 54 человека, включая жену одного крестьянина.

В 10 порядных (17% от общего числа) фигурируют монастырские крестьяне (включая одного монастырского дворника) — 24 человека, которые, судя по всему, были крестьянами того же монастыря, с которым заключался поряд. Еще в двух актах, где указано по одному порядчику, но «с братьею», установить — являлись ли они жителями чернососшных волостей, или монастырских владений — не удастся. В одной из порядных новгородского Николо-Вяжищского монастыря 1594 г. вместе с двумя «старинными» монастырскими крестьянами упомянуты три «гулящих бобылка» [20, № 366]. Монастырские крестьяне раньше «живали-бывали» в монастырских владениях, но в других деревнях. Потом они, судя по всему, какое-то время отсутствовали. Получается, что поряжаться в крестьяне могли не только люди вольные, но и крестьяне старинные к своим же господам.

В двух порядных записях порядчиками Николо-Вяжищского монастыря выступают крестьяне из владений светского феодала Василия Басланова (его чин и характер владения не указан; вероятно, это было поместье) [12, № 178; 20, № 271].

В одной порядной на земли холмогорской Спасской соборной церкви порядчиком выступает церковный крестьянин другой церкви [21, № 58.4].

Значительная часть порядных (треть из имеющихся у нас) не содержит прямых указаний на социальный статус участников порядка. В них значится 38 человек, то есть 30% от общего числа порядчиков. Отсутствие данных о статусе этих людей может быть вызвано разными причинами. Основным объяснением, на наш взгляд, выступает отсутствие у этих порядчиков постоянного места жительства, то есть они не имели собственных земельных владений, переходили от одного землевладельца к другому. По терминологии того времени их следует называть «гулящими». О таковых мы имеем только одно свидетельство — о «гулящих бобылках». Следовательно, остальные люди из этой группы таковыми не являлись. Их можно рассматривать как особый социальный слой — вольных крестьян-порядчиков. Большинству же порядчиков были просто арендаторами, по разным причинам вынужденными снимать дополнительные земельные угодья, сохраняя при этом свои собственные земли и прежний статус.

Механизм превращения крестьян в порядчиков. Общеизвестно, что распространение порядка в деревне связано с процессом обезземеливания крестьян. Учесть все многообразие жизненных ситуаций, в результате которых они теряли свои земли, невозможно. Однако есть несколько порядных записей, которые могут проиллюстрировать пути формирования слоя порядников в русском крестьянстве XVI в.

Самые ранние из известных порядных сообщают, что земли, на которые поряжаются крестьяне, ранее принадлежали самим же порядчикам. В порядной от 28 января 1544 г. черносошный крестьянин Елизарий Федоров сын Трубин заключает договор с братьями Тимофеем и Барсаном Селиверстовыми детьми на 10 вервей земли в Карзиной курье, которую Елизарий со своими родственниками ранее им уступил. Проданы они были потому, что владельцы «не измогли» с той земли давать дани великого князя, служить службы и участвовать в волостных разрубках [12, №23, с. 55—56].

В декабре 1550 г. каргопольский крестьянин Тимофей Боярин с сыном продал свою тяглую землю ($\frac{1}{6}$ обжи) по реке Оченге Соловецкому монастырю, оставив себе двор, подворное место и новую распашь. В купчей записано, что за эти оставшиеся угодья они должны платить ежегодно монастырю по 3 алтына и продать их могли только в монастырь [19, № 163]. Срок действия договора не уточняется. В грамоте совмещены свойства купчей и порядной.

В процессе отделения крестьян от земли нередко принимало участие и государство. По порядной записи Михайло-Архангельско-

го монастыря от 23 августа 1585 г. «Антоман Севастьянов сын Лебедев с сыновьями и племянником» порядился на 5 лет на починок в Кехотскую волость в Слободку. Превращение черносошного крестьянина в порядчика в данном случае произошло не через частную сделку, а через царское пожалование. В выписке из писцовой книги 1586/87 г. на владения Михайло-Архангельского монастыря сказано, что «дана к монастырю та деревни по государеве грамоте в их место земли, что у них взята под город, а оброк сложен» [23, №311, стб. 303]. Крестьяне Лебедевы, которые, судя по всему, освоили эти оброчные земли и более 25 лет хозяйствовали на них [23, с. 527], в одночасье были лишены каких-либо прав и вынуждены были перейти в разряд порядчиков. В тексте порядной специально, по-видимому, указано, что раньше они платили государственный оброк со своих земель по 10 алтын, а с реки Смердьи и с пожен еще по 1 гривне, а по условиям порядка с тех же починков и пожен за государев и монастырский оброк они должны давать по 20 алтын, то есть в два раза больше [24, оп. 2, д. 45].

Лебедевы не смирились с утратой своих, как они считали, земель и разными способами пытались их вернуть. Почти 30 лет спустя, в 1612 г., по жалобе Архангельского монастыря на насилие Лебедевых, которые засеяли самовольно эти починки, состоялось очередное судебное разбирательство [12, №26]. В ходе него был представлен список с этой порядной записи, однако сын порядчика Митька объявил, что порядная эта «нарядная» (то есть фальшивая) — отец их «Онтоманко Потапов с ним Миткой и его братьею в монастырь не поряжались». Позднее он вместе с детьми «и с товарищи» заявил, что порядная запись «вымученая», то есть заключена была насильно. Суд им не поверил, обвиняя в том, что «видя нынешнее безгосударное время и не чаючи себя судимым», они захотели монастырскими оброчными землями завладеть «насилием». Важно отметить, что сам факт выдвижения на суде обвинения в подложности порядной грамоты или в принуждении силой заключить порядок говорит о том, что такие случаи были известны в то время.

На этом борьба крестьян за землю не завершилась. В 1628 г. монастырь жаловался, что Федот Лебедев на их монастырской земле поставил двор, покосил сено и засеял поля. В ходе разбирательства местные черносошные крестьяне сообщили, что Лебедевы никогда в волостных разрубках (то есть в уплате мирских сборов) не участвовали, называя себя «монастырскими крестьянами». В своей борьбе за

землю Лебедевы настаивали на том, что монастырь завладел их тяглыми землями, а монастырь доказывал, что эта земля оброчная и у Лебедевых никогда не было прав на нее [15, с. 250].

В писцовых книгах 1622—1624 гг. Иван Лебедев, участвовавший в суде 1612 г., с сыном Левкой и братом Ермолкой со своим сыном записаны крестьянами в тяглой деревне Подлешей (волость Кехта) на земле холмогорской «на Курцове посаде» Крестовоздвиженской церкви [25, ф. 1209, д. 9, л. 335—355]. А в переписной книге 1646 г. их дети и внуки значатся уже крестьянами Архангельского монастыря [25, ф. 137, Архангельск, д. 1, л. 585]. Так, очевидно, закончилось это противостояние крестьян и церковников.

Такие случаи не были единичными. Среди рассмотренных источников имеется 12 подобных актов, то есть почти каждый пятый, в которых зафиксированы схожие ситуации отделения крестьян от земли (см. прил., порядные 1, 2, 4, 7, 14, 23, 34, 35, 39—41, 59). Теряя свои владения, некоторые крестьяне продолжают жить на прежнем месте, но уже как порядчики, выплачивая за это новому землевладельцу (обычно монастырю) разного вида подати и выполняя повинности. Эти документы отражают начальный механизм зарождения и формирования слоя крестьян-порядчиков.

По материалам XVII в. известно, что слой новоприходцев формировали вольные гулящие люди: отпущенники, выходцы из-за рубежа, дети и родственники тяглых людей; сами тяглые люди, которые, покинув свои участки, оставили вместо себя новых тяглецов [1, с. 86—87]. В источниках XVI в. подробной информации об этом нет, хотя некоторые аналогии присутствуют.

Крестьянам-порядчикам было непросто сохранять свою свободу в условиях Московского царства. Очень яркое представление об опасностях, подстерегавших их повсеместно и ежечасно, рисует одна из порядных XVII в. В записи вольного человека Василия Дворяшенкова — «Белого Голуба» — со стольником К. У. Ординым-Нашокиным от 8 декабря 1640 г. на село Буру в Холмском уезде Псковской земли подробно перечисляются требования порядчика: не называть его ни «старым своими крепостным крестьянином, ни помещным, ни купленным, ни поступным, ни выменным, ни закладным, ни найденным своим, ни вскормленным своим». Кроме того подчеркивается, что землевладелец не давал ему ни денежной, ни хлебной, ни животинной подмоги и не брал на него ни ссудной, ни рядной памяти. Отдельно записаны требования к стольнику и его потомкам и

родственникам — порядчика и его семью ни «во крестьяне, ни в холопы не крепить, ни на сени не брать, ни в приданые, ни в данные, ни в поступные не продавать, ни променивать, ни в заклад закладывать». Предусматриваются меры и в случае смерти землевладельца: наследники не должны «ни сильно крепить и не кабалить, и в книги не записывать, ни которыми дела в них не вступатца» [26, ф. 1133, д. 80, л. 2—3].

Положение крестьянства в середине XVII в., конечно, заметно отличалось от тех условий, в которых оно находилось до Смуты, однако нет никаких оснований считать, что многие из перечисленных угроз отсутствовали в XVI в., особенно в обстановке опричнины и бедствий 25-летней Ливонской войны.

Выводы. 1. Для фиксации порядка крестьян в XVI в. могли использоваться разные по форме и названию акты, включая служилые кабалы (в Спасо-Прилуцком монастыре) и купчие (в Соловецком монастыре).

2. Поряды чаще оформлялись весной, чем осенью или зимой, в установленный Судебниками 1497 г. и 1550 г. Юрьев день осенний.

3. В среднем срок порядка был около 6 лет, но более трети порядных записей не содержат сведений о сроках. Факт этот не имеет пока убедительного объяснения.

4. Большинство крестьян, поряжаясь жить на чужой земле, сохраняли права на свои владения и свой статус. Только треть порядчиков, судя по всему, были людьми вольными, безземельными. Именно их можно обозначить как социальный слой — собственно крестьян-порядчиков.

5. Крестьяне-порядчики, лишённые собственной недвижимости, тем не менее в большинстве своем обладали всем необходимым для ведения полноценного крестьянского хозяйства. Только четверть из них получала подмогу от землевладельца и обычно надолго оседала на его землях, постепенно переходя в разряд частновладельческих крестьян.

Список источников и литературы

1. *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). М., 1898.

2. *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 1. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.

3. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946.
4. Ключков М.В. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам // Уч. зап. Ростовского гос. ун-та. Ростов н/Д, 1945. Т. 6 : Труды ист.-филол. ф-та. Вып. 3.
5. Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. // Исторический архив. М., 1953. Т. 8.
6. Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002.
7. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
8. Кольчева Е.И. Крестьянские поряды в монастырские вотчины второй половины XVI в. // Крестьяне и сельское хозяйство России в XIV—XVIII веках. М., 1989.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 2.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1914. Т. 2.
11. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22.
12. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
13. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1910.
14. Панях В.М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5.
15. Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002.
16. Кольчева Е.И. Крестьянские переходы и «заповедные лета» 70—80 годов XVI в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988.
17. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260.
18. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / сост. Л.С. Прокофьева; под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979.
19. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571. Л., 1988; 1572—1584. Л., 1990.
20. Русская историческая библиотека. СПб., 1915. Т. 32 : Архив П.М. Строева. Т. 1.
21. Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 14 : Акты Холмогорской и Устюжской епархий.
22. Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1.
23. Копанев А.И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 3.

24. Государственный архив Архангельской области. Ф. 57.
 25. Российский государственный архив древних актов.
 26. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
 27. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2.

Приложение

Порядные записи XVI века

№	Дата	Уезд, земля	Краткий заголовок	Место публикации или хранения
1	28.01.1544 г.	Двинской	«Порядная» на земли чернососных крестьян	АЮ. № 23, с. 55—56
2	26.06.1544 г.	Двинской	«Отпись»-порядная с Николо-Корельским монастырем	РИБ. Т. 14, № 24
3	После 1547 г.	Каргопольский	Порядная в половники с Белозерским монастырем	АЮ. № 176
4	31.12.1550 г.	Каргопольский	«Купчая»-порядная с Соловецким монастырем	АСМ. № 163
5	1551/52 г.	Псковская земля	Порядная-поручная с Благовещенским монастырем	РГБ НИОР. Муз. собр. № 10974
6	[26.11].1552 г.	Вологодский	Кабала-порядная со Спасо-Прилуцким монастырем	Сб. РПБ. Пг., 1924. Т. 2. Вып. 1. С. 285
7	1555/56 г.	Новгородский	Порядная с Вяжищским монастырем	АЮ. № 177
8	15.10.1558 г.	Сольвычегодский	Порядная с Коряжемским монастырем	РИБ. Т. 12, № 5. С. 129—130
9	05.05.1560 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 38. С. 61
10	26.03.1571 г.	Двинской	Порядная с Лудомской церковью	РИБ. Т. 25. Приложение. № 93
11	1571/72 г.	Каргопольский	Порядная-«оброчная» с Белозерским монастырем	РНБ ОР. Ф. СПбДА, д. А1/17, л. 1146—1147
12	10.06.1572 г.	Двинской	«Празговая» со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 57. С. 90—91
13	25.05.1573 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.1
14	09.05.1574 г.	Каргопольский	Порядная в половники с Белозерским монастырем	ГИМ ОПИ. Ф. 484. Д. 5. Л. 43
15	13.04.1575 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.2
16	06.05.1575 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.3

Продолжение табл.

№	Дата	Уезд, земля	Краткий заголовок	Место публикации или хранения
17	24.10.1576 г.	Вологодский	«Кабала»-порядная со Спасо-Прилуцким монастырем	ГАВО. Ф. 1260, оп. 5, д. 1
18	23.11.1576 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 178
19	25.11.1576 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	РИБ. Т. 32, № 271
20	26.11.1578 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 180
21	1578/79 г.	Каргопольский	Порядная в половники с Белозерским монастырем	ГИМ ОПИ. Ф. 484, д. 5, л. 40
22	Около 1578/79 г.	Каргопольский	Порядная в половники с Белозерским монастырем	ГИМ ОПИ. Ф. 484, д. 5, л. 41
23	15.02.1579 г.	Заонежские погосты	«Купчая»-порядная с Соловецким монастырем	АСМ. № 696
24	10.05.1579 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.4
25	18.10.1579 г.	Двинской	«Празговая» с Антониево-Сийским монастырем	Ист. архив. 1953. Т. 8, № 1. С. 106
26	20.11.1579 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.5
27	23.03.1580 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.6
28	09.04.1581 г.	Двинской	Порядная с Лодомской церковью	РИБ. Т. 25. Приложение. № 133
29	06.12.1581 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.7
30	19.12.1581 г.	Двинской	Порядная с Лодомской церковью	РИБ. Т. 25. Приложение. № 137
31	25.04.1582 г.	Вологодский	Порядная со Спасо-Прилуцким монастырем	АЮ. № 182
32	26.11.1582 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.8
33	08.02.1583 г.	Вологодский	Порядная со Спасо-Прилуцким монастырем	РНБ ОР. Ф. 299, д. 8
34	15.06.1583 г.	Двинской (Варзуга)	Порядная с Соловецким монастырем	АСМ. № 866
35	15.06.1583 г.	Двинской (Варзуга)	Порядная с Соловецким монастырем	АСМ. № 867
36	01.05.1584 г.	Вологодский	Порядная со Спасо-Прилуцким монастырем	РНБ ОР. Ф. 299, д. 86
37	10.01.1585 г.	Водская пятина	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 183

Продолжение табл.

№	Дата	Уезд, земля	Краткий заголовок	Место публикации или хранения
38	25.03.1585 г.	Вологодский	Поручная со Спасо-Прилуцким монастырем	АЮ. № 290.1
39	23.08.1585 г.	Двинской	Порядная с Михаило-Архангельским монастырем	ГАОО. Ф. 57, оп. 2, д. 45
40	09.01.1586 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 184
41	06.12.1589 г.	Двинской	Порядная с Антониево-Сийским монастырем	Ист. архив. 1953. Т. 8, № 2. С. 106—107
42	15.12.1589 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.9
43	02.04.1590 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.10
44	06.04.1590 г.	Двинской	Порядная с порядчиками Антониево-Сийского монастыря	Ист. архив. 1953. Т. 8, № 3. С. 107—109
45	06.04.1590 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.11. С. 106—108
46	06.04.1590 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.12. С. 108—110
47	06.04.1590 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.13. С. 110—112
48	07.04.1590 г.	Двинской	Порядная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 58.14. С. 112—115
49	04.08.1590 г.	Водская пятина	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 186
50	1590/91 г.	Белозерский	Поручная с Белозерским монастырем	РНБ ОР, QIV. Д. 1136, л. 194
51	16.04.1592 г.	Двинской	Оброчная со Спасской церковью	РИБ. Т. 14, № 73
52	06.01.1593 г.	Вологодский	Поручная со Спасо-Прилуцким монастырем	РНБ ОР. Ф. 299, д. 109
53	20.04.1593 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	РИБ. Т. 32, № 360
54	28.05.1594 г.	Водская пятина	Порядная с Вяжицким монастырем	РИБ. Т. 32, № 366
55	04.04.1596 г.	Важский	Порядная с Тавренской волостью	АЮ. № 187
56	22.04.1596 г.	Сольвычегодский	Порядная в половники с Коряжемским монастырем	ГИМ ОПИ. Ф. 226, д. 1
57	10.07.1599 г.	Новгородский	Порядная с Вяжицким монастырем	АЮ. № 189

Окончание табл.

№	Дата	Уезд, земля	Краткий заголовок	Место публикации или хранения
58	12.07.1599 г.	Новгородский	Порядная с Вяжищским монастырем	АЮ. № 190
59	22.10.1599 г.	Сольвычегодский	Порядная в половники с Коряжемским монастырем	РНБ ОР. Ф. 532. Д. 245
60	29.10.1599 г.	Устюжский	Порядная в половники с Устюжской соборной церковью	РИБ. Т. 12, № 12. С. 140—141
61	20.04.1600 г.	Двинской	Порядная в половники	ГАОО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 4
62	22.04.1600 г.	Сольвычегодский	Порядная в половники с Коряжемским монастырем	РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 225

**Государство и общество в хозяйственном освоении
Юго-Востока Европейской России
в конце XVI — начале XVIII века**

Подведены итоги изучения роли и места государства и общества в хозяйственном освоении Юго-Востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII в. Особый интерес в этом процессе представляют территории, примыкающие к крупнейшим рекам и северной части Каспия. Определяющими в их экономическом развитии стали промысловые отрасли, торговые пути и в меньшей степени земледелие. В пространстве данного региона, условно называемого нами Понизовое Поволжье, сложился один из крупнейших в России производственный комплекс добычи рыбы и соли.

The article sums up the results of the study of the role and place of the state and the society in the economic development of the south-east of European Russia in the late 16th — the early 18th century. The territories adjacent to the largest rivers and the northern part of the Caspian Sea are of particular interest. Fishing industries, trade routes and to a lesser extent farming played the defining role in the economic development of these territories. One of the largest production complexes in Russia for fishing and salt extraction emerged within this region, conditionally called Ponizovoe Povolzhie.

Ключевые слова: Понизовое Поволжье, колонизация, промысловое предпринимательство, государство, общество, рыболовство, соледобыча, транзитная торговля.

Keywords: Ponizovoye Povolzhie, colonization, commercial entrepreneurship, state, society, fishing, salt mining, transit trade.

Ряд историков скептически относится к утверждению о появлении у правящей элиты России в середине XVI в. «новой внешнеполитической линии», направленной на расширение территории страны с целью ее хозяйственного освоения и использования природных ресурсов. Как считают представители этого направления, новое «имперское», «экспансионистское» сознание формировалось крайне медленно и значительно отставало от реальных действий, обусловленных повседневными обстоятельствами внешней политики [1; 2, с. 65, 67—68; 3, с. 28, 154]. При этом отдельные положения, высказываемые ими, выглядят излишне категорично. Так, например, А. Каплер полагает, что российская экспансия вплоть до середины XIX в. определялась в основном стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими задачами [3, с. 21—22, 154]. На наш взгляд, московские власти уже в конце XVI—XVII в. понимали, что развитие России в определяющей степени обусловлено территориальной экспансией и эксплуатацией природных ресурсов новых земель.

В предлагаемой статье сделана попытка дать обобщенное представление о начальном этапе экономического освоения одного из вновь присоединенных регионов европейского Юго-Востока страны — Понизового Поволжья, определить роль и место в этом процессе российского общества и государства. Под Понизовым Поволжьем понимается восточная часть Поля, охватывающая всю прибрежную часть Волги и простирающаяся на восток до Яика (река Урал), ограниченная с севера нижним и средним течением рек Камы и Белой, с юга — побережьем Каспия. Этот регион наряду с природными особенностями в эпоху позднего Средневековья обладал определенной замкнутостью — автономностью — в своем историческом развитии. Более полное обоснование для его выделения приведено в работе Э.Л. Дубмана [4, с. 5—6]. Проводившееся на протяжении ряда лет конкретное изучение особенностей военно-административного и экономического освоения региона позволяет сделать вывод, что уже при первых Романовых в Москве смогли осознать необходимость рационального использования природных ресурсов этой богатейшей территории и предпринимали решительные действия для их эксплуатации [5, с. 530—541]. Высказанное еще в середине XVI в. мнение И.С. Пересветова о «подрайской землице» отражало настроения значительной части московского служилого сословия [6, с. 427].

Освоение Понизового Поволжья имело существенные отличия от аналогичных процессов в других районах восточноевропейского

Поля. Это своеобразие проявилось в особой правительственной политике на территории региона по отношению к автохтонному населению, в деятельности различных участников его хозяйственной колонизации, в общем направлении социально-экономического развития. Причины такой специфичности были связаны с природно-географическими условиями и геополитическим положением. В орбиту военно-правительственной и хозяйственной (прежде всего промысловой) колонизации входила вся прилегающая к акваториям основных рек Восточной Европы территория Понизового Поволжья, как в меридиональном направлении — от Камы до северного побережья Каспия, так и в широтном — от Терека до низовьев Яика и Эмбы.

Несмотря на то что присоединение региона к Московскому государству произошло в середине XVI в., массовая земледельческая колонизация его северных лесостепных территорий началась с отставанием в целое столетие — только с конца 1640-х гг. При этом она оказалась лишь одной из составляющих экономической жизни края. Несомненно, что для рассматриваемого периода именно промысловое освоение Понизового Поволжья являлось основным фактором его хозяйственного развития. Оно базировалось, как правило, на рыболовстве и добыче соли. На завоз продуктов земледелия, материалов и оборудования для промыслов, отправку в центр страны их продукции были ориентированы крупнейшие в России того времени волжская и камская транспортные системы. Промышленник-предприниматель на европейском Юго-Востоке шел впереди земледельца. Однако при наличии благоприятных обстоятельств он не отказывался и от занятий сельским хозяйством.

В связи с этим основная проблема, которую следует рассмотреть, состоит в том, чтобы определить роль и место промыслового хозяйства в освоении региона и во включении его в экономическую систему России, выявить особенности и степень участия различных промышленников в этом процессе. Очевидно, что данные факторы регионального развития нельзя рассматривать без учета роли государства. Указывая на его особое место в военном и административном закреплении вновь присоединенных территорий, следует особо выделить и хозяйственную деятельность казны. Утверждение Л.В. Милова, который, основываясь на известном положении К. Маркса, выдвинул тезис о «необычайной активности Русского государства в области создания, так называемых "всеобщих условий производст-

ва"» [7, с. 561], представляется особо актуальным для изучения процессов, происходивших на Юго-Востоке. Правительство здесь не ограничивалось только ролью гаранта безопасности края, обеспечивающего на его территории порядок.

Суть государственной политики в Понизовом Поволжье состояла в закреплении региона за Россией, защите его границ от нападений степных народов и казачьего своеволия, охране и эксплуатации волжского торгового пути, активном использовании богатейших природных ресурсов и заселении отдельных территорий. В проведении государственной политики рассматриваемого периода следует выделить ряд этапов, на каждом из которых решались свои приоритетные задачи. На первом — от завоевания края до середины 1580-х гг. — Москва с помощью военных сил и дипломатии утвердила свою власть над всей территорией региона, подавила выступления местного населения. Затем до начала Смуты правительство установило контроль над основными стратегическими пунктами в среднем и нижнем течении рек Волги, Белой, Терека, в устье Яика. Оно создало систему городов-крепостей и ликвидировало условия для складывания казачьей области на волжских берегах. Большая Ногайская Орда в этот период признала свою зависимость от России [8, с. 620]. Московские и местные власти приступили к организации и поддержке начального хозяйственного освоения природных ресурсов: рыболовецких и соляных промыслов, торговли, транзита грузов.

Смута глубоко потрясла структуры, созданные Москвой в Понизовом Поволжье, но не смогла их разрушить окончательно. К середине 1630-х гг. государству удалось восстановить и значительно укрепить свои позиции на Юго-Востоке. Были заново отстроены Саратов, Царицын и другие города, расширена сфера деятельности местной администрации в низовьях Яика и волго-уральском междуречье. Казна выступила одним из главных участников восстановления промыслового предпринимательства в регионе. Показателем относительной безопасности на его территории стало возникновение локальных районов оседлого расселения в Закамье к югу от линии укреплений между Тетюшами и Алатырем, на Самарской Луке [9, с. 56—57].

Последнее десятилетие правления Михаила Федоровича было переломным в правительственной политике на южном и юго-восточном фронтах Европейской России. Край стал военизированным и безопасным, крупные промысловые предприятия частных предпри-

нимателей возникли в устье Яика, на Эмбе, на западе Самарской Луки. Были заложены предпосылки для массового земледельческого и аграрно-промышленного освоения его северной лесостепи. Во второй половине 1640—1650-х гг. здесь было завершено возведение восточного участка единой оборонительной системы европейской части страны: Карсунской, Симбирской и Закамской засечных черт [10, с. 34—40]. Их строительство, испомещение служилых людей и массовое земледельческое освоение защищенной этими укреплениями территории Понизового Поволжья оказали огромное влияние на развитие края. Именно такие действия государства и общества были типичными в изучаемый период для всей южной лесостепи Поля. Но правительство не ограничилось этими мероприятиями. Оно заметно усилило свою активность в районах, располагавшихся к югу от прохождения засечных черт. Особенно настойчиво такая политика проводилась с середины 1660-х гг. В это время началась подготовка к новому этапу военизированной колонизации Понизового Поволжья, строительству городов, оборонительных линий. Было проведено планомерное обследование территорий волго-яицкого междуречья, низовий и среднего течения Яика. Государство приступило к формированию в регионе крупнейшего в стране казенно-дворцового промышленного комплекса.

Важнейшие направления этой политики были продолжены после преодоления последствий разинщины. Особое внимание правительство уделило укреплению южных подступов к Симбирскому Правобережью и закреплению позиций государства в низовьях Яика. Сооружение Пензы с засечной чертой, Сызрани и Кашпира, расселение различных категорий служилых людей привели к складыванию в междуречье Волги и Суры нового крупного района аграрного расселения [11, с. 204—225]. Решающими для судеб всего Понизового Поволжья стали последние годы XVII в. Взятие Азова, строительство канала, новых городов и пригородов в междуречье Волги и Дона, фактическая ликвидация автономии яицкого и донского казачества, ускоренное земледельческое освоение южной лесостепи на Правобережье коренным образом изменили ситуацию в регионе. Следствием этого стал отказ от применения на территории Симбирского края норм законодательства о «заказных городах». Было завершено формирование в Понизовом Поволжье крупнейшего в стране дворцового промышленного комплекса. В начале XVIII в. государство смогло поставить под свой контроль всех крупных предпри-

нимателей региона. Реализация секуляризационной политики Петра I и законодательства об «оброчных статьях» стала продолжением тенденций, наблюдавшихся на территории Понизовья со второй половины XVII в., и была четкой гранью в развитии промысловой деятельности, прежде всего частных предпринимателей.

Рубеж XVII—XVIII вв. оказался итоговым, решающим для Понизового Поволжья. Завершился важный период в его развитии. К началу нового столетия освоенные постоянным земледельческим населением лесостепные территории края приобретают черты «внутренней окраины» Российской державы. Государство смогло поставить под свой контроль основные силы, находившиеся как внутри региона, так и на его границах, — частных предпринимателей, яцкое и донское казачество, калмыков. Но, как и прежде, основой его экономического развития остались промыслы, торговля и транзит грузов по Волге [4, с. 55—73].

Исследователи совершенно правомерно считают, что базовыми отраслями для промыслового хозяйства Понизового Поволжья являлись рыболовство и добыча соли. Начальный период развития промыслового хозяйства заложил основу для складывания в XVIII—XIX вв. одного из крупнейших мировых центров добычи ценнейших пород рыбы. «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными. Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных». Таков был вывод сотрудников экспедиции под руководством академика К. М. Бэра, проделавших в середине XIX в. огромную работу по изучению рыбных ресурсов России [12, с. 1]. Роль Понизового Поволжья как крупнейшего в стране поставщика ценных пород рыбы и «рыбных продуктов» для XVII — начала XVIII в. не вызывает сомнений.

Отметим особую выгодность организации крупных рыболовецких предприятий, чья доходность достигала 200—250%. Несмотря на значительные издержки при перевозке грузов, продажа продукции промыслов региона позволяла получать изрядную прибыль. Общее количество вывозимых в главные торговые центры России рыбы и «рыбных припасов» подсчитать крайне сложно. Однако вся

совокупность имеющихся источников свидетельствует о том, что поставки из Нижнего Поволжья составляли основную часть торговых операций с рыбой в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке, в Москве. Большинство крупных предприятий имело товарный характер. Основную часть рыбы на продажу добывали представители привилегированного купечества — кашаевцы, и других групп предпринимателей. Предприятия дворцового ведомства и крупных церковных корпораций играли двойную роль. Они отправляли значительную часть своего улова «про обиход» в метрополию, а оставшуюся часть поставляли на рынок. Соотношение между этими потоками у различных групп предпринимателей могло колебаться в весьма широком диапазоне. Например, для монастырей центра страны волжские промыслы в основном являлись поставщиками потребительских стоимостей. Деньги, вырученные от продажи, направлялись на обеспечение самого промысла. На нужды патриаршего Дома затрачивалось не более четверти улова волжской рыбы.

Крупные привилегированные предприниматели владели рыболовецкими заведениями не только в Понизовье, но и в других регионах страны. Но роль волжских промыслов среди них была преобладающей. Базовым рыболовецким районом Понизового Поволжья был астраханско-нижнеяицкий, откуда шел основной поток продукции и где сложились наиболее значительные промысловые предприятия — учуги. Но и прочие районы, такие как саратовско-черноярский, самарский и другие, были крупными поставщиками товарной продукции. В последние десятилетия XVII в. значительное количество продукции на рынок начали вывозить с Яика.

Рыболовецкие неводные и учужные предприятия представляли собой основную организационную форму промыслового освоения территории Понизового Поволжья. Сеть крупных, средних и мелких, постоянных и сезонных промыслов покрывала берега Волги и других рек региона. На них находила сезонную работу основная масса наемных людей, каждую весну прибывавших на территорию региона.

Наиболее значимыми и постоянными из таких предприятий были учуги, неводные ватаги и рыбные дворы Дворца, патриаршего Дома, центральных и местных монастырей и епархий, привилегированного купечества. Под понятием «предприятие» следует подразумевать не единичную варницу или учуг, а всю их совокупность, сосредоточенную в данном локальном районе и принадлежащую одному частному или корпоративному владельцу. Большинство из них

можно отнести к крупной кооперации, а в организации учужных промыслов вполне прослеживаются черты мануфактуры. Объемы произведенной продукции на таких предприятиях оценивались от 1—2 до 10 и более тыс. рублей. Каждый сезон через технологический цикл единичного производства проходило несколько тысяч (до 10 тыс. и более) пудов рыбы. Численность рабочих людей достигала 100 и более человек. Зачастую промысловые предприятия имели свои хорошо укрепленные городки и дворы. Рядом с ними располагались слободы с постоянным населением, рабочей силой. Такими были дворцовые рыболовецкие комплексы у Саратова и Черного Яра, городки Н. Светешникова на Самарской Луке и М. Гурьева в низовьях Яика, учуги волжской дельты и т. д. При благоприятных условиях подобные производственные комплексы становились центрами дальнейшего промыслово-аграрного освоения региона, как это случилось с Надеиным Усольем, Сосновским рыбным двором и т. д. [13, с. 20—117, 250—275].

Добыча соли играла менее значимую роль в экономике колонизируемого края. К числу крупнейших промыслов в Московском государстве следует отнести только соляные промыслы на астраханских озерах. Производственные мощности большинства остальных предприятий были невелики и обслуживали потребности в основном близлежащей округи. Для добычи соли нанимались, как правило, временные работники. Эти предприятия полностью удовлетворяли потребность в соли не только основных хозяйственных отраслей и населения Понизового Поволжья, но и поставляли значительное ее количество на рынки страны.

Астраханские соляные промыслы по объему производства занимали второе место в России после Соли Камской. По нашим подсчетам, на них производилось не менее 20% всей потребляемой населением страны соли. Их продукция практически полностью закрывала потребности рыболовецких промыслов от северного Прикаспия и до границ с Казанским краем. Отметим, что в астраханских озерах соль добывали совершенно новым для тогдашнего производства в России способом. Ее не вываривали, что было малопродуктивно и дорого, а «сгребали». Производственный процесс существенно упростился, и затраты на неквалифицированную рабочую силу сводились к минимуму. Запасы же осадочной озерной соли из года в год пополнялись и были практически неисчерпаемыми. Последующее развитие соле-

добывающей промышленности страны было именно за этими центрами, в том числе и за гигантскими ресурсами озер Эльтон и Баскунчак [5, с. 476—529; 14; 15, с. 87—106].

Рыболовецкий и соледобывающий комплекс Понизового Поволжья, интенсивное промышленное развитие которого только началось в изучаемое время, в отличие от прочих аналогичных промышленных производств Европейской России имел блестящие перспективы. В последующих XVIII—XIX столетиях именно он занял лидирующее положение в рассматриваемых отраслях экономики страны.

Изучение предприятий основных участников хозяйственного освоения Понизового Поволжья позволяет сделать вывод, что именно промыслы и обслуживание торговых путей были важнейшей сферой их деятельности. Эти направления колонизации следует рассматривать как многомерные процессы. Их инициаторами, организующей активной силой и главными участниками были представители самых различных групп российского общества, а также и самого государства. Промысловое предпринимательство занимало важнейшее место в социально-экономической жизни региона на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до начала XVIII в. Именно оно определяло основные тенденции хозяйственного развития Понизового Поволжья, его место и особенности в складывающемся общероссийском разделении труда. Поэтому, на наш взгляд, существенной коррекции требует давно устоявшаяся схема деления истории региона на два периода, границей между которыми обычно считают создание в конце 1640-х — начале 1650-х гг. системы засечных черт и начало массовой земледельческой колонизации его северных лесостепных районов. Нельзя отрицать значимость процессов, начавшихся после присоединения европейского Юго-Востока и получивших выражение в постепенном, поэтапном закреплении территории Казанского края и прилегающего к нему с юга лесостепного пространства путем сооружения отдельных крепостей и засечных черт, перевода в их гарнизоны служилых людей. Под их защитой происходило хозяйственное освоение новых земель, сводившееся к массовым миграциям населения, формированию сети постоянного расселения, складыванию мелкого и среднепоместного землевладения, возникновению районов аграрного и промышленного производства. Итогом этих колонизационных процессов стало медленное «сползание» ареала земледельческих окраин страны, достигшее к рубежу XVII—XVIII вв. южных пределов восточноевропейской ле-

степи. Но из всей огромной территории европейского Юго-Востока эти процессы охватили только сравнительно небольшую северную лесостепную часть. Все остальное пространство осваивалось иными способами.

Рассмотрение истории Понизовья, исходя из специфики военно-административной и хозяйственно-промысловой колонизации его территории, эволюции городов и развития торговых путей, позволяет выдвинуть иные критерии для выделения основных стадий развития края. Очевидно, что направленность активной хозяйственной деятельности и логика поведения крупнейших корпоративных и отдельных предпринимателей нередко не могли уложиться в прокрустово ложе единой периодизации. Каждый из участников промысловой колонизации действовал, основываясь на своих личных интересах, хотя в значительной степени корректируемых государственной политикой. Если рассматривать понятия «хозяйственное освоение», «колонизация» в более широком смысле, не сводить их только к земледельческому освоению, можно по-иному, гораздо выше, оценивать роль Дворца, патриаршего Дома, монастырей центра, привилегированного купечества и предпринимателей в постепенном превращении края во «внутреннюю окраину» страны. Основываясь на крепостнической логике развития социальных и экономических отношений, все они должны были вносить в свою деятельность коррективы, в частности совершенствовать производственные технологии и разделение труда, широко применять вольнонаемный труд, создавать крупные товарные предприятия и т. д.

Можно выделить ряд общих черт в деятельности различных групп предпринимателей, прежде всего крупнейших, имевших особые привилегии, на территории Понизового Поволжья. К ним следует отнести постоянные усилия по закреплению в своей собственности наиболее продуктивных промысловых вод и земельных угодий (от оброчного владения к вотчинному), а также обеспечение промыслов максимально возможным льготным режимом, создание совокупности хозяйственно-административных подворий, перевалочных центров в волжских городах [16, с. 84—85]. Уже в правление Михаила Федоровича наиболее предприимчивые промышленники смогли создать крупные полифункциональные промышленные комплексы с элементами мануфактурного производства, военными гарнизонами, постоянным населением, многоотраслевым хозяйством. Этот процесс особенно ускорился в конце столетия, когда, по образ-

ному выражению одного из его исследователей В. Н. Нечаева, можно было наблюдать, как «воды превратились в покосы, леса и пашни» [17, д. 145, л. 4—5].

Отметим, что, несмотря на всю свою кажущуюся очевидность, схема неуклонной эволюции от промыслового хозяйства к промыслово-аграрному или аграрному у крупных корпоративных предпринимателей — дворцового ведомства, патриаршего Дома, центральных монастырей — не отражает основные реалии экономического освоения Понизового Поволжья. Изучение деятельности различных участников показывает, что такая последовательность в основном осуществлялась в районах, входивших в ареал интенсивного земле-владельческого освоения. Но это в большей степени была реализация сложившихся обстоятельств, а не основная задача промыслового предпринимательства в регионе. Хотя, разумеется, крупные предприниматели делали все возможное для того, чтобы поселить рядом с промыслами зависимое население и добиться его самообеспечения продуктами земледелия.

В промысловом освоении принимали участие разные категории средневекового общества — от самых привилегированных до тяглых сословий, от «верхового» до местного посадского и приборного населения. Очевидно, что важнейшее место в этом процессе занимало государство. Этому способствовала сама специфика владельческих прав на промысловые угодья. Право на их эксплуатацию и владение отличалось условностью, неустойчивостью, требовало постоянного подтверждения. Правовые нормы вотчинного и поместного землепользования распространялись на используемые угодья в весьма ограниченной степени. Это придавало промысловой собственности, не говоря уже об оброчных угодьях, характер временного владения, в значительной степени зависящего от воли центральных и местных властей. Поэтому роль государства в регуляции отношений собственности и владения была чрезвычайно высокой. Местная администрация должна была постоянно заниматься распределением промысловых угодий, осуществлять контроль над ними, собирать откупные платежи. Зачастую провинциальные власти вынуждены были организовывать казенные предприятия и руководить родственными им дворцовыми заведениями. Тем более что грань между действиями казны и Дворца в эксплуатации природных богатств края увидеть достаточно трудно.

Раньше дворцовые приказчики или закупали продукцию промыслов в Астрахани и Нижнем Новгороде, или получали ее от пред-

ставителей местной администрации, собиравших часть откупных платежей за оброчные угодья рыбой и солью. Возникновение и дальнейшее развитие собственных дворцовых промыслов (как уже говорилось выше) началось лишь с 1660-х гг. В его создании активное участие принимали как дворцовые, так и казенные учреждения, в частности приказы Тайных дел, Казанского дворца, местные власти. Дворцовые предприятия располагались едва ли не во всех промысловых районах Понизовья, но крупнейшие из них находились в астраханской дельте и низовьях Яика [4, с. 84—136].

Выдающуюся роль в промысловом и промыслово-аграрном освоении Понизового Поволжья сыграли патриарший, епархиальные казанский и астраханский дома, местные и центральные монастыри, будучи наиболее привилегированными (после Дворца) предпринимателями региона. Но и они не смогли полностью преодолеть условности владения промысловыми угодьями, права на которые приходилось постоянно возобновлять. Церковь смогла не только сохранить позиции крупнейшего предпринимателя Понизового Поволжья на протяжении всего изучаемого периода, но и значительно их усилила во второй половине XVII в. Политика государственных ограничений практически не затронула деятельность и владения церкви. Патриаршие промыслы, возникнув в начале XVII в., по-настоящему крупными стали во второй половине столетия. В основном они сложились в астраханской дельте и на востоке Самарской Луки. Предпринимательская деятельность крупнейших монастырей центра России в Понизовом Поволжье началась уже в конце XVI в. Первоначально она проявлялась в казанском и астраханском Поволжье, а затем охватила всю акваторию Волги от устья Камы и до дельты. В XVII в., особенно во второй его половине, особый размах монастырские рыболовецкие промыслы получили в относительно небольшом пространстве волжских вод от Симбирска до Саратова. Кроме промыслового рыболовства церковные предприниматели начали активно заниматься аграрным и промыслово-земледельческим освоением региона. На территории Самарского уезда патриаршая кафедра и Дворец владели основной частью пахотных и других сельскохозяйственных угодий. На территории Симбирского уезда богатейшие монастыри страны и Дворец получили в собственность ряд крупных владений вдоль всего волжского побережья. Они стали в последние десятилетия XVII в. едва ли не основными участниками

земледельческого освоения региона, хотя значительно уступали в этом отношении местному мелкому и среднепоместному дворянству [18, с. 12—22].

При создании крупного вотчинного хозяйства на территории Южного Средневожья дворцовое и патриаршее ведомства, а также центральные монастыри нередко формировали в своих владениях многоотраслевое хозяйство, в котором важную роль играло земледелие. В таких крупных владениях отчетливо проявлялся процесс воспроизводства крепостнических отношений, характерных для владений духовенства в центральных районах страны.

Крупными предпринимателями региона были представители местных епархий и монастырей, прежде всего казанских и астраханских. В основном они занимались промыслами в ближайшей округе и полученную продукцию реализовывали на местном рынке. В значительной степени подобная практика использовалась астраханскими церковными корпорациями. Промысловые и торговые интересы ряда казанских монастырей простирались от Астрахани до Нижнего Новгорода.

Активная хозяйственная деятельность «гостей» и других представителей привилегированного купечества пришлась на первую половину XVII в. Их привлекали в основном наиболее богатые промысловой рыбой воды волжской дельты и низовья Яика. Часто оборочные владения купцов-предпринимателей располагались по акватории всей Волги. Во второй половине столетия эта категория предпринимателей была вытеснена из астраханского и яицкого учужного производства. В сфере его активной деятельности остались крупные подрядные операции на перевозку рыбы и соли с низовых промыслов, хлеба, леса и других материалов «сверху», выполнение посреднических операций и т. д. [19; 20]. Немногочисленная группа наиболее предприимчивых купцов — Светешниковых, Шориных, Гурьевых, Никитниковых — создала по-настоящему крупные рыболовецкие предприятия. По размерам промышленно-торговых операций и объемам производимой продукции они были вполне сопоставимы со сменившими их дворцовыми комплексами. Успешность и экономическое могущество этих людей в значительной степени зависели от поддержки государства. Нередко они выступали его торгово-промышленными агентами [4, с. 180—210]. Уникальным случаем колонизации нового, лежащего далеко за пределами границ Московского государства степного района стало строительство «гостями» Гурье-

выми учугов и деревянного, а затем и каменного городка в низовьях реки Яик. В такой предпринимательской деятельности отчетливо проявилась теснейшая связь между государством и частными предпринимателями, взаимное переплетение их интересов. Следует также особо отметить соляной и рыбный промыслы, укрепленный городок и ряд поселений Надеинского Усолья, созданные в пустынной местности «гостями» Надеей Светешниковым и его сыном Семеном в западной части Самарской Луки [21]. Сравнимыми по размерам производства и организации технологического процесса с предприятиями «средних» представителей привилегированного купечества были промыслы жителей московских слобод. Среди них выделялись промышленники Кадашевской слободы. Их роль в откупе доходных статей понизовых городов, организации промыслов была достаточно значимой. К этой же группе примыкали богатейшие промышленники из посадов верховых городов, монастырских и дворцовых слобод и т. д. Среди них можно выделить нижегородцев — братьев Калмыковых, до того как их приписали к «гостиной сотне».

Массовость непривилегированных предпринимателей из верховых городов и уездов — посадских людей, крестьян и т. д., давала им возможность сохранять за собой достаточно серьезные позиции в промысловом хозяйстве региона, в формировании средних и мелких предприятий, транзитных перевозках и т. д. Среди них наиболее многочисленной группой были посадские и приборные люди волжских городов. Такое предпринимательство приобретало самые различные формы — от аренды оброчных угодий до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Для большинства горожан рыбные промыслы являлись важнейшим источником доходов. Именно поэтому местные жители смогли добиться приписки к городской округе примыкающих к ней волжских вод. Характерно, что пожалование «водами» для большинства городов (исключая населенные пункты по Симбирской, Карсунской и Закамской чертам), значительно опережало наделение «землями» и прочими угодьями [22, т. 4, № 32, с. 77; т. 5, № 89, с. 141; 23, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 329, 355, 357; 24, с. 13]. Таким образом, население всех понизовых городов между Тетюшами и Астраханью стало монопольным владельцем сравнительно крупных промысловых участков Волги. В Астрахани такие пожалования зафиксированы довольно поздно, и их давали, как правило, отдельным категориям населения. Так, например, в 1684 г. последовал именной царский указ о пожаловании астраханским стрельцам участка в 5 верст

в «Болде реке» [25, с. 578]. Можно согласиться с мнением А. А. Гераклитова о том, что в получении безобразных пригородных вод были заинтересованы все категории городского населения. Они же выступали коллективным пользователем всей примыкающей к данному городу речной акватории [26, с. 219].

В большинстве случаев стоимость откупов была невелика, как правило, их сроки не превышали года. На них, как и на промышленные предприятия «верховых» непривилегированных промышленников, практически не распространялись таможенные и прочие льготы.

Промысловое освоение и эксплуатация природных ресурсов европейского Юго-Востока страны способствовали дальнейшей экономической специализации отдельных российских регионов. Углублялось хозяйственное районирование и расширялся товарообмен, складывалась единая транспортная инфраструктура, в государственной казне появлялись свободные денежные средства. Вместе с тем, очевидно, что социально-экономическое развитие изучаемого региона шло в направлении дальнейшего укрепления и эволюции крепостнических отношений, становления так называемой внутренней окраины Российского государства.

Список источников и литературы

1. *Бахтин А. Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.
2. *Бахтин А. Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5.
3. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1996.
4. *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI—XVII вв. Самара, 1999.
5. *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI—XVII вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000.
6. *Пересветов И. С.* Большая челобитная // Памятники общественной мысли Древней Руси : в 3 т. М., 2010. Т. 3 : Московская Русь.
7. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
8. *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
9. *Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова.* Саратов, 2010.
10. *Лебедев В. И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006.

11. Дубман Э.Л. Юго-восток Европейской России. Самара, 2012. Ч. 1 : Поволжский фронт в середине XVI—XVII вв. Очерки истории.
12. Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1861. Т. 4.
13. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004.
14. Степанов И.В. Организация соляных промыслов в низовьях р. Волги в XVII в. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1941. Вып. 8.
15. Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007.
16. Тришкан И.Е. Из истории казенных соляных дворов XVII—XVIII вв. // Государственные учреждения России XVII—XVIII вв. М., 1991.
17. Архив Музея Новодевичьего монастыря.
18. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
19. Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959.
20. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой половины XVIII в. М., 1998. Т. 1.
21. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Научные труды : в 4 т. М., 1954. Т. 2.
22. Акты исторические, собранные и изданные археографическою коммиссиею : в 5 т. СПб., 1841—1872.
23. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.
24. Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Симбирск, 1909.
25. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 2, № 1065.
26. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923.

**Урожайность зерновых культур и плодородие земли
в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии
по сведениям Камерального экономического примечания
к Генеральному плану конца XVIII века**

Исследуются вопросы, связанные с уровнем урожайности зерновых культур в XVIII в. и оценкой плодородия земли в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии. В качестве основного источника исследования выступает Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом, состоящим в Санкт-Петербургской губернии. В работе используются количественные методы исследования. Обосновывается вывод об объективной оценке землемерами в ходе Генерального межевания почвенных ресурсов уезда.

The article studies the issues related to the level of yield of grain crops in the 18th century and an assessment of the fertility of the land in the Novoladozhsky uyezd of the St. Petersburg province. The main source of the research is the Cameral Economic Note to the General Plan of Novaya Ladoga with the uyezd in St. Petersburg province. The author uses quantitative research methods. He concludes that the surveyors estimated uyezd soil resources in the course of the General Survey objectively.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Камеральное экономическое примечание, урожайность, почвенные ресурсы, грунт.

Keywords: general land surveying, Cameral economic note, yield, soil resources, soil.

Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом, состоящим в Санкт-Петербургской губернии, по своему типу относится к наиболее информативным экономи-

ческим примечаниям к Генеральному межеванию конца XVIII столетия. По времени составления (1789—1791) оно принадлежит к самым ранним экономическим примечаниям, появившимся в первые десятилетия межевания и детально описывавшим каждую размежеванную дачу.

По мнению Л. В. Милова, этот вид экономических примечаний содержит важные фактические подробности и имеет редко встречающиеся в других источниках данные [1, с. 64—65]. Как и другие экономические примечания, Камеральные экономические примечания составлены по табличному принципу и предоставляют описание природных условий, флоры и фауны, промыслов и цифровые сведения о количестве земельных угодий, дворов, населения по конкретной даче [2, с. 5]. Помимо этих данных, привлекавших ранее историков, в Камеральных экономических примечаниях имеются сведения о составе грунта на каждой даче, произрастающих зерновых культурах и уровне их урожайности в соотношении друг с другом.

В Камеральном экономическом примечании к Генеральному плану Новой Ладogi содержатся сведения о 1059 дачах Новолодожского уезда [3; 4]. Новолодожский уезд был одним из самых больших в Санкт-Петербургской губернии. Его земли располагались по южному побережью Ладожского озера и по берегам реки Волхов. В XVI в. данная территория относилась к Ладожскому уезду Деревской пятины Новгородской земли. Новолодожский уезд был образован в 1727 г., в Санкт-Петербургскую губернию вошел в 1781 г. До этого уезд входил в территорию Новгородского наместничества, ранее — в Новгородскую губернию.

Согласно Краткому табелю, находящемуся в материалах Камерального экономического примечания, в трех погостах уезда в конце XVIII в. имелось 30 сел, 105 селец, 545 деревень и 644 пустоши. По ревизии в деревнях и селах уезда значились 19707 мужских и 20065 женских душ. В ходе Генерального межевания землемеры насчитали в Новолодожском уезде вместе с градской 742396 дес. 542 саж. земли. К сельской местности относилось 739467 дес. 687 саж. Все земли уезда делились на определенные категории, среди которых выделялись 38387 дес. 2236 саж. пашни, 18385 дес. 1972 саж. сенокосов, 564382 дес. 675 саж. дровяного и строевого леса, 119525 дес. 603 саж. различных неудобных мест. В уезде в это время в наличии оказалось 21175 мужских и 21838 женских душ [5, л. 283—284].

Территория Новолодожского уезда представляла собой низменную, лесистую и болотистую местность с наклоном к Ладожскому озеру. Низменное положение побережья вызывало заболачивание местности. Однако в Новолодожском уезде имела и цепь холмов. В северо-восточной части уезда они достигали до 40—60 саженей высоты. По территории уезда протекало большое количество речек и ручьев, связанных с Ладожским озером [6, с. 3—4]. В материалах Генерального межевания имеются сведения о 15 реках, 82 речках и 28 озерах [5, л. 285—289]. Кроме реки Волхов и ее притоков большое значение для уезда имели реки Сясь, Паша, Свирь, Оять. Но и другие реки и речушки влияли на местность, создавая особый ландшафт, состав грунта и определяя плодородие земли.

На первой почвенной карте Санкт-Петербургской губернии, составленной в 1908 г. ученым-почвоведом Р. В. Ризположенским, земли Новолодожского уезда были отнесены к различным почвенным районам. Узкой полосой вдоль Ладожского озера шли земли с преобладанием песков и наличием крупных валунов, среди которых встречались и мелкозернистые почвы суглинистого и супесчаного характера. На севере уезда были распространены различные песчаные почвы, к которым были примешаны супеси грубого состава и хрящевато-галечные почвы. Южнее шли районы, характеризующиеся распространением как грубозернистых, так и мелкоземистых супесей среди песков и болот. Восточнее Новой Ладоги были распространены подзолистые суглинки с супесчаным характером, суглино-супеси и супеси, среди которых на южной окраине района встречались подзолисто-глинистые почвы, а на северной — мергелисто-известковые. На юге уезда располагались глинисто-подзолистые почвы с перегнойными и торфянистыми образованиями, сменяющимися на более возвышенных местах заподзоленными суглинками и супесями. В западной части уезда встречались хрящеватые и песчаные почвы с примесью супесей, подзолистые и торфянистые почвы [7, с. 73—108].

Земли уезда по своему плодородию имели различную ценность. По данным земских статистиков, оценивавших позже земли Новолодожского уезда для земского обложения, лучшие земли в сельскохозяйственном отношении располагались в центральной его части, худшие — на северо-западе, северо-востоке и юге уезда [6, с. 11]. Р. В. Ризположенский, впервые исследовавший почвы Санкт-Петербургской губернии, выделял в средней части Новолодожского уезда обширный район суглинистых земель, расположенный в бассейне рек Вол-

хов и Сясь. В этом районе были распространены подзолистые суглинки с супесчаным характером, а также суглиносупеси и супеси. Спорадически в нем имелись также пески и торфяники. Особенностью других земель, расположенных главным образом по краям уезда, было их нередкое заболачивание. Так, на южной окраине Новолодожского уезда среди лесных и болотистых пространств выделялся район с глинисто-подзолистыми почвами. К востоку от реки Сясь — район с распространением различных супесей среди песков и болот. В бассейнах рек Оять и Паша — район песчаных почв с примесью супесей различного состава.

Песчаные почвы были распространены на возвышенном и расчлененном рельефе, по низинам находились торфяные болота. Заболоченным районом было и Приладожское побережье с обширным распространением песчаных почв. Здесь встречались также почвы супесчаные и глинистые, с более грубым хрящеватым и каменистым составом [8, с. 6—7]. В целом Р. В. Ризположенский сделал вывод о зависимости почв уезда от расположения девонских глин и относил к лучшей группе в сельскохозяйственном отношении почвенный район в центре Новолодожского уезда с обширным распространением суглинков [6, с. 13].

Для изучения плодородия земли в Новолодожском уезде в XVIII в. из Камерального экономического примечания к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом были отобраны записи о составе грунта на 824 дачах (77,8% от всех дач уезда), которые были занесены в базу данных (БД), созданную при помощи интерфейса *Access*. Для отбора данных использовался метод сплошной выборки, благодаря которому сведения о составе грунта в уезде вносились по мере встречаемости в источнике. Подобная методика использовалась автором при изучении плодородия земли в различных уездах Новгородской губернии, территория которых ранее входила в Деревскую [9, с. 45—55] и Шелонскую пятинны Новгородской земли [10, с. 117—130].

На 642 дачах Новолодожского уезда (77,9% от включенных в БД) были зафиксированы записи о том, какие культуры дают лучшие урожаи на определенном грунте: из посеянного хлеба лучше родились рожь и овес, греча, а прочие культуры давали посредственный урожай. Встречаются записи и об использовании органических удобрений, что способствовало повышению урожайности ржи и овса.

При работе с базой данных удалось установить, какие виды грунта по оценкам землемеров конца XVIII в. были преобладающими в уез-

де и какие встречались не так часто. Выяснилось, что на 672 дачах (81,6%) землемеры зафиксировали различные виды иловатого грунта: на 24 дачах — иловатый с глиной, на 18 — иловатый и песчаный, на 3 — иловатый и серопесчаный. Чисто иловатый грунт был отмечен на 630 дачах.

На 78 дачах (9,5%) были зафиксированы различные виды песчаного грунта: на 6 дачах — песчаный с глиной, на 6 дачах — песчаный с камнями, на 64 — чисто песчаный. На 47 дачах (5,7%) преобладали различные виды серопесчаного грунта: на 16 дачах — серопесчаный с камнями, на 31 даче — просто серопесчаный. На 18 дачах (2,2%) грунт признавался глинистым, на 8 дачах (0,9%) — сероглинистым, на 2 (0,2%) — грунт описывался как каменистый песчаный.

Как видно из приведенных данных, в большинстве случаев в Новолодожском уезде обрабатывались илистые грунты, которые изначально содержали большое количество питательных веществ. Более легкая в обработке песчаная почва, распространенная в речных долинах, плохо удерживающая воду и плодородные вещества, присутствовала на 143 дачах (17,4%). Различные виды грунта с глиной, утяжелявшей почву, были отмечены землемерами на 56 дачах уезда (6,8%). Камень, мешавший хорошей вспашке земли, присутствовал на 25 дачах (3%).

Сведения из созданной базы данных позволяют проанализировать, какие грунты в большей степени нуждались во внесении удобрений для повышения плодородия. Как оказалось, записи об удобрении земли имеются по 481 даче (58,4% от включенных в БД). На 371 из них были зафиксированы различные иловатые грунты (77,1%), причем удобрения вносились на 16 из 18 дач с грунтом иловатым с глиной, на всех дачах с грунтом иловатым и серопесчаным, на 11 из 18 дач с грунтом иловатым и песчаным, на 340 из 672 дач (50,6%) с чисто иловатым грунтом.

Полученные сведения свидетельствуют о том, что земля удабривалась на всех дачах с песчаным грунтом, в том числе с песчаным с глиной, и на всех дачах с сероглинистым грунтом. Внесение удобрений зафиксировано также на 38 дачах с серопесчаным грунтом (80,9%), в том числе на всех дачах с серопесчаным грунтом с камнями.

В описании 643 дач, внесенных в базу данных, имеются сведения о произрастающих культурах и их урожайности в сравнении друг с другом. Среди лучших по урожайности зерновых культур на всех дачах Новолодожского уезда назывался овес. Рожь, дающая лучшие урожаи, упоминалась на 640 дачах (99,5%). Остальные культуры

именовались в записях расплывчатым словосочетанием «прочие семена». На 16 дачах (2,5%) их урожайность считалась такой же хорошей, как и урожайность овса и ржи, на 573 дачах (89,1%) признавалась посредственной. На 54 дачах (8,4%) прочие семена к плодородию не были способны.

Составленная база данных позволяет ответить на вопрос, на каких землях Новолодожского уезда в большей степени фиксировались хорошие урожаи всех зерновых культур. Как оказалось, в 9 случаях из 16 (56,3%) в грунте присутствовала глина. На 6 дачах грунт описывался как песчаный с глиной, на 2 как сероглинистый, на 1 даче — глинистый. Еще на 7 дачах грунт был иловатым.

Плохие урожаи прочих культур фиксировались в большей степени на иловатых грунтах (32 дачи, или 59,3%). Песчаный грунт при плохих урожаях отмечен на 9 дачах (16,7%), глинистый — на 10 (18,5%), на 1 даче был зафиксирован грунт песчаный и каменистый, еще на 1 — глинистый. На 28 дачах (51,9%), где отмечались плохие урожаи, плодородие земли повышалось с помощью удобрения.

Сведения о грунте по отдельным дачам из Камерального экономического примечания к Генеральному плану Новой Ладogi с уездом, включенные в БД, были сопоставлены с результатами полевого исследования Новолодожского уезда, проведенного Р. В. Ризположенским. К сожалению, в отчете почвоведом, как и в «Материалах к оценке земель в Санкт-Петербургской губернии» по Новолодожскому уезду, не описываются почвенные условия отдельных поселений. Однако исследователь перечисляет деревни, относящиеся к разным почвенным районам. Данные по этим населенным пунктам дополнили имеющуюся базу данных. Благодаря этому, а также результатам полевых исследований на территории почвенных районов удалось сравнить сведения о грунте 25 деревень, которые упоминаются как дачи в Камеральных экономических примечаниях.

Выяснилось, что 20 деревень были отнесены к обширному первому почвенному району, в котором наблюдалась комбинация суглинистых, супесчаных и супесчано-суглинистых почв. Пашня деревень располагалась на возвышенных пространствах, в том числе вдоль главных рек, и в основном была поднята из-под еловых лесов, широко распространенных в этом районе. Большая часть почв относилась к подзолам [8, с. 9]. По данным Камерального экономического примечания, земельные угодья 13 деревень из этого числа располагались на территории дач с иловатым грунтом (56,5%), в том числе в двух случаях грунт был иловатый с глиной. У 10 деревень на иловатом грунте с внесением удобрения лучшие урожаи давали рожь

и овес. Хорошие урожаи без удобрения фиксировались на полях деревни Чернецкой, на полях деревни Мыслиной урожаи всех зерновых культур на иловатом грунте признавались средними. В то же время земля деревни Чаплиной без внесения удобрения признавалась не способной к плодородию. Земельные угодья четырех деревень из первого почвенного района (Ичева, Заречье, Верховина, Конец) располагались на песчаном грунте. Земли еще 3 поселений — деревень Мерятино, Большой Колосарь и Лакита — на серопесчаном, у деревни Мерятино грунт был серопесчаный с камнем. Для получения урожаев ржи и овса, а также других культур на пашню этих поселений вносилось удобрение.

Три деревни из базы данных — Верхний Хмелевик, Самушкина и Великий Мох — по данным полевых исследований, относились к третьему почвенному району, расположенному в лесистой и болотистой местностях вдоль новгородской границы. В почвенном покрове района преобладали почвы супесчаного состава, одни из которых относились к супесям, другие — к подзолистым почвам. В районе имелись и подзолистые суглинки с супесчаным характером, и различные торфянистые образования. По сведениям Камерального экономического примечания, грунт на дачах с этими поселениями считался иловатым. Урожайность указывалась только на полях деревни Великий Мох, где из посеянного хлеба лучшие урожаи с внесением удобрения давали рожь и овес, урожайность остальных культур признавалась посредственной.

Деревня Сониная располагалась в четвертом почвенном районе, в котором были распространены песчаные и торфянистые почвы. Пески нередко образовывали высокие бугры, которые зарастали сосновыми лесами. Болота были в водоразделах рек. По данным Камерального экономического примечания, грунт на даче с деревней Сониной определялся как серопесчаный. Почва деревни Сюрья была причислена к седьмому почвенному району, расположенному на небольшой возвышенности с хрящеватыми почвами. В Камеральном экономическом примечании земельные угодья деревни охарактеризованы как песчаный грунт.

Как показывает анализ составленной на основе Камерального экономического примечания базы данных, в Новолодожском уезде по своему плодородию особо выделялся обширный район, в котором преобладали иловатые почвы, в том числе с глиной. Эти данные совпадают с данными почвенного исследования, по результатам которого в уезде был выделен обширный район с преобладанием суглинистых почв. Таким образом, сопоставление данных Камерального

экономического примечания конца XVIII в. и полевых исследований, проведенных первыми русскими почвоведом, позволяет сделать вывод о том, что землемеры в ходе Генерального межевания довольно объективно оценивали плодородие земли с учетом достижений своего времени.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени» (№ 16-01-00283).

Список источников и литературы

1. *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в. М., 1965.

2. *Горский А. А.* Количественный анализ сводных данных экономических примечаний к Генеральному межеванию : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

3. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1353. Петербургская губерния. Новолодожский уезд. Экономические примечания на 1060 дач и алфавит дач владельцев.

4. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1354. Петербургская губерния. Новолодожский уезд. Экономические примечания на 1059 дач, краткий табель и описание рек, речек, озер и островов.

5. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1355. Петербургская губерния. Новолодожский уезд. Экономические примечания на 1059 дач, краткий табель и описание рек, речек, озер и островов.

6. *Материалы* к оценке земель в Санкт-Петербургской губернии. Т. 8. Новолодожский уезд. СПб., 1907.

7. *Описание* С.-Петербургской губернии в почвенном отношении (с 2 литографированными таблицами и 1 картой) Р. В. Ризположенского. Казань, 1908.

8. *Ризположенский Р. В.* Отчет о почвенных исследованиях, произведенных в 1906 году. Казань, 1906.

9. *Степанова Л. Г.* Почвы Валдая по материалам первых русских земельных кадастров // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 45—55.

10. *Степанова Л. Г.* Богатство и беднота почв Старорусского уезда Новгородской губернии по материалам Генерального межевания и исследованиям русских почвоведов // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 10. С. 117—130. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24506.html (дата обращения: 21.02.2018).

К вопросу об аграрном законодательстве Павла I в 1796—1801 годах

Рассмотрены основные вопросы аграрной политики императора Павла I, проанализировано законодательство в отношении различных разрядов крестьян и дворян. Отмечены как позитивные, так и негативные последствия аграрного законодательства для социально-правового развития российского общества конца XVIII в.

The paper explores the main issues of the agrarian policy by Paul I. The laws and regulations regarding different classes of peasants and nobles are being analysed. The article also presents positive and negative impacts of agrarian law on the socio-legal development of the Russian society in the end of 18th century.

Ключевые слова: Павел I, законодательство, дворянство, крепостничество, крестьянство, разряды крестьян.

Keywords: Paul I, legislation, nobility, peasantry, serfdom, classes of peasants.

В отечественной историографии личность и деятельность Павла I — правнука Петра Великого — получили противоречивую оценку. Внутренняя политика этого императора характеризуется исследователями неоднозначно, отмечаются недостаточные обоснованность и логичность ряда его указов и поступков. «Сложную, противоречивую натуру Павла I не смогли до конца понять ни его современники, ни последующие поколения историков», — справедливо отметил исследователь Ю. А. Сорокин [1]. «Четыре с половиной года царствования Павла I, — напоминают А. П. Раскин и А. В. Шевцов, — самый сложный период его биографии, именно вокруг событий этих лет ломаются копья писателей, историков и публицистов» [16]. Другие исследователи отмечают своевременность и целесооб-

разность многих начинаний Павла I в области внутренней и внешней политики, видят определенную систему мер там, где недоброжелатели императора усматривают лишь нагромождение бессмысленных распоряжений.

Как ни удивительно, но даже такой проницательный и разносторонний человек, как Н. М. Карамзин, не нашел ни одного светлого пятна в мрачной, по его мнению, картине павловского царствования. С. М. Соловьев довел свою капитальную «Историю России с древнейших времен» лишь до 70-х гг. XVIII столетия, поэтому в ней нет анализа павловских реформ. Лишь В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» попытался показать неоднозначность того короткого периода в жизни государства, который был связан с деятельностью Павла I. Объяснение многих странностей и нелепостей, которые в глазах современников и потомков искажали смысл и значение даже наиболее продуманных и полезных начинаний императора, Ключевский видит в тяжелых переживаниях, которые выпали на долю наследника престола. Система Павла с ее особым консерватизмом, предельной централизацией власти и определенно сформулированной «народностью» как бы предвосхищала то, что будет реализовано, но, разумеется, в ином виде на другом историческом уровне — систему Николая I, так называемую идеологию официальной народности [1, с. 41; 2, с. 434, 443].

На протяжении многих десятилетий отечественная историография содержала отрицательную оценку аграрной политики императора, включая крестьянское законодательство. В середине XIX — начале XX в. появились высказывания исследователей о деятельности наследника Екатерины II, отличавшиеся от традиционных негативных утверждений. Однако историографическая лодка вновь покачнулась, и в последние годы в трудах наших современников стала преобладать точка зрения о Павле как о потенциальном преобразователе России, стремившемся не только освободить крестьян от вековой крепостной зависимости, но и коренным образом преобразовать страну.

В данной статье была поставлена задача — изучить крестьянское законодательство в период недолгого пребывания Павла I на троне (1796—1801) и дать этому законодательству (только законодательству) собственную оценку. Такой подход, несомненно, принесет пользу читателю, так как ознакомит его с основным источником павловского времени по крестьянскому и отчасти дворянскому вопросу.

Не разделяя крайние точки зрения, высказанные исследователями, не подвергая их критике (каждый имеет право на собственное мнение) и не претендуя на общую оценку аграрной политики Павла I ввиду ограниченного круга источников, мы приходим к выводу об отсутствии у самодержца твердого курса в крестьянской, а также в дворянской политике, не позволившем ему совершить кардинальные преобразования в аграрной области (при этом следует учесть кратковременность царствования Павла). С позиции ослабления крепостного права при Павле I, скорее, наблюдались стагнация, реальное желание несколько сблизить сословия, прежде всего в правовом отношении (и в этом смысле он в известной степени последователь Екатерины II), нежели рывок к отмене крепостничества.

Если положить на чашу весов изданные императором указы, действительно облегчавшие положение отдельных категорий крестьян (при этом необходимо четко размежевать социальные слои крестьянского населения) и, напротив, ущемлявшие их права и человеческое достоинство (масштабы пожалования государственных населенных земель и превращения свободных крестьян в крепостных), то остаются неясными истинные намерения самодержца ввиду многочисленных противоречий, затруднивших оценку его законодательных инициатив.

Стремление противодействовать политике своей матушки — Екатерины II (новое царствование, отмечали современники событий, «с первых же дней явилось отрицанием предыдущего») — порой приводило к неожиданным и лишенным логики последствиям. Отчасти это нашло отражение и в серии постановлений, касавшихся дворянства и положения крестьян. Отдельные исследователи павловской эпохи не без основания считают, что император уверовал в свое предназначение — выступить в роли защитника идей и деяний Петра III.

Цесаревич Александр Павлович 27 сентября 1797 г. сообщал своему наставнику и воспитателю Ф. Лагарпу:

Вам известны различные злоупотребления, царившие при покойной императрице, они лишь увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть... Мой отец по вступлении на престол хотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более...

Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается... благосостояние государства не играет никакой роли, в управлении делами существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые были совершены, прибавьте к этому строгость, лишённую малейшей справедливости, большую роль пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; достоинство здесь не причём. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России. <...> Дай только Бог, чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цели даровать России свободу и предохранить ее от поползновения деспотизма и тирании [3, с. 352—353].

Первые месяцы пребывания Павла I на вершине династической пирамиды действительно обещали большие перемены. Известно, что при вступлении на престол и короновании венценосных государей России в обычае были отмена рекрутского набора и снижение или снятие казенных недоимок с податных сословий. Павел, повиновавшийся традиции, 10 ноября 1796 г. издал указ, согласно которому рекрутский набор текущего года, намеченный Екатериной II, был отменен [4, т. 24, с. 2]. По мнению ряда исследователей, произошло численное сокращение войск примерно на 150 тыс. человек. Рекрутский набор был возобновлен на прежних основаниях указом от 1 сентября 1797 г. [4, т. 24, с. 722]. Следует отметить, что в период правления Павла наблюдалось некоторое ослабление системы рекрутской мобилизации: 31 августа 1798 г. указ «О сборе во всем государстве с 500 душ по одному рекруту» ограничил численность поступлений солдат в армию, а в конце короткого царствования Павла, 18 августа 1800 г., вновь был отменен рекрутский набор на текущий год [4, т. 25, с. 360; т. 26, с. 264].

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что ряд распоряжений императора в отношении воинской повинности носил избирательный характер, касаясь лишь отдельных регионов и категорий населения. Имеется в виду, в частности, распоряжение от 31 декабря 1797 г., разрешившее ремесленникам исключительно трех западных губерний и г. Нарвы заменить поставку рекрутов денежными взносами [4, т. 24, с. 869]. Однако срок рекрутской службы Павел не со-

кратил. Это сделала Екатерина II, заменив в 1793 г. введенный Петром I в 1705 г. пожизненный срок рекрутской службы двадцатью пятью годами (в 1834 г. Николай I снизил время службы до 20 лет).

К решению об отмене казенных недоимок император Павел пришел далеко не сразу. Причем один из первых его шагов в этом направлении настолько противоречив, неопределенен, что с трудом поддается однозначной оценке. Восемнадцатого декабря 1797 г. был издан указ о повышении подушной подати, о повышении оброка с казенных крестьян и «о сложении недоимок по 1797 год» — все в одном указе [4, т. 25, с. 847]. Лишь 30 апреля 1798 г. появилось постановление «О сложении казенных недоимок», по которому (с ссылкой на указ от 18 декабря 1797 г.) недоимки, числящиеся на мещанах, казенных, помещичьих крестьянах «по подушному сбору» и на казенных поселянах «по оброчному доходу», составлявшие более 7 млн руб., приказано «в казну не взыскивать» [4, т. 25, с. 231]. Новый указ «О сложении недоимки податей, расположенных на 20 лет и по поземельному сбору» появился 19 августа того же года, видимо в дополнение к постановлению от 30 апреля. Остается неясным, какие категории населения затрагивал этот указ [4, т. 25, с. 348]. В декабре 1796 г. вышло распоряжение «Об отмене подати, собираемой с поселян хлебом, и о собирании, вместо оной, в казну деньгами по 15 коп. за каждый четверик». И в развитие этого постановления новое решение от 18 декабря того же года «Об отмене хлебной подати в губерниях Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской», установленное указом от 8 октября 1796 г., вместо этого — сбор деньгами по ценам, утвержденным в 1794 г. Хлебная подать сохранилась в белорусских губерниях, Рижской, Ревельской и Выборгской [4, т. 25, с. 244].

При изучении аграрного вопроса в царствование Павла I непременно следует обратить внимание на целенаправленность некоторых облегчений, данных им крестьянству. На наш взгляд, эти облегчения касались в основном двух категорий крестьян — преимущественно удельных и отчасти государственных (казенных), что вполне закономерно. Лишь некоторое смягчение трудовых условий, связанное с общими постановлениями, распространялось на крепостное население (рекрутский набор и пр.). Едва ли правомерно эти отдельные «уступки» рассматривать как политику кардинального смягчения крепостного права, поскольку любые попытки посягательства вер-

ховной власти на крепостнические отношения неизбежно вели к осложнениям с поместным дворянством — опорой трона — и требовали от императора определенного мужества.

Дальнейшие события со всей очевидностью показали отсутствие у Павла твердых намерений принципиально нарушить существующие порядки в отношении крепостного населения. Как нам представляется, лишь пунктирно намеченная при Екатерине II линия на некоторое ослабление крепостничества (прежде всего в Прибалтийских губерниях) получила слабое продолжение при Павле I. За свое короткое (менее 5 лет) царствование император пожаловал в частные руки, в крепостную зависимость, по данным В. И. Семевского, около 600 тыс. душ государственных крестьян, то есть лично свободных людей (в последнее время в литературе появилась иная цифра — около 550 тыс.). Этим он, несомненно, расширил ареал крепостничества и укрепил феодально-помещичий строй (напомним, Петр I за более четверть века царствования отдал в неволю 187 тыс. душ, Екатерина II за 34 года пребывания на троне — примерно 850 тыс. крестьян).

Адмирал А. С. Шишков в мемуарах обмолвился, что причиной столь масштабной раздачи свободного земледельческого населения в крепость была не столько щедрость императора, сколько страх перед крестьянскими волнениями, преследовавший его на протяжении всей жизни. Любопытно, что получив корону, Павел направил сенатора Рунича в уральские земли, где находились под стражей избежавшие казни пугачевцы «с изъявлением им царских милостей» [1]. Возможно, определенную роль в этом решении сыграло желание противостоять Екатерине, а также самозванство Е. И. Пугачева, выступавшего под именем боготворимого Павлом отца — Петра III.

С иных позиций оценивают необыкновенную легкость пожалования Павлом крестьян отдельные дореволюционные, а также современные исследователи, считающие, что Павел был убежден в необходимости дворянского (помещичьего) «покровительства» крестьянскому населению. Основанием для такой оценки служат признания самого императора. Накануне воцарения Павел произнес: «По-моему, лучше и всех казенных крестьян раздать помещикам. Живя в Гатчине, я насмотрелся на их управление: помещики лучше заботятся о своих крестьянах, у них своя отеческая полиция» [5, с. 13]. Трудно сказать, в чем заключался истинный смысл этих слов — в желании укрепить крепостнические устои, в боязни «пугачевщины» или в «добрых» намерениях самодержца в отношении крестьян.

«Представления Павла I о крестьянском благополучии, — пишет исследователь А. Ю. Дворниченко, — носили государственно-крепостнический характер: он считал, что крестьянам полезно находиться за помещиком, а в помещике он видел дармового полицеймейстера» [6, с. 560].

Отчетливо обозначившиеся в середине XIX в. два диаметрально противоположных историографических направления в оценке деятельности Павла I — условно говоря, «демократизация государственной жизни» или «откровенный деспотизм» — с течением времени отчасти потеряли свою остроту, наметив путь к известному сближению. Но и в настоящее время, на наш взгляд, не приведены убедительные доказательства правоты той или иной точки зрения.

По нашему мнению, можно с большой долей уверенности утверждать, что по отношению к крестьянам, как и по отношению к дворянству, Павел не определил четкого курса правительственной политики, возможно, обстоятельства помешали этому. Отсюда колебания, недоговоренность, порой нерешительность, непродуманность его практических действий. Это не противоречит тому, что, по мнению ряда осведомленных и уважаемых историков XIX в., император располагал своего рода программой государственного управления, подготовленной им в бытность цесаревичем.

Павел был, несомненно, образованным человеком, владел четырьмя иностранными языками. В 10—12 лет ознакомился с просветительскими идеями, читая произведения Вольтера, Дидро, Монтескьё, Гельвеция, Даламбера. Программа обучения наследника престола была чрезвычайно насыщена, преподавательский состав представляли выдающиеся ученые того времени: А. Л. фон Николаи, в недалеком будущем президент Академии наук, академик Ф. Эпинус, литератор С. И. Плещеев. Огромную роль в воспитании и образовании Павла играли одаренные наставники — отец Платон и С. А. Порошин. Обер-гофмейстером при наследнике был назначен Н. И. Панин — один из замечательных и наиболее известных государственных деятелей екатерининского времени, глава внешнеполитического ведомства России.

Коронация Павла I состоялась 5 (16) апреля 1797 г. и сопровождалась раздачей орденов, чинов и более 82 тыс. душ крестьян. Наиболее заметным и часто цитируемым в литературе был изданный Павлом в день коронации Манифест о трехдневной барщине (это условное название Манифест получил позднее при кодификации

закона). Закон «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещиков и о непринуждении к работе в дни воскресные» ограничивал труд крестьян на барской земле тремя днями в неделю и освобождал их от воскресных работ. «...Почитаем долгом нашим подтвердить о точном и неперменном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, — напоминал манифест, — дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам» [4, т. 25, с. 587]. Казалось, что закон открывал путь к упорядочению крестьянских повинностей в более широком плане. Но, по мнению большинства биографов Павла I, закон едва ли свидетельствовал об искреннем намерении императора коренным образом демократизировать социальные отношения, скорее, он отражал намерение императора несколько ослабить сословные привилегии, в силу чего реальное значение закона ряд исследователей ограничивает запретом крестьянского труда в воскресные и праздничные дни. «Манифест, — читаем в исследовании Н.К. Шильдера, — имевший в виду несомненную целью облегчить крепостную зависимость сельского населения, тем не менее представляет собою необдуманное и скороспелое произведение, вполне соответствующее духу тогдашнего времени; манифест вызвал к жизни множество недомыслий и неправильных толкований. Неудовлетворительность его редакции позволяла помещикам толковать его в свою пользу...» [3, с. 327—328].

Весьма осторожно оценивал манифест и академик С. Ф. Платонов:

Этот указ был понят как ограничение крепостного права. Но вместе с тем сам же Павел очень сильно содействовал росту крепостного права тем, что необыкновенно широко жаловал отдельным дворянам в награду населенные земли и обращал живших на них казенных крестьян в частную собственность. За четыре года своего царствования Павел раздал, таким образом, 600 тыс. душ [7, с. 308—309].

Почти одновременно с Манифестом о трехдневной барщине были изданы указы о закреплении крестьян за частными владельцами в области Войска Донского и в новороссийских губерниях, то есть ареал крепостничества по-прежнему расширялся. Это дало основание профессору А.Ю. Дворниченко утверждать, что «Павел I продолжал закрепостительную политику Екатерины: указом 12 декабря 1796 г. был окончательно прекращен переход крестьян, поселившихся

сы на частных землях среди казачьих земель в Донской области и в губерниях: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической» [6, с. 560].

Что касается запрета использования крестьянского труда в воскресные дни, то, вспомним, он содержался в Уложении 1649 г. Алексея Михайловича. «Манифест о трехдневной барщине, — пишет профессор С.Б. Окунь, посвятивший не один десяток лет творческому изучению павловской эпохи, — ничем не умалил прав дворянства на крепостных и не облегчил положения крестьян. Это не был удар по крепостничеству, это была попытка защититься от удара крепостничества» [5, с. 15]. Нужно учесть и такое мнение, присутствующее в отечественной историографии.

Полагаю, Манифест не следует рассматривать в качестве решительного шага, направленного на отмену крепостного права, а скорее как меру к правовому урегулированию отношений между сословиями, то есть в конечном итоге к сближению прав сословий. Представляется справедливым следующее наблюдение А.Н. Медушевского:

В проекте политических реформ Панина — Фонвизина 1784 г., обращенном к наследнику престола Павлу... выдвигалась... задача — начать движение по регулированию отношений помещиков с крестьянами правовым путем (Павел начал осуществлять эту задачу, издав указ о трехдневной барщине, то есть именно путем правовой регламентации отношений между сословиями). Результатом данной политики стала, однако, утрата поддержки дворянства... [8, с. 68].

Приблизительно то же отмечал известный исследователь событий XVIII в. Е.В. Анисимов: основная мысль Манифеста о трехдневной барщине —

запрещение работы в воскресные дни. Рекомендуются также ограничить барщину тремя днями в неделю, что трактуется как более рациональное распределение рабочего времени земледельцев. Однако неясность манифеста повлекла за собой и неоднозначную его трактовку как современниками, так и историками. Крестьяне восприняли манифест как облегчение своего положения и пытались жаловаться на помещиков, не желавших его исполнять. Известны случаи, когда помещики действительно подвергались за это взысканиям и наказаниям. Однако в основном манифест не исполнялся. Неясность манифеста, скорее всего, была нарочитой. Во-первых, Павел, опасаясь крестьянских восстаний, пытался предотвратить их популистскими мерами, во-вторых, приобретал еще

один инструмент давления на дворян. С другой стороны, открыто ослабить крепостной гнет он тоже не мог, поскольку и зависимость трона от дворянства была велика, да и намерения такие у него вряд ли были [9, с. 327—328].

Колебания в крестьянской политике императора вполне очевидны и, более того — естественны. Они свидетельствуют о том, что четко выработанной линии поведения власти по отношению к крестьянству не было. Именно поэтому некоторые постановления воспринимались скорее как случайные, временные, не отражавшие основные направления взглядов и намерений императора.

К числу последних следует отнести указ от 16 февраля 1797 г., запрещавший продажу дворовых и безземельных крестьян «с молотка»; октябрьский указ 1798 г. о прекращении продаж в Малороссии крестьян без земли [4, т. 25, с. 419]. И как бы в противовес этому — в марте 1798 г. распоряжение о предоставлении заводчикам-купцам права приобретения (не приписки!) к предприятиям крестьян с землей и без земли [4, т. 25, с. 166]. Напомним, в 1762 г. покупка крестьян к заводам с землей и без земли была запрещена. Указ Павла отменял этот запрет под предлогом того, что ряд купцов продолжал подобную практику, приобретая крестьян под именем дворян. Указ устанавливал контроль Берг и Мануфактур коллегий «дабы таковые к заводам и фабрикам купленные деревни всегда были при заводах и фабриках» [4, т. 25, с. 166].

В манифесте от 29 января 1797 г. «О должном послушании крестьян своим помещикам во всех повинностях, и о обязанности в отношении сего Губернских Начальств и приходских Священников», объявленном всенародно, Павел утверждал:

В некоторых губерниях крестьяне, помещикам принадлежащие, выходят из должного им послушания, возмечтав, будто бы они имеют учиниться свободными, и простирают упрямство и буйство до такой степени, что и самым запрещением и увещаниям от начальства и властей, нами поставленных, не внемлют... Повелеваем, чтоб все помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем их звании, были послушны помещикам своим в оброках, работах и, словом, всякого рода крестьянских повинностях, под опасением за преслушание и своевольство неизбежного по строгости законной наказания. Всякое правильное, власть и начальство... долженствует в противном случае подавать руку помощи и крестьян, кои дерзнут чинить ослушание и буйство, подвергать законному суждению и наказанию [4, т. 25, с. 305—306].

Повторим, что при пристальном и непредвзятом рассмотрении указов императора Павла, несколько облегчивших положение крестьян, на наш взгляд, неизбежен вывод о преимущественном внимании самодержца к изменению положения в первую очередь удельных и государственных крестьян, что было и закономерно, и доступно. Напомним, что категории казенных и помещичьих крестьян по численности были почти равны.

Широко известно, что удельные крестьяне находились в особом положении: они имели в пользовании значительные участки земли и ряд льгот в налогообложении. По закону от 21 марта 1800 г. удельные крестьяне получили право приобретать у владельцев частных угодий землю, но не в личную собственность, а на имя Департамента уделов, то есть фактически могли увеличивать количество обрабатываемой земли. Некоторые облегчения были даны этой категории и в отношении перехода в купеческое сословие [4, т. 26, с. 88].

Что касается казенных крестьян, то по межевой инструкции со времен Екатерины II земельный надел мужской души этой категории составлял 15 дес., и этот уровень более или менее сохранялся. Павел I 27 ноября 1797 г. издал закон, согласно которому казенным крестьянам прирезывались участки земли, недостающие до установленной «нормы». Вместе с тем в их владение передавались мельницы, построенные «их иждивением», то есть на собственные средства крестьян [4, т. 25, с. 807]. Новый указ от 10 января 1800 г. еще раз подтвердил распоряжение о переходе мельниц в собственность государственных крестьян «безоброчно» [4, т. 26, с. 15]. Июльский указ того же 1800 г. предусматривал переселение казенных крестьян «в другие селения изобилующими землями не иначе как по собственному желанию их» [4, т. 26, с. 247].

Но по-прежнему продолжалась практика приписки государственных крестьян к промышленным предприятиям, нередко сопровождаемая обезземеливанием и насильственным переселением. По указу Павла 5 сентября 1797 г. казенные крестьяне приписывались к Олонецкому, Нерчинскому, Луганскому заводам «в непосредственное оных заводов управление» [4, т. 24, с. 724]. Эта практика в значительной мере была ограничена только распоряжением министра внутренних дел В.П. Кочубея в 1803 г.

Весьма сложно для казенных и удельных крестьян решался вопрос о переходе в мещанское или купеческое сословие. Указ от 19 октября 1797 г. обязал крестьян обращаться в коллегии, казенные пала-

ты или Удельный департамент с соответственным заявлением, однако окончательное решение по каждому прошению должен был принять Сенат. Указ несколько упорядочил процедуру перехода, но практически ее затруднил [4, т. 24, с. 773—774]. Записи государственных крестьян в иное сословие мешали обычно невыполнение воинской повинности (указ от 29 декабря 1796 г.) и ряд специальных ограничений. В частности, оружейным мастерам казенных заводов строго запрещался переход в купечество (указ от 8 ноября 1797 г.) [4, т. 24, с. 795].

Законодательство императора Павла 1799 г. облегчило положение тульских оружейников, освободив их от постоя «и прочих полицейских повинностей» [4, т. 25, с. 526]. В мае того же года было несколько улучшено положение рабочих на горных заводах Екатеринбургa [4, т. 25, с. 646—651].

В то же время положение дворовых людей в царствование императора Павла довольно осложнилось. Жизненные условия и труд дворовых в полной мере определялись волей помещиков, нередко лишавших крестьян-землепашцев надела земли при переводе их в эту категорию зависимых людей. Неслучайно вопрос о положении дворовых в самом начале царствования в 1801 г. поднял в Непременном совете Александр I, а позднее к этому вопросу обратился и Николай I. По очередному указу императора Павла от 15 июня 1798 г. дворовые были приписаны «для платежа податей» к вотчинам владельцев, а с владельцев домов приказано было «взыскивать подати» за приписанных дворовых людей. Новый указ, датируемый 7 декабря 1800 г., запретил отпущенных на волю дворовых определять в канцелярские служители «без представления Сенату» [4, т. 26, с. 424].

Стремление Павла I обязать крестьян присягой государю (до Павла правительство исключало крестьян из этого торжественного процесса), отразившееся в манифесте о вступлении на престол, формально как бы приравнивало крестьянство к другим сословиям. Однако указ об этом не достиг цели, а лишь обострил обстановку в стране, вызвав волнения среди ожидавших воли крепостных. Но нельзя не принять во внимание, что для самоутверждения крестьянства как категории населения, или, как теперь принято говорить, самоидентификации, это имело немалое значение.

Крестьянские волнения сопровождали царствование Павла, особенно в 1796—1797 гг. По данным исследователя павловской эпохи С. Б. Окуня, из 41 губернии и одной области Европейской России

32 губернии (Орловская, Калужская, Тульская и др.) были охвачены крестьянскими волнениями. В ряде районов Орловской губернии, в вотчинах князя Голицына и Апраксина одновременно восставали около 13 тыс. человек [5, с. 10]. И одной из причин активности крестьянства стало возросшее оброчное обложение и другие крестьянские повинности. Для подавления крестьянского движения Павел I использовал армию. Руководителем карательной экспедиции 20 января 1797 г. был назначен генерал-губернатор Остзейского края и Литвы князь Н.В. Репнин. Ему удалось подавить крестьянские выступления в Орловской и других губерниях с помощью огнестрельного оружия и артиллерии. Призыв Екатерины II ликвидировать народные волнения «без пушек» был предан забвению.

Политика Павла I по отношению к дворянству также отличалась, на наш взгляд, неустойчивостью, отсутствием твердых принципов. Ряд его указов имел не столько четко выраженный антидворянский характер, на чем настаивают некоторые исследователи, сколько был проявлением колеблющейся позиции, вызванной сиюминутными обстоятельствами и собственными импульсивными чувствами императора. При всех реформаторских новшествах направление политического курса оставалось неизменным — укрепление самодержавной власти с опорой на дворянство. Но при этом предполагалось ограничение функциональных возможностей дворянства в законодательной области. «Павел считал принципиально важным сосредоточить всю законодательную инициативу в руках монарха, — заметил Ю.А. Сорокин, — так что дворянское сословие лишь служило бы, получая за это щедрое вознаграждение» [1, с. 53]. Остается не вполне ясным, какие ограничения предполагал ввести Павел, желая ослабить влияние дворянства на законодательную власть, и сколь радикальными могли быть ограничительные меры? Едва ли столь неопределенные намерения Павла дают основания для утверждения о его чуть ли не конституционных взглядах под влиянием его наставника с 1761 г. Н.И. Панина — сторонника конституционной монархии по шведскому образцу, что имеет место в отдельных исторических исследованиях. Нужно учесть, что никаких массовых гонений на дворян, включая и екатерининских вельмож, при Павле не было.

Известно, что русское дворянство не было однородным, причем отдельные его категории имели разные права. Личные дворяне законодательно были лишены прав на крепостных крестьян. К началу XIX в. часть не только личных, но и потомственных дворян в значи-

тельной мере разорилась. Любопытные сведения об этом, почти не используемые в исторической литературе, привел исследователь Г. Е. Миронов, ссылаясь на данные 8-й ревизии 1834 г.: 45,9% помещиков-дворян имели по 20 душ крепостных, беспоместных дворян было 14%. К 1850 г., то есть к середине века, 148 685 потомственных дворян, а всего их насчитывалось к этому времени 253 068, вовсе не имели крепостных, 23 984 считались мелкопоместными, поскольку владели менее 10 душами. Примечательно, что 109 444 помещика сами занимались хлебопашеством [10, с. 125].

В значительной мере в противовес екатерининским распоряжениям Павел вернул из ссылки поляков, освободил мятежного генерала Тадеуша Костюшко, предоставив ему возможность эмигрировать в Америку. Известны слова, сказанные императором Костюшко: «Я знаю, что вы много выстрадали, что вас долго оскорбляли, но при прежнем правлении все честные люди преследовались, и я в первую очередь») [11, с. 395—406; 12, с. 110]. Император возвратил из Илимска ссыльного А. Н. Радищева и обеспечил ему должность в системе государственной службы, выпустил из Шлиссельбургской крепости Н. И. Новикова с правом проживания в собственных имениях. Павел I действительно чрезвычайно противоречивая историческая личность, вследствие чего делать какие-либо категорические выводы относительно его недолгого царствования представляется несвоевременным, принимая во внимание недостаточную изученность его внутренней политики.

Одной из идей, прочно утвердившихся в болезненном сознании Павла, была «чистота» дворянских рядов. Указы от 3 февраля и 17 апреля 1798 г. позволили уволить из армии офицеров-недворян, которым запрещено было претендовать даже на младший офицерский чин. Не менее суровые постановления коснулись нарушивших дисциплину дворян. Указ от 15 ноября 1797 г. запретил всем дворянам, уволенным из армии, принимать участие в дворянских выборах: «...дворяне, исключенные из воинской службы, не только сами не были ни в какие должности избираемы, но и голосов от них на выбор других не принимать» [4, т. 24, с. 800]. Это правовое ограничение было подтверждено январским указом следующего 1798 г.: воинских чинов, «уволенных со службы за нарушение дисциплины и по другим причинам», не определять в гражданскую службу и «не иметь им при дворянских выборах ни места, ни голоса» [4, т. 25, с. 30]. Ограничения для офицерского состава были установлены и при заключении брака.

Наиболее существенной потерей для дворянства оказались нарушения (но не отмена!) императором Жалованной грамоты дворянству, дарованной Екатериной II. Какие же положения основного дворянского закона были отвергнуты Павлом? Статьи 37 и 38 Жалованной грамоты предоставляли право губернскому и уездному дворянству раз в три года созывать съезды, на которых избирались губернский и уездный предводители дворянства, состав судебных учреждений губернии, земский исправник, то есть дворянские руководители местных сословных органов. При этом, что важно, функции губернатора как представителя высшей государственной администрации были минимальны и сводились почти исключительно к наблюдению. Указ Павла от 9 марта 1798 г. о присутствии губернаторов на дворянских собраниях по общественным делам [4, т. 25, с. 126] усилил роль центральной администрации, наделил губернаторов контрольными функциями. Более того, ряд организационных вопросов, связанных со съездами дворянства, мог быть разрешен лишь волей генерал-прокурора Сената. Эти меры не только затрудняли созыв съездов, но ставили под непосредственный губернаторский контроль их деятельность. Указ от 14 октября 1799 г. фактически упразднил губернские дворянские собрания, чем нанес ощутимый удар по системе сословного самоуправления. Выстраивалась, условно говоря, управленческая вертикаль. Изменение статуса губернских съездов повлекло за собой заметные перемены в порядке выборов губернских предводителей дворянства. Отныне губернские предводители избирались не дворянством всей губернии, а из числа уездных предводителей, то есть выборы теряли прямолинейность, становились двухступенчатыми. Одновременно дворянство лишалось права ходатайствовать перед высшей властью от лица всей губернии. Следует обратить внимание, что запрет созыва губернских съездов возник в тревожной обстановке в связи со сложным политическим положением в ряде районов Польши, где активизировались оппозиционные силы. Видимо, не последнюю роль в принятии Павлом этого решения сыграли постоянные опасения усиления свободолюбивых настроений. Ограничения дворянского самоуправления и представительства были сняты при Александре I.

Введение императором телесных наказаний для дворян, лишенных дворянского звания, воспринималось как жестокая (иногда наказания заканчивались летальным исходом) и унижительная мера. Сенат 2 января 1797 г. представил самодержцу доклад с ссылкой на

Жалованную грамоту 1785 г. о неприменении к дворянству телесных наказаний. На следующий день последовала резолюция Павла: «как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается. По сему и впредь поступать». В число наказуемых телесно за уголовные преступления указ от 15 апреля 1797 г. включил дворян наряду с гильдейскими гражданами, священниками и дьяконами [4, т. 24, с. 590]. Вместе с тем известны случаи, когда Павел отменял телесные наказания, назначенные администрацией губерний. Ограничение дворянских привилегий, армейская муштра, ссылки, телесные наказания вызывали среди дворянства плохо скрываемое возмущение и неизбежно приближали трагическую развязку.

Одной из важных мер финансовой поддержки дворянства в период павловского правления стало учреждение 18 декабря 1797 г. Государственного вспомогательного банка для дворянства с целью погашения долгов. В указе об открытии действий банка, устав которого был утвержден 17 февраля 1798 г., говорилось:

Многие дворянские роды от неминуемой крайности впадая в руки алчных корыстолюбцев и ростовщиков... готовят плачевный жребий нищеты невинному своему потомству. Болезнуя о таковых сердечно и поспешая извлечь их из сего бедственного состояния сохранением из роды родов наследственного имения похвальною службою и трудами предков их приобретенного, восхотели Мы из всегдашнего милосердия нашего подать дворянству нашему новую и скорую помощь учреждением Государственного вспомогательного банка для дворянства [4, т. 24, с. 825].

Под залог имения банк выдавал помещику ссуду сроком на 25 лет из расчета обычного в то время банковского процента — 6% годовых. Показательно, что ссуды выдавались специальными билетами, приносившими 5% годового дохода. Государственный вспомогательный банк, средства которого по некоторым данным использовались дворянством не только для погашения «внешних», то есть государственных долгов, но и долгов внутри сословия, был упразднен Александром I в 1802 г.

По-видимому, настроенное отношение к демократическим движениям в Западной Европе подтолкнуло Павла I к принятию 29 ноября 1798 г. «достоинства великого магистра державного Ордена Св. Иоанна Иерусалимского». Депутация капитула Мальтийского ордена преподнесла императору корону и регалии великого

магистра. Любопытно, что при процедуре избрания были нарушены два положения принятого ритуала: великим магистром мог стать только латинянин, то есть католик (православных великих магистров история ордена не знала), к тому же давший обет безбрачия (Павел был женат дважды). По этому поводу А.А. Васильчиков заметил: «С какою-то болезненною поспешностью самодержец всероссийский, первый сын и даже, как он воображал себе, глава православной церкви, женатый, отец семейства, провозгласил себя гроссмейстером Мальтийского ордена, основами котораго были безбрачие и латинство» [3, с. 381]. Современники отмечали, что с того времени заметно усилилась иезуитская пропаганда в России. В члены Мальтийского ордена был принят и А.В. Суворов.

Православная церковь России была возмущена тем, что глава Российского государства, который отрицал покровительство папы Римского, вдруг стал предводителем ордена, признававшего папу как абсолютного главу. Однако Павел проигнорировал это недовольство.

Двенадцатого февраля 1798 г. последовал павловский указ «Об отпуске и содержании командорств Мальтийского ордена». Ежегодно им предстояло выплачивать из русской казны по 87 тыс. руб. [4, т. 25, с. 566]. В следующем году, 15 февраля, были высочайше утверждены правила для принятия российского дворянства в Орден Св. Иоанна Иерусалимского [4, т. 24, с. 647].

Подозрительность и боязнь проникновения в Россию революционных идей привели Павла к применению в довольно широких масштабах мер полицейского характера. В июле 1797 г. был издан указ о рассмотрении Сенатом книг, признанных цензурой «недозволенными и сомнительными» [4, т. 25, с. 247]. В феврале 1797 г. были закрыты все частные типографии, действовавшие ранее (вспомним, что в царствование Екатерины цензуры не было, именно в собственной типографии А.Н. Радищев издал «Путешествие из Петербурга в Москву»). Была создана специальная цензура для зарубежных изданий, с начала нового столетия утвержден запрет на ввоз в Россию иностранных книг и музыкальных произведений. В следующие годы цензурные строгости значительно усилились. Указы от 17 мая 1798 г. и 16 апреля 1799 г. учредили цензурные комитеты при портах, в том числе Кронштадте, Ревеле, Выборге, Архангельске. Причем «за непредоставление цензорам получаемых газет или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг» следовало наказание. В документе отмечалось: «Правительство, ныне во Франции суще-

ствующее, желая распространить безбожные свои правила на все устроенные государства, ищет развращать спокойных обитателей оных сочинениями, наполненными зловредными умствованиями» [4, т. 25, с. 584—585].

В марте 1799 г. была учреждена духовная цензура в Москве при Донском монастыре. Просмотру подлежали разного рода сочинения, переводы церковных книг [4, т. 26, с. 133]. Строгий указ от 18 апреля 1800 г. гласил: «Так как чрез вывозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне... повелеваем запретить впуск из-за границы разного рода книг, на каком бы языке они не были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку» [4, т. 26, с. 133].

К концу правления Павла борьба с инакомыслием заметно усилилась: в 1800 г. были отданы распоряжения, предоставившие петербургской цензуре решающую роль в определении нежелательных книг, без согласования с которой периферийные цензурные комитеты не могли принимать самостоятельных решений. «Странное дело, — писал в это время Н. М. Карамзин поэту и государственному деятелю И. И. Дмитриеву, — у нас есть академия, университет, а литература под лавкой...» [15].

Одновременно репрессивные меры коснулись молодых людей, обучавшихся в зарубежных учебных заведениях. Указы от 9 апреля и 17 июня 1798 г. обязали студентов возвратиться в Россию в течение двух месяцев «ввиду зловредных правил к воспалению незрелых умов, на необузданное и развратное умствование подстрекающих». Здесь же содержалось предупреждение: «В противном случае с именем их поступлено будет подобно с отбывшим тайно, т. е. навсегда взять в казну» [4, т. 26, с. 186, 280]. И это не было пустой угрозой, известно, что за пребывание в Англии в 1801 г. лишился имения граф Воронцов [4, т. 26, с. 532].

Фактически борьба с влиянием Французской революции переросла при Павле в борьбу со всем французским. Конфискации подлежали французские капиталы, хранящиеся в Государственном заемном банке, арестованы товары, находившиеся на кораблях и т. д. Более того, с целью поддержки французского короля «с его фамилиею» был отдан приказ государственному казначею в 1798 г. о выдаче ежегодно королевской семье 200 тыс. рублей. Ужесточены были условия приезда иностранцев в Россию и утверждены новые правила пересечения границы.

Централизация государственного аппарата, усиление административно-контрольных функций губернаторов на местах и влияния генерал-прокурора Сената, меры полицейского надзора, введение прусских порядков в армейской жизни, сложные, малопонятные ритуалы, навязываемые двору, стремление к единоначалию в управлении страной — в совокупности эти меры изменяли характер государственной власти, вытесняя коллегиальность, коллективные принципы. Многие из новых положений государственного устройства нашли отражение в собственноручной записке Павла «Рассуждение о государстве вообще», составленной в 1774 г., то есть еще до вступления на престол, и представленной им Екатерине II. В ряде исследований находим предположения о том, что при реформировании государственного аппарата и особенно армии Александр I использовал высказанные в «Рассуждении...» мысли своего отца.

Император Павел усердно занимался законотворчеством. За свое недолгое царствование он издал огромное количество законов, указов, разного рода распоряжений. По подсчетам современных исследователей при Павле было обнародовано 2179 законодательных актов. Не все законотворческое наследие Павла получило возможность немедленной реализации, часть законодательных постановлений была осуществлена им лишь после вступления на престол [13, с. 61]. Неоднозначность ряда законодательных инициатив Павла неоднократно отмечалась современниками.

Нельзя не согласиться с высказыванием исследователя А. М. Пескова, опубликовавшего содержательную монографию о жизни и деяниях Павла I: «...логичные и справедливые по отдельности указы Павла I дают в сумме очень сильное впечатление алогичности и несправедливости всего его царствования в целом, и комментарии могут только ослабить или увеличить силу этого впечатления, но переменить его не могут» [14, с. 12].

Список источников и литературы

1. *Сорокин Ю. А.* Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11. URL: <https://www.twirpx.com/file/1459835/> (дата обращения: 08.07.2018).
2. *Павел I* Петрович 1754—1801 // История государства Российского. Жизнеописание. XVIII век. М., 1996.
3. *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. М., 1996.
4. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).* Первое собрание.

5. *Окунь С. Б.* История СССР. 1796—1825. Л., 1948.
6. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия : учеб. пособие. М., 2010.
7. *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. СПб., 1997.
8. *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII — начало XXI века. М., 2005.
9. *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* История России 1682—1861. М., 1996. Гл. V.
10. *Миронов Г. Е.* История государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995.
11. *Искюль С. Н.* На пути к сословному раскрепощению: манифест от 18 февраля 1762 г. // Государство и общество в России XV — начала XX века. СПб., 2007.
12. *Труайя А.* Павел Первый. СПб., 2014.
13. *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1986.
14. *Песков А. М.* Павел I. М., 2003.
15. *Гавриил Романович Державин.* URL: https://revolution.allbest.ru/literature/00240733_2.html (дата обращения: 19.02.2018).
16. *Раскин А. П., Шевцов А. В.* Павел I Петрович. 1754—1801 // История государства Российского. Жизнеописания. XVIII век. М., 1996.

**«Неутомимый работник
в области русского сельского хозяйства»:
Константин Антонович Вернер (1850—1902)**

Впервые в российской историографии комплексно проанализированы хозяйственные взгляды и просветительская деятельность известного земского статистика, агронома, историка и педагога К. А. Вернера.

For the first time in Russian historiography the author analyses the economic views and educational activity of the famous Zemstvo statistician, agronomist, historian and teacher Konstantin Werner.

Ключевые слова: Россия, аграрная история, К. А. Вернер.

Keywords: Russia, Agrarian History, Konstantin Werner.

Жизни и деятельности К. А. Вернера посвящены лишь отдельные специальные работы [3; 5; 7; 9; 15; 16, с. 277—292; 20, с. 334—335, 344—345; 38, с. 357—358]; при этом наиболее содержательной из них остается краткая, но насыщенная фактическим материалом статья известного ученого князя В. И. Массальского, опубликованная вскоре после смерти исследователя-аграрника [13, с. 124—146].

Константин Антонович Вернер родился 9 февраля 1850 г. в местечке Немиров Брацлавского уезда Подольской губернии в семье учителя французского языка. Его дед, уроженец Эльзаса, в составе войск Наполеона принимал участие в походе на Россию в 1812 г., был взят русскими в плен, а затем женился в Москве на русской купчихе. После окончания войны он вернулся на родину, однако его сын, родившийся от этого брака, в 1835 г. уже окончательно переселился в Россию, где женился на немке (дочери лютеранского пастора). В этой семье и родился будущий ученый.

Первоначальное образование К. А. Вернер получил в I—IV классах Ришельевского лицея (1862—1866) — высшего учебного заведения в Одессе, созданного по указу императора Александра I в 1817 г., а в 1865 г. преобразованного в Новороссийский императорский университет.

В 1866 г. он поступил юнкером в расквартированный в Севастополе армейский полк, спустя год он уже учится в Одесском юнкерском училище, окончив которое отказался от офицерского чина и в 1868 г. перешел в Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Закончил он училище всего за один год (1869-й), выдержав выпускной экзамен из младшего класса (минуя старший) — «беспримерный в летописях училища шаг!» [13, с. 125].

В 1870 г. К. А. Вернер окончил старший класс Николаевского военно-инженерного училища и был отправлен в чине саперного подпоручика на военную службу в Киев. С 1871 г. он изучал в Киеве естественные науки; был вольнослушателем математического факультета Киевского университета, где организовал офицерский кружок. В этот период Киев был охвачен широким движением учащейся молодежи, знакомство с которым также оказало влияние на формирование взглядов совсем еще юного студента.

В 1872 г. К. А. Вернер поступил в Николаевскую военно-инженерную академию, однако в 1875 г. прервал обучение и оставил военную карьеру, поступив вольнослушателем в Петровскую земледельческую и лесную академию. Причины такого на первый взгляд спонтанного решения были все же весьма основательны и по-своему логичны: «живой природный ум» молодого человека «слишком мало находил себе духовной пищи в тисках военной муштровки и выправки» [13, с. 125].

К. А. Вернер дважды подвергался арестам. Вначале, 21 сентября 1875 г., он был «обыскан и арестован» (по делу Г. Ф. Здановича), а затем «привлечен к дознанию по делу о пропаганде», однако 11 ноября 1876 г. дело было прекращено «за недостатком улик». Вторично К. А. Вернера арестовали в 1876 г. за то, что он принял участие в коллективном протесте студентов и вольнослушателей академии против «полицейского режима» местной администрации, войдя в число трех студентов-депутатов, избранных для передачи прошения в Министерство государственных имуществ. Именно за участие в этом «крамольном» (по мнению начальства) «действии скопом» К. А. Вернер вместе с двумя другими «зачинщиками» (В. Н. Григорь-

евым и В. Г. Короленко) 24 марта 1876 г. был выслан в Вятскую губернию «под гласный надзор», где 9 апреля 1876 г. «водворен» в г. Глазове.

В 1875—1877 гг. он самостоятельно изучал в этом небольшом вятском городке агрономию. Однако после начала Русско-турецкой войны К. А. Вернер подает прошение о зачислении в армию. В 1877—1878 гг. он уже поручик Елизаветпольского полка 39-й дивизии в Кавказской действующей армии, командует ротой, затем батальоном. К. А. Вернер храбро сражался с турками, участвуя в трудных и рискованных предприятиях, принимал участие в штурме г. Карса 6 ноября 1877 г. Он не только был контужен, но и дважды перенес заболевание тифом. В условиях передовой К. А. Вернер проявил свои лучшие личные качества, включая отзывчивость и доброту, «сумел расположить к себе солдат, которые прозвали его Верным» [13, с. 127], по-своему переименовав немецкую фамилию, непонятную одетым в солдатские шинели крестьянам.

В 1878 г. по окончании войны Вернер вышел в отставку, а в 1879 г. блестяще сдал экзамен в Петровской земледельческой и лесной академии на степень кандидата сельскохозяйственных наук. В 1879—1880 гг. К. А. Вернер работает секретарем Полтавского общества сельского хозяйства — одного из ведущих сельскохозяйственных обществ Южной России [46, с. 75—79]. При этом ему удалось заметно активизировать деятельность общества путем включения в его программу не только узкотехнических, но и общеэкономических вопросов [13, с. 127].

К. А. Вернер вошел в историю русской экономической мысли в основном в качестве статистика. Такая оценка, сформировавшаяся в отечественной историографии, вполне объяснима, учитывая огромный объем аналитической работы, проделанной ученым за долгие годы в области статистических исследований.

Оставив работу в Полтаве, он всецело сосредоточился на статистических научно-практических изысканиях. В течение двух десятилетий ученый провел углубленные и разносторонние статистические обследования Московской, Вологодской, Ярославской и Таврической губерний, а также Западной Сибири и Туркестана.

В 1880—1883 гг. К. А. Вернер трудился в статистическом бюро Московского губернского земства в качестве помощника известного общественного деятеля, «отца земской статистики» В. И. Орлова [40, с. 161] с которым познакомился, еще работая в Полтаве. Он провел

статистические обследования губернии (преимущественно помещичьих хозяйств), а также промыслов и пригородного хозяйства сельского населения, исследовал местные почвы.

Уже первая печатная статистическая работа К. А. Вернера 1881 г. — «Очерк хозяйства частных землевладельцев в Борисоглебском уезде» — стала весьма плодотворным результатом его поездки в 1880 г. (вместе с В. И. Орловым) в Тамбовскую губернию. Научным изысканиям К. А. Вернера в этот период во многом способствовала исключительно плодотворная деловая обстановка, сформировавшаяся в Московском губернском земстве под руководством В. И. Орлова. Как отмечалось позже, К. А. Вернер «прямо попал... в образцовую статистическую лабораторию, где мог не только наблюдать, но и сам воспроизводить все операции статистических работ — с самых первоначальных до самых конечных их стадий» [13, с. 128].

В 1882 г. ученый-аграрник подготовил для Московского губернского земства содержательный очерк подгородного крестьянского хозяйства, подробно описал крахмально-паточный промысел Московской губернии, мясной и хлебный рынок в Москве. В 1883 г. он опубликовал работу о частновладельческом хозяйстве в шести уездах Московской губернии. По мнению современников, она еще долго служила образцом в области земской статистики частного хозяйства (см.: [36]).

В дальнейшем (с 1884 г. по 1889 г.) К. А. Вернер работал в Таврической губернии. Здесь ему пришлось действовать уже в совершенно иной, гораздо более сложной хозяйственной и социокультурной обстановке, включая прежде всего «чрезвычайное разнообразие хозяйственных групп, форм и условий», а также «крайнюю пестроту разноязычного населения» [36, с. 130].

К. А. Вернер впервые применил (вместе со статистиком С. А. Харизоменовым (см.: [32]) группировку крестьянских дворов **по величине посева** при разработке подворных данных по Мелитопольскому уезду (1887). Это стало принципиально новым этапом в развитии всей земской статистики России. «Благодаря такой подворно-групповой разработке, — отмечал В. И. Массальский, — у земства, да и у всех интересующихся экономическим положением деревни, явилась возможность впервые взглянуть на русскую общину не через средние поселенные цифры, сплошь и рядом отражающие действительность наподобие кривых зеркал, а прямо так, как она представлялась в самой жизни... и составить совершенно ясное понятие об экономическом положении населения» [13, с. 131].

Вместе с тем использованный К. А. Вернером прием группировки крестьянских хозяйств Таврической губернии по величине надела, при котором учитывались крестьяне с одинаковым количеством рабочего скота, был критически оценен В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» [23, с. 73].

К. А. Вернер, кроме того, издал в девяти томах результаты исследований Таврической губернии, проведенных под его руководством в течение шести лет. В 1888 г. он наладил в Таврической губернии текущую хозяйственную статистику, организовав сбор материалов не обычным стандартным методом (при помощи корреспондентов), а *экспедиционным путем* (самими статистиками на местах) [13, с. 132]. Как подчеркнул он сам, «опыт показал, что экспедиционный способ вполне применим и к текущей статистике» [4, с. I—II].

В 1884—1889 гг. К. А. Вернер также принимал активное участие в статистическом обследовании начального образования в России, организованном членами Вольного экономического общества. Он разрабатывал опросные формуляры, а также программы данного обследования [13, с. 134]. В 1901 г. К. А. Вернер наряду с видным ученым Н. А. Каблуковым стал одним из организаторов экспертизы оценочно-статистических исследований статистического бюро Таврического губернского земства. Кроме того, он вошел в состав семи «членов-учредителей» статистической комиссии при ВЭО, образованной в середине 90-х гг. XIX в., способствовал активизации работы статистического отделения Русского географического общества, был активным участником переписи населения России в 1902 г. — вел ее подготовку, заведовал переписным отделом в Петровско-Разумовском.

В целом ученый внес большой вклад в развитие статистики как на территории Украины [25; 41, с. 55—59], так и в Российской империи в целом [19; 42, с. 5; 47, с. 30—36; 48, с. 28—33].

Деятельность К. А. Вернера в области статистики имела не только крайне важное научное значение, но и ярко выраженную социокультурную значимость. В его письме конца XIX в., адресованном А. И. Чупрову (см. о нем: [26, с. 93—109; 30; 37]), есть такие строки: «...я считаю труд земского агронома и земского статистика самым производительным из всех видов общественной деятельности в настоящую минуту» (цит. по: [18, с. XXV]).

В 1889 г. ученый был вынужден покинуть Крым, поскольку местное начальство было крайне недовольно его принципиальной позицией в деле о расследовании финансовых махинаций. В 1889—

1890 г. он трудился «инспектором сельскохозяйственных школ» в Степном генерал-губернаторстве, продуктивно занимаясь организацией переселенческих работ. Двадцать первого апреля 1893 г. на заседании статистического отделения Московского юридического общества он сделал ценный в научном отношении доклад об оседлом и кочевом населении Семиреченской области [10, с. 172—179].

В 1891—1893 гг. К. А. Вернер был чиновником одного из старейших российских ведомств — Департамента уделов [14; 24; 28, с. 21—28; 44, с. 146—151], в 1892 г. преобразованного в Главное управление уделов. Он активно пропагандирует идею внедрения в России рационального хозяйственного счетоводства, выступает инициатором «заселения удельных земель выходцами из балтийских губерний» [13, с. 135] — носителями более высокой земледельческой культуры по сравнению с русскими крестьянами. Однако реализовать эти начинания, встретившие жесткое противодействие консервативно-бюрократичной чиновничьей среды, так и не удалось.

Вскоре К. А. Вернер становится руководителем отдела сельскохозяйственной статистики при Министерстве земледелия и государственных имуществ, занимая эту должность в 1893—1895 гг. Он весьма продуктивно занимался преподавательской деятельностью, к которой перешел в середине 1890-х гг., явно разочаровавшись в государственной службе, изначально враждебной творчеству и личной инициативе. С 1895 г. он профессор, заведующий кафедрой сельскохозяйственной экономии Московского сельскохозяйственного института (МСХИ). В преподавании курса сельскохозяйственной экономии Вернер во многом следовал научным традициям своих предшественников по кафедре — известных ученых А. П. Людоговского и А. Н. Шишкина. Он вел в институте практические занятия по организации хозяйства, сельскохозяйственному счетоводству, читал курсы истории сельского хозяйства, географии сельского хозяйства, сельскохозяйственной статистики (в 1894—1901 гг.). В качестве профессора К. А. Вернер пользовался большим уважением со стороны студентов, которые особенно ценили неформально проводимые им практические занятия и совместные регулярные летние поездки по различным «образцовым имениям», ставшие для многих из них настоящей школой постижения сельской жизни.

В 1882—1898 гг. К. А. Вернер также деятельно участвовал в работах статистического отделения Московского юридического общества при Московском университете — единственной в то время научно-общественной организации русских статистиков.

Ученый написал ряд интересных и содержательных работ по различным проблемам сельского хозяйства, сельскохозяйственной экономии, а также истории сельского хозяйства в России в XVIII—XIX вв.

Выделим его статью «Неурожаи и наше сельское хозяйство», опубликованную в 1893 г. в «Вестнике Европы» [8, с. 115—144]. В ней ученый показал, что Россия вывозит за границу не излишки хлеба, а часть, необходимую для собственного потребления. Эта небольшая, но содержательная работа, насыщенная богатым статистическим материалом, внесла заметный вклад в разработку исключительно важной для России проблемы, привлекающей пристальное внимание и современных исследователей [29, с. 115—123; 45, с. 69—75].

Уделив большое внимание истории неурожаев в России в XV—XIX вв., К. А. Вернер в центр своего анализа вполне оправданно поместил драматичную историю климатических изменений в России и Западной Европе [8, с. 115—120]. При этом он подчеркнул, что «рабская зависимость» от «мельчайших колебаний климата» — это ненормальное явление «при современном состоянии агрономической техники» [8, с. 120]. «С одной стороны... — писал он, — мы не научились еще смотреть на почву, как на механизм, имеющий целью производство пищевых продуктов, а продолжаем твердить, что “не нива родит, а небо”, а с другой стороны и главным образом... экономические условия, в которые поставлено наше земледелие, не дают ему возможности бороться с природою при помощи тех средств, которыми уже обладают наши соседи» [8, с. 120].

К. А. Вернер детально рассмотрел условия ведения земледелия в современной ему России, отметив при этом преобладание экстенсивного малопродуктивного хозяйствования [8, с. 123—124 и др.]. Негативную роль сыграло и крепостническое наследие прошлого [8, с. 140]. Проигрывали отечественные земледельцы и соревнование со своими зарубежными конкурентами. В работе отмечалось, что в России «земля... дороже, обременена долгами и в ней чувствуется больше нужды, чем в Америке» [8, с. 142]. Учитывая все эти условия, говорить о возможностях быстрого подъема сельского хозяйства страны, включая переход от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию, явно не приходилось.

Остановимся подробнее на главном сочинении К. А. Вернера — «Сельскохозяйственной экономии», опубликованном в Москве вна-

чале в 1898 г., а затем в значительно переработанном и дополненном виде переизданном в 1901 г. Этот труд представляет собою «сокращенный курс лекций», прочитанных ученым-аграрником в Московском сельскохозяйственном институте.

Автор поставил перед собою конкретную задачу — «доставить студентам пособие при изучении сельскохозяйственной экономии» [11, с. III]. Однако значение этой работы вышло далеко за узкие границы «локального» учебного пособия. К. А. Вернер не только подробно рассмотрел основные категории «сельскохозяйственной экономии», которая активно развивалась в России на рубеже XIX—XX вв. [31], и прежде всего «землю», «капитал» и «труд». Главное, он выделил саму историю эволюции основного категориального аппарата, детально проанализировав наиболее значимые научные труды западноевропейских и российских ученых-аграрников. Он уделил особое внимание необходимости комплексного подхода к этим важным проблемам.

К. А. Вернер подчеркнул: «Сельский хозяин, вследствие технических особенностей своего промысла, не может производить, подобно заводчику или фабриканту, один какой-либо род продуктов. Он должен разнообразить свою полевую культуру для того, чтобы лучше использовать производительные силы почвы и предохранять растения от вреда слишком частого посева на одном и том же месте...» [11, с. 3]. Такой рационально-прагматичный подход требовал жесткого **контроля и учета**, однако позволял добиваться решения главной задачи — **увеличения доходности** хозяйства. Примечательно, что основы его были заложены еще в первой половине XIX в. выдающимся немецким ученым А. Д. Тэером [11, с. 4, 165—170], чьи идеи широко использовались в дореформенной России [1; 22; 35, с. 145, 202, 276].

В работе К. А. Вернера подробно говорилось о различных видах кредита, используемых в сельском хозяйстве, включая ипотечный, собственно сельскохозяйственный и мелиоративный [11, с. 73—95]. Автор широко применял метод сравнительно-исторического анализа (согласно современной научной лексике) с целью подробного рассмотрения сложной и противоречивой истории кредита в Европе. В результате на страницах его сочинения возникала впечатляющая картина европейской аграрной жизни, в которой Россия занимала весьма достойное место.

Если сравнить эту работу с трудами ученых-аграрников второй половины XIX в., посвященными аграрному опыту ведущих европейских держав [2; 6], то мы увидим, что к началу XX столетия ситуация в области аграрной теории кардинально изменилась: Россия уже не только не отставала от западноевропейских стран по уровню аграрной науки, но и постепенно выходила на передовые рубежи. При этом российские ученые-аграрники стремились взять все самое лучшее из огромного общеевропейского аграрно-культурного наследия. Эта особенность нашла яркое отражение и в работе К. А. Вернера, который четко и недвусмысленно ориентировал своих читателей на творческое заимствование передового зарубежного опыта аграрного реформирования, а главное — делал это предметно-доказательно, обращаясь и к истории аграрной теории, и к хозяйственной практике. Так, он уделил большое внимание так называемой «минеральной теории» Г. Либиха, причем как ее недостаткам, так и важной практической роли в организации удобрения полей [11, с. 178—186].

Большое место отвел ученый-аграрник вопросам использования в хозяйствах различных севооборотов [11, с. 190—321]. При этом К. А. Вернер подчеркнул необходимость внимательного изучения многовекового опыта традиционной народной агрокультуры. Он обратил особое внимание на ценные хозяйственные достижения и находки видных российских рационализаторов конца XVIII — XIX в.: В. А. Левшина, И. С. Захарова, Е. И. Бланкеннагеля, И. И. Самарина, А. Н. Энгельгардта и др. [11, с. 212, 255—267].

Что же касается характеристики основных аграрных отраслей, то в этом вопросе ученый уделил основное внимание проблемам российского животноводства (молочного и мясного). Отметив, что «до 1861 года молочное хозяйство находилось у нас в полном загоне», а «на скотный двор смотрели лишь с точки зрения производства навоза», он четко выделил основные направления развития рационального маслоделия и сыроварения в России, особо отметив ведущую роль частных предпринимателей Вологодской и Ярославской губерний в этом процессе [11, с. 282—283]. Кроме того, К. А. Вернер детально охарактеризовал и ряд других отраслей сельского хозяйства, значимых для России: производство растительных масел, картофельного крахмала и патоки, винокуренное производство и сахароварение [11, с. 292—321].

Большое место в работе отведено вопросам «организации отдельного хозяйства» [11, с. 322—367]. Именно здесь было наиболее уяз-

вимое место отечественных «сельских хозяев» (частных владельцев), которым и предназначались хозяйственные рекомендации К. А. Вернера. Он четко ориентировал земельных собственников на ведение **рационального, высокодоходного** хозяйства. С этой целью были подробно рассмотрены методы оценки кормов, рациональная организация имения (с учетом местных условий конкретного уезда), организация полеводства, состояние рабочего скота, «рабочих сил» (наемных работников) и инвентаря (по признанию автора, «больное место нашего хозяйства» [11, с. 354]). В целом это сочинение представляло собою настоящую энциклопедию аграрной жизни.

Вместе с тем в исследовании К. А. Вернера были допущены и ошибки. Отметим лишь две из них, но весьма существенные. На наш взгляд, ученый явно преувеличил положительные моменты, присущие традиционной русской крестьянской общине. Подробно охарактеризовав ее хозяйственные и податные функции [11, с. 41—47], он в то же время уделил большое внимание тщательному и скрупулезному анализу аргументов, которые использовали как сторонники, так и противники общинного землевладения [11, с. 47—52]. При этом К. А. Вернер согласился лишь с одним из доводов, касающимся негативной роли русской общины в процессе ограничения частной инициативы и предприимчивости отдельных ее членов. Все остальные аргументы он признал неубедительными, «несправедливыми» и надуманными [11, с. 51—52].

Между тем традиции русского общинного коллективизма (включавшие в себя и положительные элементы) явно сдерживали динамичное развитие аграрного строя и страны в целом и ее отдельных экономических районов. Они препятствовали внедрению аграрно-промышленных новаций в архаичный хозяйственно-культурный уклад сельского населения, тем самым способствуя сохранению хозяйственной рутины. Аграрная модернизация неизбежно влекла за собой остреее недовольство инициативных и предприимчивых крестьян общинными порядками. Неслучайно уже во второй половине XIX в. заявили о себе представители нового для русской деревни типа инициативной и самостоятельной «хозяйствующей личности» [33, с. 230—240]. Крайне негативно отражались общинные традиции (прежде всего пресловутая круговая порука) и на крестьянской ментальности.

Однако, по мнению К. А. Вернера, *de facto* защищавшего косные общинные устои, прогресс российского земледелия тормозила отнюдь не община, а личная поземельная собственность [11, с. 40].

Еще одним недостатком, проявившимся в сочинении К. А. Вернера, стал его явно некритический подход к хозяйственной практике российских землевладельцев-дворян конца XIX — начала XX столетия. Согласно его выводам, случаи «дурного ведения хозяйства» «далеко не так часты и обыкновенны, чтобы они могли вызвать общую и повсеместную задолженность» [11, с. 77]. Фактически ученый закрыл глаза на явно доминировавшую (за исключением имений помещиков-рационализаторов) архаичную практику экстенсивного природопользования, которая преобладала в частновладельческих хозяйствах «социально близкого» ему дворянского сословия. Отсюда и явная идеализация К. А. Вернером не только методов ведения хозяйства дворянами, но и их нравственного облика [11, с. 77].

Вместе с тем отмеченные недостатки сочинения К. А. Вернера отнюдь не заслоняют его многочисленных достоинств, главное из которых — исключительно содержательное и критическое исследование новейших достижений европейской аграрной науки, четко сформулированные положения, касающиеся ключевых факторов аграрного производства. Творчески разработанные ученым идеи не только закладывали прочный и надежный рациональный фундамент в сознание студентов Московского сельскохозяйственного института и других аграрных учебных заведений страны, но и стали важным шагом в развитии российской аграрной науки.

Небольшую книгу «Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России» К. А. Вернер посвятил специально подробному анализу сочинения авторитетного ученого-аграрника В. Г. Бажаева (см. о нем: [49, с. 110—127]). Эта работа была опубликована уже в 1905 г. после смерти исследователя его вдовой Е. И. Вернер [17].

С 1900 г. К. А. Вернера наиболее интересовали малоизученные проблемы истории сельского хозяйства России. Он публикует ряд статей по этой теме в различных органах периодической экономической печати: журналах «Хозяин», «Вестник сельского хозяйства» и др.

Незадолго до своей смерти К. А. Вернер опубликовал ряд материалов по истории сельского хозяйства России конца XVIII — XIX в. в журнале «Вестник сельского хозяйства». Это издание было главным печатным органом Императорского московского общества сельского хозяйства [43, с. 171—173, 189—190]. В небольших по объему, но содержательных очерках перед читателем живо встают яркие образы отечественных помещиков-рационализаторов и ученых-аграр-

ников. В крайне непростых условиях крепостничества А. Т. Болотов, Е. И. Бланкеннагель (особо выделена его огромная роль в развитии сахароварения в России), Д. М. Полторацкий, гр. Ф. В. Ростопчин и др. сумели добиться весомых хозяйственных и просветительских результатов [12].

Ученый-аграрник детально проанализировал вопросы, связанные с учреждением Комитета об усовершенствовании земледелия в России в 1833 г. [12, № 62, с. 6—7]. Он обратил особое внимание на ведущую роль гр. Н. С. Мордвинова в организации Министерства государственных имуществ (МГИ) в 1837 г. В то же время Вернер отметил, что в этом государственном учреждении «заведыванию делами и развитию... земледельческой промышленности» было уделено весьма скромное место [12, № 62, с. 7].

Вернер зафиксировал, что в дореформенную эпоху «помещики, обеспеченные даровою рабочею силою и чуждые правильного экономического расчета», в целом «оставались глухи к правительственным сельско-хозяйственным мероприятиям, а народ... еще меньше сознавал их необходимость» [12, № 62, с. 8]. Отсюда и неудачи в реализации большинства прогрессивных аграрных начинаний, которые «встречались холодно и недоверчиво» [12, № 62, с. 8].

Рассматривая аграрную историю дореформенной России, ученый не забывал и о насущных сельскохозяйственных проблемах. Так, отметив большую роль земств в «культурном развитии народа» во второй половине XIX в., он подчеркнул, что эта задача «еще далеко не выполнена». «Те бедствия, — отметил Вернер, — которые испытал народ в 1891 г. и переживает теперь на юге России (имелись в виду последствия грандиозного неурожая. — С. К.), настоятельно напоминают, что мы должны теперь же направить свои силы на помощь местному хозяйству» [12, № 62, с. 8].

Подобные выводы были вполне логичны. Еще с 1870-х гг. К. А. Вернер разделял народнические взгляды, однако к концу XIX — началу XX в. уже поддерживал некоторые положения марксизма. Ученый был принципиальным противником государственной политики патернализма. Он доказывал, что с сельскохозяйственным кризисом, последствия которого ощутимо проявлялись в России с 80-х гг. XIX в. (см.: [27, с. 157—158 и др.; 34, с. 65—75]), необходимо бороться не столько в области сбыта, сколько в области самого аграрного производства [11, с. 153—154].

Заслуги К. А. Вернера получили высокую оценку отечественных ученых-аграрников. Он был действительным членом Императорского вольного экономического общества (с 1894 г.), Императорского московского общества сельского хозяйства (с 1880 г.), инициатором реорганизации Комитета земледелия МОСХ в 1900 г. Во многом благодаря деятельности К. А. Вернера и его соратников Императорское московское общество сельского хозяйства в конце XIX — начале XX в. сыграло важную роль в пробуждении не только индивидуальной и общественной инициативы и предприимчивости в области аграрно-промышленной рационализации России, но также в привлечении внимания правительства к решению злободневных экономических проблем.

Вместе с тем далеко не все инициативы К. И. Вернера были поддержаны аграрниками. Так, его настойчивые попытки преобразовать работу Комитета земледелия МОСХ на рубеже XIX—XX вв. закончились неудачей. Не нашлось столь же энергичных, как он сам, людей, способных осуществить смелую идею, задуманную ученым, — вновь объединить в рамках комитета московских экономистов и статистиков (оказавшихся разъединенными после закрытия в 1899 г. Московского юридического общества) [13, с. 141—142].

К. А. Вернер всегда занимал принципиальную гражданскую позицию, активно выступая за организацию в России «товариществ сельских хозяев» и сельскохозяйственных обществ различного типа с целью проведения в жизнь различных агрономических и агротехнических мероприятий. В 1901—1902 гг. он занимался также реорганизацией журнала «Вестник сельского хозяйства» надеясь превратить его преимущественно в экономический печатный орган, занимающийся вопросами изучения и внедрения «экономической рациональности» в различных отраслях сельского хозяйства России. Эту непростую задачу в итоге все же удалось реализовать, и уже спустя несколько лет после смерти ученого именно журнал МОСХ стал тем центром, вокруг которого развернулась энергичная хозяйственно-просветительская аграрная работа.

К. А. Вернер являлся одним из авторов «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (по отделу географии). Он принял активное участие в работе над «Полной энциклопедией русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук» (СПб., 1900—1902) — фундаментального научно-справочного сельскохозяйственного издания начала XX в., внесшего заметный вклад в модернизацию аграрного строя России [39, с. 323—324].

К. А. Вернер отличался и незаурядными человеческими качествами, включая «обаятельность его духовного облика» [13, с. 124]. Он всегда был готов оказать любую помощь (деловую, финансовую и моральную) своим коллегам и особенно неопытным молодым людям, чувствовавшим в нем человека, «родственного... по своему духу» [13, с. 143]. Неудивительно, что Вернер в течение ряда лет был председателем Общества взаимного вспоможения бывших воспитанников высших сельскохозяйственных учебных заведений. Отметим и огромную роль, которую сыграл ученый в деле организации в Москве Высших сельскохозяйственных женских курсов, ставших основой для учрежденных в 1908 г. при поддержке МОСХ Голицынских высших женских сельскохозяйственных курсов. Вернер был не только директором курсов, но также и их секретарем, педагогом, а порою — даже рассыльным. Все это он делал сугубо на безвозмездной основе [13, с. 142]. Эту культуртрегерскую работу с учетом той большой роли, которую отводили многие отечественные аграрники (А. И. Стебут, П. И. Клиngen и др.) женщине в хозяйственном возрождении русской деревни в начале XX в., трудно переоценить.

Константин Антонович Вернер скончался 31 июля 1902 г. в Москве «после продолжительной неопределенной болезни» и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Его близкий друг и соратник, выдающийся ученый-аграрник В. Р. Вильямс писал: «Нет больше неутомимого работника в области русского сельского хозяйства. Нет более пылкого, страстного борца за истину, врага лжи и ложного блеска. ... Умер Вернер. Но долго будут помнить тебя и те из нас, которые рядом, в одном ярме, вместе тянули тяжелый плуг молодой науки по тернистой почве бедного родного сельского хозяйства» [21, с. 181].

К. А. Вернер так и не успел закончить главное дело своей жизни — фундаментальный научный труд по истории сельского хозяйства в России 1750—1900 гг. Вместе с тем дошедшие до нас в виде отдельных статей материалы этого незавершенного исследования свидетельствуют о том, что ему в значительной степени удалось проанализировать ключевые особенности теории и практики первоначального крайне сложного и противоречивого этапа аграрной рационализации нашей страны в конце XVIII — первой половине XIX в.

Список источников и литературы

1. Тэер А. Основания рационального сельского хозяйства. М., 1830—1835. Т. 1—3.

2. *Обзор* сельскохозяйственных учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии. СПб., 1866.
3. *Об Общем* сборнике статистических сведений по Курской губернии. Критический разбор сочинения г. Вернера «Курская губерния. Итоги статистического исследования». 1887. Курск, 1888.
4. *Вернер К.* Предисловие // Сборник по текущей статистике за 1887—1888 г. Симферополь, 1888.
5. *Сборник* по текущей статистике за 1887—1888 г. Симферополь, 1888.
6. *Шишкин А. Н.* Очерк исторического развития сельскохозяйственной науки и практики в текущем столетии. М., 1888.
7. *О сборнике* статистических сведений по Таврической губернии. Симферополь, 1889. Т. 9 // Русская мысль. 1890. № 8.
8. *Вернер К.* Неурожай и наше сельское хозяйство // Вестник Европы. СПб., 1893. Т. 1, кн. 1.
9. *Неурожай* и наше сельское хозяйство К. А. Вернера // Русская мысль. 1893. № 2.
10. *Вернер К.* Оседлое и кочевое население Семиреченской области // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1894. Т. 3.
11. *Вернер К.* Сельскохозяйственная экономия. Курс, читанный в Московском Сельскохозяйственном Институте. М., 1901.
12. *Вернер К.* Текст к собранию портретов Московского общества сельского хозяйства (Материалы к истории развития систем полеводства в России) // Вестник сельского хозяйства. М., 1901. № 94, 95, 98, 101.
13. *Массальский В. И.* Константин Антонович Вернер // Народное хозяйство. СПб., 1902. Кн. 8.
14. *История* уделов за столетие их существования. 1797—1897 : в 3 т. СПб., 1902.
15. *Михайловский В. Г.* Памяти К. А. Вернера // Русские ведомости. 1902. № 249.
16. *Васюков С. И.* Памяти К. А. Вернера // Исторический вестник. 1903. Т. 41, № 1.
17. *Вернер К. А.* Разбор книги В. Г. Бажаева «Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России». М., 1905.
18. *Речь*, произнесенная вице-президентом Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримовым на собрании, посвященном памяти А. И. Чупрова // Труды Московского общества сельского хозяйства. М., 1909. Вып. 43.
19. *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806—1917. Историко-критический очерк. М., 1922.
20. *Сельскохозяйственная* академия им. К. А. Тимирязева. М., 1946.
21. *Крупеников И. А., Крупеников Л. А.* Василий Робертович Вильямс, 1863—1939. М., 1952.
22. *Klemm V., Meyer G.* Albrecht Daniel Thaer. Pionier der Landwirtschaftswissenschaften in Deutschland. Halle (Saale), 1968.

23. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 3.

24. Горланов Р. Л. Удельные крестьяне России. 1797—1865 гг. Смоленск, 1986.

25. Зубко А. Н. Материалы земской статистики как исторический источник по изучению истории Украины периода капитализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.

26. Фигуровская Н. К. Выдающийся русский экономист: К 150-летию со дня рождения А. И. Чупрова // Вестник РАН. М., 1992. № 5.

27. Китанина Т. М. Мировой аграрный кризис 1870—1890-х гг. и государственное регулирование сельскохозяйственного производства в России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995.

28. Никулина Н. Ю. Удельное хозяйство в пореформенной России // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 1995.

29. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : матер. междунар. конф. Москва, 14—15 июня 1994 г. / отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М., 1996.

30. Дудина Л. А. Экономические взгляды А. И. Чупрова (1842—1908 гг.). М., 1998.

31. Блесков Д. А. Эволюция отечественной сельскохозяйственной экономики (последняя четверть XIX — первая четверть XX вв.) : дис. ... канд. экон. наук. М., 1999.

32. Левин С. В. С. А. Харизоменов, общественная и научная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

33. Гордон А. В. Формирование хозяйствующей личности в пореформенной российской деревне и отражение этого процесса в современной литературе // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л. В. Милов. Вологда, 2001.

34. Карагодин А. В. Аграрный кризис конца XIX — начала XX в. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Индустриализация в России: Информ. бюллетень науч. семинара. М., 2001. № 12.

35. Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии) / отв. ред. А. В. Семенова. М., 2002.

36. Нецунская И. Н. Деятельность земских статистиков по обследованию крестьянского хозяйства в Московской губернии (1876—1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

37. Елистратов А. С. Экономические воззрения А. И. Чупрова. М., 2007.

38. *Козлов С. А.* Вернер Константин Антонович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.) : энциклопедия : в 2 т. М., 2008. Т. 1.
39. *Нарыкова Н. М.* Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук // Там же. М., 2009. Т. 2.
40. *Телицын В. Л.* Орлов Василий Иванович // Там же.
41. *Кругов А. И., Верозуб Н. В.* Крестьянское хозяйство в трудах земских статистиков Юга России (конец XIX — начало XX в.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №3.
42. *Савинова Т. А.* Земская статистика как источник формирования организационно-производственной школы : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
43. *Козлов С. А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX — начале XX в. : по материалам экономической печати. М., 2012.
44. *Никулина Н. Ю.* Крестьянская реформа на удельных землях // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19.
45. *Безгин В. Б.* Голод в деревне: стратегия выживания (конец XIX — первая треть XX в.) // Голодовки в истории России XVIII—XX вв. : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практич. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург, 2013.
46. *Гармаш Т. П.* Природоохранная деятельность Полтавского сельскохозяйственного общества (середина XIX — начало XX ст.) // Вестник МГОУ. Сер.: Естественные науки. 2013. №1.
47. *Левин С. В.* Проведение земскими статистиками подворных переписей крестьянских хозяйств // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, №2.
48. *Левин С. В.* Методология земских статистических работ // European science review. 2014. №1—2.
49. *Козлов С. А.* «Отозваться на властные запросы жизни»: Владимир Гаврилович Бажаев (1865—1916) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2017. Вып. 23.

Н. М. Александров

**Экономическое положение
бывших государственных крестьян после реформы 1866 года
(по материалам Веретейской волости Ярославской губернии)**

Исследована структура доходов и расходов крестьян. Установлено, что расходы крестьянского двора в разы превышали доходы от сельского хозяйства. Данное обстоятельство способствовало широкому распространению неземледельческих занятий крестьян, в основном в виде отхода. Происходило превращение промысловых заработков из вспомогательных в основной источник формирования доходной части крестьянского бюджета.

The author investigates the structure of income and expenses of peasants. The research reveals that peasant household expenses significantly exceeded income from agriculture. This circumstance promoted wide circulation of extra agricultural occupations of peasants, especially, in the form of seasonal work. There was a transformation of trade earnings from auxiliary to the main source of formation of the peasant budget income.

Ключевые слова: налоги, повинности, бюджет, крестьянское хозяйство, Ярославская губерния.

Keywords: taxes, fees, budget, peasant farm, Yaroslavl province.

Одними из основных вопросов в исследовании российской деревни второй половины XIX — начала XX в. были и остаются вопросы об экономическом положении крестьянства, тяжести налогов и повинностей, уровне благосостояния крестьянского двора. В современной исторической литературе спектр мнений по этим вопросам очень широк [10; 7, с. 239—247; 2, с. 248—256; 12, с. 194—202].

Важным источником, отражающим жизнь деревни, являются различные обследования крестьянских хозяйств. Распространение этот вид изучения села получил после «самарского голода» начала 70-х гг. XIX в., обратившего внимание общества на тяжелое экономическое положение крестьян. Вышедший в 1877 г. труд Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» доказывал недостаточность крестьянских наделов и переобремененность их платежами [16].

Необходимо отметить, что еще до появления труда профессора Ю. Э. Янсона в ряде регионов страны появились работы, в которых исследовалось положение в деревне на местном уровне. Так, в 1874—1875 гг. в нескольких номерах Вестника Ярославского земства была опубликована работа А. Н. Зыкова «Статистическое описание Веретейской волости Мологского уезда». В 1875 г. эта работа была издана отдельной книгой [9]. В ней на основе сведений, полученных в волостном правлении, представитель земства попытался максимально подробно описать состояние крестьянского хозяйства в одной из волостей Ярославской губернии в начале 70-х гг. XIX столетия. Вполне понятно, что исследование А. Н. Зыкова в научном плане не может сравниться с трудом экономиста Ю. Э. Янсона. Да и цели у авторов были разные. В то же время «Статистическое описание» и в настоящее время не потеряло своей актуальности, так как содержит массу фактов, позволяющих использовать его как интересный и ценный исторический источник.

Во второй половине XIX в. Веретейская волость была одной из 25 волостей Мологского уезда Ярославской губернии. Она находилась в междуречье Волги и Мологи. Особенностью этой волости было то, что на протяжении нескольких десятилетий ее население состояло только из бывших государственных крестьян. До объединения с Шуморовской волостью в конце XIX в. в ее состав входили село Веретея и 21 деревня [6, с. 98—101; 15, с. 114, 116].

В августе 1874 г., когда проводилось обследование, население волости насчитывало 4404 человека. Оно было объединено в три сельских общества по 1400—1500 человек в каждом. Все населенные пункты были относительно небольшими. Самыми крупными поселениями был центр волости — село Веретея, в котором на момент обследования насчитывалось 66 домов и 212 жителей, а также деревня Сысоево в 58 домов с населением 358 человек. Самым мелким населенным пунктом была деревня Павловская, где в 10 домах проживали 44 человека [9, с. 2—5].

По закону от 24 ноября 1866 г. государственные крестьяне Веретейской волости получили в надел 5655 дес. 927 саж. удобной земли сельскохозяйственного назначения и 174 дес. 1868 саж. неудобной земли. Всего 5830 дес. 395 саж. По 10-й ревизии, проведенной в 1858 г., в волости насчитывалось 1973 жителя мужского пола. В среднем на каждую ревизскую душу пришлось 2,9 дес. удобной и около 0,1 дес. неудобной земли [9, с. 34]. Отличия в размерах душевых наделов крестьян разных населенных пунктов имелись, но они были несущественными.

В литературе справедливо утвердилось мнение, что наделение земель государственных крестьян происходило на более выгодных для земледельцев условиях, чем удельных и помещичьих крестьян. Закон 1866 г. закреплял за крестьянами дореформенные наделы, но не свыше 8 дес. на ревизскую душу в малоземельных уездах и не свыше 15 дес. — в многоземельных. Средний пореформенный надел государственных крестьян в Ярославской губернии (удельных земель в губернии не было), так же как и в целом по Европейской России, превосходил средний надел бывших помещичьих крестьян. В России средний надел государственных крестьян составил 5,9 дес., а помещичьих — 3,4 дес. В Ярославской губернии — 4,3 дес. и 3,8 дес. соответственно. Следует отметить, что в Мологском уезде душевой надел государственных крестьян был наименьшим в Верхнем Поволжье для этой категории населения. К тому же Мологский уезд был единственным среди уездов Ярославской губернии, где средний надел государственных крестьян (3,6 дес.) был меньше, чем помещичьих (3,9 дес.). Подобное явление наблюдалось и в нескольких уездах соседней Костромской губернии [1, с. 45—46]. Данный факт еще раз подтверждает наличие в российской деревне большого разнообразия местных особенностей, сильно влиявших на ее жизнь.

В Веретейской волости большая часть наделной земли (54%) располагалась рядом с поселениями и являлась собственностью крестьян той или другой деревни. Часть крестьянских земель (46%), состоявшая из покосов и выгонов, разбросанных по нескольким пустошам, была в совместном владении разных селений [9, с. 2, 24—32]. Следует отметить, что в работе А. Н. Зыкова и в публикациях, основанных на данных земельной переписи 1877 г., имеются значительные расхождения о величине площади наделной земли [6, с. 98]. По всей видимости, в материалы переписи 1877 г. по каким-то причинам не вошли указанные выше пустоши, составлявшие почти половину площади крестьянских земель.

Интересный факт, что к общему владению крестьян волости относился и маленький участок лесных покосов (7 дес. 937 саж.) вне ее административных границ [9, с. 32—33]. На территории волости, кроме крестьянских земель, находились лесные угодья Казны (2133 дес. 318 саж.) и небольшой участок земли (75 дес. 1920 саж.), принадлежавший церкви села Веретеи. Общая площадь всех земель волости составляла 8039 дес. 233 саж. Соотношение земель разных владельцев было следующим: крестьянские наделы — 72,5% общей площади, казенные земли — 26,6% и церковные — 0,9%. Возникает вопрос: почему крестьяне получили такие небольшие наделы, когда государство имело в данной местности значительный массив земли? По всей видимости, это связано с тем, что крестьянам нужны были сельскохозяйственные угодья, расположенные рядом с деревнями, а не лесные массивы, раскинувшиеся на многие версты. Поэтому чтобы уменьшить расходы на оплату наделов, они могли отказаться от права собственности на всю земельную площадь, находившуюся в их пользовании до реформы. Такая практика была широко распространена среди государственных крестьян Центрально-промышленного района, где доходность от земледелия была невысокая, и население активно занималось различного вида промыслами. К примеру, в Ярославской губернии наделы государственных крестьян в ходе реформы сократились на $\frac{1}{4}$ [8, с. 109].

Состав и соотношение сельскохозяйственных угодий на надельной земле крестьян Веретейской волости иллюстрирует таблица 1. Для сравнения в ней представлены аналогичные показатели по Мологскому уезду и Ярославской губернии в целом.

Таблица 1

Распределение угодий на надельных землях в Ярославской губернии в 70—80-х гг. XIX в.

Вид угодья	Веретейская волость	Мологский уезд	Ярославская губерния
Усадебная земля	2,4	3,7	4,8
Пашня	29,7	53,0	57,8
Сенокос	46,8	33,5	26,3
Выгон	21,1	9,8	11,1
<i>Всего</i>	100	100	100

Источник: [9, с. 34; 13, с. 54—55].

Несомненно, что доля пашни в общей площади земель сельскохозяйственного назначения в Веретейской волости была почти в два раза меньше, чем в Мологском уезде и Ярославской губернии в целом. В то же время доля сенокосов и выгонов значительно превосходила соответствующие уездные и губернские показатели. Данный факт указывает на то, что полеводство в волости было слабо развито. Расширению пашни мешали особенности местности, представлявшей собой низину, где большие площади земли с наступлением весны долгое время были залиты водой.

Для нормальной жизни в деревне кроме различного вида сельскохозяйственных угодий необходимы были и лесные ресурсы. Из работы А. Н. Зыкова следует, что лес в наделные земли не входил. Однако автор указывает, что крестьяне могли пользоваться лесом «из отведенной казною дачи по однойдесятиной пропорции на душу» [9, с. 9, 85]. Данное уточнение, во-первых, объясняет, как крестьяне, не получившие в составе наделной земли лесных участков, могли решать вопросы строительства, ремонта хозяйственных и жилых помещений, отопления и освещения домов и т. д. Во-вторых, за счет казенной дачи происходило фактическое увеличение душевого надела крестьян. По закону, размер лесных участков, выделяемых крестьянам в ходе реформы 1866 г., зависел от общей площади земли, переходившей к ним от государства. Лес должен был отводиться в размере 1/8 земельного надела, но на практике эта норма не всегда соблюдалась [4, с. 63].

В «Статистическом описании» предпринята попытка рассчитать доходы и расходы крестьянского населения. В основу расчетов доходности от земледелия положены сведения о средней урожайности и продажных ценах различных культур в Мологском уезде в начале 70-х гг. XIX столетия. Согласно расчетам общая стоимость продукции полеводства составляла 35 967 руб. 30 коп. Причем цена продукции, полученной от пашни (за вычетом стоимости семян), составляла 62,5% доходов от земледелия, от покосов и выгонов — 19,0%, от усадебной земли — 18,5% [9, с. 36, 40, 42, 45].

В среднем по волости доход от сельскохозяйственных угодий составлял 8 руб. 17 коп. на человека. В связи с тем что в разных крестьянских обществах площадь и состав угодий имели некоторые различия, отличался и средний доход от земли, приходившийся на одного сельского жителя. Наибольший доход от полей и лугов получали крестьяне деревни Обухово — 9 руб. 69 коп. на человека, а меньше всех жители деревни Дор — 6 руб. 7 коп. [9, с. 41, 48].

Следует заметить, что в приведенных расчетах не учитывалась стоимость работ, так как обработка земли производилась «собственным трудом». По мнению производившего эти расчеты земского статистика, если из доходов от полеводства вычесть стоимость работ, «то доход с земель значительно убавится, особенно с усадебных земель, требующих затраты на обработку по крайней мере в две трети валового дохода» [9, с. 45].

Другой статьей дохода крестьян Веретейской волости было скотоводство. В 1874 г. крестьянское стадо насчитывало 1493 коровы, 772 лошади и 1508 овец. В среднем на один двор приходилось почти две коровы, одна лошадь и две овцы. Валовой доход от скотоводства был довольно значительным — 16 740 руб. Однако в связи с тем что стоимость корма для скота составляла 9/10 этой суммы, чистый доход от скотоводства был всего 1515 руб., или 34 коп. на человека [9, с. 6, 62—63]. Это при том, что обеспеченность местного населения молочным скотом в сравнении с другими районами Ярославской губернии была высокой [14, с. 46—47]. Низкая доходность от животноводства была связана главным образом с малой продуктивностью молочного стада. Крестьянская корова в среднем давала всего 40 ведер молока в год. В то же время без достаточного количества скота в нечерноземной полосе невозможно было заниматься полеводством. Скот являлся «фабрикой по производству удобрений». В связи с этим даже в тех хозяйствах, где стоимость кормов превышала стоимость продукции животноводства, крестьяне не могли отказаться от содержания определенного количества скота. Такая ситуация наблюдалась в двух деревнях Веретейской волости. Еще в семи населенных пунктах чистый доход от животноводства был меньше 34 коп. на человека, то есть среднего по волости. Наибольший доход в расчете на одного жителя животноводство приносило крестьянам деревни Аниково — 77 коп. и села Веретея — 72,5 коп. [9, с. 48—62]. Данные факты свидетельствуют о том, что в ведении крестьянского хозяйства разных поселений если и имелись существенные различия, то они касались в основном животноводства, а не полеводства.

Таким образом, можно сделать вывод, что полеводство было главным источником доходов крестьян от сельского хозяйства. Животноводство даже в местности, где для его развития складывались благоприятные условия, играло намного меньшую роль в формировании доходной части бюджета крестьянского двора.

Население Веретейской волости занималось не только сельским хозяйством, но и другими видами деятельности. Местная промышленность включала в себя «только заводы, обдельвающие сырые продукты». Все они являлись частной собственностью и принадлежали отдельным лицам. В «Статистическом описании» из-за невозможности точно установить доходность предприятий она высчитана на основе нормативов, применяемых при обложении их земским сбором. Согласно нормативам доходность была равна 10% общей стоимости предприятия [9, с. 62—63]. Данные о различных мелких предприятиях, расположенных в волости, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Крестьянская промышленность Веретейской волости в 70-х гг. XIX в.

Предприятие	Количество	Оценка, руб.	Доходность, руб.
Маслобойный завод	1	350	35
Кожевенный завод	6	980	98
Красильный завод	2	500	50
Мельница	18	3765	376,5
Толчея	27	1920	192
Кузница	4	480	48
<i>Всего</i>	58	7995	799,5

Источник: [9, с. 67].

В Веретейской волости имелись и торговые заведения. Основная их часть принадлежала крестьянам, но среди владельцев были и представители других социальных групп. Так, единственный в волости ренсковый погреб (магазин по продаже вина) принадлежал купцу, а из восьми лавок шесть были собственностью церкви. Определить реальную доходность этих заведений автору «Статистического описания» не удалось. Владельцы такие сведения не афишировали. Доход от торговых заведений по этой причине был принят равным 10% стоимости помещений. В связи с тем что в доходной части волостного бюджета невозможно выделить налоги, взимаемые с некрестьянских торговых точек, в настоящей работе все доходы учтены как доходы крестьян. Сведения о видах и доходности торговых заведений, находившихся на территории волости, приведены в таблице 3.

Таблица 3

Торговые заведения Веретейской волости в 70-х гг. XIX в.

Заведение	Количество	Оценка, руб.	Доходность, руб.
Ренсковый погреб	1	580	58
Трактир	2	3820	382
Питейное заведение	1	600	60
Лавка	13	810	81
<i>Всего</i>	17	5810	581

Источник: [9, с. 68].

Из данных таблицы 3 следует, что общий годовой доход от торговых заведений был равен 1380 рублям. Он был значительно меньше дохода, получаемого от полеводства всем населением волости, который составлял 35 967,3 руб. В то же время величина этого дохода и сведения о лицах, его получавших, указывают на то, что среди местного населения имелась зажиточная группа крестьян в несколько десятков человек. Они активно занимались торговлей и различного вида производством и получали от этого доход, почти равный доходу от животноводства всего населения волости, насчитывавшего 4404 человека, объединенных в 789 дворов.

Еще одной доходной статьёй сельского населения были заработки крестьян на стороне. К сожалению, определить величину суммы, получаемой крестьянами от этих заработков, автору «Статистического описания» не удалось даже приблизительно.

Расходная часть бюджета крестьян, составленная А. Н. Зыковым, состояла из затрат на оплату различного вида налогов и расходов на содержание семьи. Виды и размеры крестьянских платежей приведены в таблице 4.

Таблица 4

Платежи крестьян Веретейской волости в 70-х гг. XIX в.

Вид платежа	Сумма, руб.	% к итогу
Подушная подать	3969,84	29,9
Оброчная подать	5686,12	42,8
Лесной налог	218,28	1,7
Общественный сбор	730,84	5,5

Вид платежа	Сумма, руб.	% к итогу
Государственная земская повинность	1224,50	9,2
Государственный земский сбор	186,58	1,4
Уездный земский сбор	594,39	4,5
Страховой сбор	669,72	5,0
<i>Всего</i>	13 280,27	100

Источник: [9, с. 84].

Из приведенных в таблице 4 данных следует, что 72,7% общей суммы крестьянских платежей составляли оброчная и подушная подать, то есть плата за пользование землей и особый душевой налог, взимаемый только с крестьян. Величина этих платежей и определяла тяжесть налоговой нагрузки сельского населения в пореформенный период. Как известно, с 1 января 1887 г. правительство прекратило взимание подушной подати с бывших государственных крестьян. В то же время оброчная подать увеличивалась на величину сложной с них подушной подати и обращалась в выкупные платежи.

Второй расходной статьей крестьянского бюджета было содержание крестьянской семьи. Земский статистик включил в нее стоимость продуктов питания, одежду, церковные требы, прочие мелкие траты. Основу крестьянской трапезы составляли продукты, произведенные в своем хозяйстве. Стоит отметить упоминание в смете расходов покупку пшеничной муки [9, с. 85]. Если для многих регионов России выращивание пшеницы на крестьянских полях было обычным явлением, то в Ярославской губернии эта культура не получила повсеместного распространения. Причиной были низкое качество почв и недостаток тепла, делавшие выращивание пшеницы рискованным мероприятием. В силу этих причин крестьянские поля в Веретейской волости были заняты посевами более неприхотливых зерновых культур, таких как рожь, овес, ячмень [9, с. 34—35]. Пшеницу местное население покупало у торговцев, перевозивших хлеб с низовьев Волги в Петербург [5, с. 27].

В «Статистическом описании» годовое продовольствие крестьянской семьи, состоящей из мужа, жены и трех малолетних детей, оценивалось в 104 руб. Одежда обходилась крестьянскому двору в

40 руб. На церковные требы и разные мелкие траты уходило 2 руб. Все расходы на содержание одной семьи составили 146 руб., или 29 руб. 20 коп. на одного человека [9, с. 85—86].

В итоге расходы на продукты питания, одежду и прочее всего населения Веретейской волости были определены в 115 194 руб. Следовательно, расходы на одного человека составляли в год 26 руб. 15 коп., или 7 коп. в день [9, с. 86]. В то же время ведро молока на местном рынке стоило 25 коп., а килограмм овсяной муки — 7,5 коп. [9, с. 47, 85—86]. Исповедь в церкви обходилась крестьянину в 5 коп. [5, с. 30].

Сведение всех известных статей доходов и расходов дает возможность сравнить эти две составляющие бюджета крестьян Веретейской волости, который выглядел следующим образом:

	Расходы:	
на налоги и повинности		13 280 руб. 27 коп.
на содержание населения		115 194 руб. 00 коп.
<i>Итого</i>		128 474 руб. 27 коп.
	Доходы:	
от земледелия		35 967 руб. 30 коп.
от животноводства		1515 руб. 00 коп.
от местной промышленности		799 руб. 50 коп.
от торговли		581 руб. 00 коп.
<i>Итого</i>		38 862 руб. 80 коп.

Из приведенных сведений о бюджете населения волости следует, что расходы превышали доходы на 89 661 руб. 47 коп., или в 3,3 раза. Более того, доходы крестьян были в три раза меньше сумм, необходимых, по мнению земского статистика, для поддержания нормального существования населения.

В среднем на одного человека доход составлял 8 руб. 82 коп., или 49 руб. 25 коп. на семью, а расход соответственно — 29 руб. 17 коп. и 162 руб. 83 коп. Такое соотношение доходов и расходов приводило к дефициту бюджета средней крестьянской семьи в 113 руб. 58 коп. Недостаток этой суммы взрослые члены семьи должны были восполнить работой на стороне. При отсутствии таких заработков после уплаты налогов и повинностей крестьянская семья могла бы тратить на содержание одного человека только 5 руб. 89 коп. в год, или

1,5 коп. в день. При существовавших в тот период ценах на продукты питания это было невозможно. Указанная сумма в 1,5 коп. была в 3 раза меньше стоимости суточной нормы хлеба.

В связи с вышеизложенным трудно не согласиться с мнением, выраженным А. Н. Зыковым в ходе изучения пореформенной деревни: «Существование крестьян, ввиду их скудного надела, зависит всецело от заработков на стороне, и величиною этих заработков обусловливается степень благосостояния каждого семейства» [9, с. 102—103].

Низкая доходность земли в Ярославской губернии способствовала широкому распространению среди крестьян отхожих промыслов. Не были исключением и крестьяне Веретейской волости. К сожалению, А. Н. Зыкову не удалось получить сведений о величине заработков крестьян на стороне. В то же время он считал, что общий доход крестьянской семьи позволял покрывать расходы на ее содержание и уплату разного рода повинностей. Следовательно, большую часть доходов крестьяне Веретейской волости получали не от своего хозяйства. Данное утверждение косвенно подтверждает информация из других источников. Так, в сведениях, собранных земством о Шуморовской волости, соседней с Веретейской и позднее включенной в ее состав, приведена денежная сумма, зарабатываемая крестьянами на промыслах. Она составляла 38 760 руб., то есть была равной доходу веретейских крестьян, получаемому от сельского хозяйства, местных промышленных и торговых предприятий. При этом надо учесть, что население Шуморовской волости было почти в два раза меньше, чем в Веретейской. В начале 70-х гг. XIX в. Шуморовская волость насчитывала 670 домов, в которых проживало 2515 человек (1259 мужчин и 1256 женщин). Из них 622 человека (24,7%), в том числе и не достигшие рабочего возраста, были вовлечены в различные неземледельческие промыслы, главный из которых был связан с транспортировкой по рекам различных грузов [5, с. 4, 16]. На рубеже XIX—XX столетий в Мологском уезде $\frac{9}{10}$ крестьянских хозяйств имели в своем составе работников, занятых разными промыслами. В отход уходила треть местного населения. Подобная картина отмечалась и в других уездах Верхнего Поволжья [3, с. 6—7].

Переход отходничества из вспомогательного занятия крестьян в главный источник пополнения семейного бюджета был распространенным явлением не только в Верхнем Поволжье, но и в других районах нечерноземной России [11, с. 243].

Данные, приведенные в «Статистическом описании Веретейской волости», подтверждают, что в начале пореформенного периода размеры различного вида налогов и платежей не соответствовали доходности земли даже у «привилегированной» части крестьянского населения, к которым относились бывшие государственные крестьяне.

Сельское население вынуждено было искать пути повышения своего дохода. В создавшихся условиях крестьяне считали более рациональным решением проблемы не повышение доходности своего полевого хозяйства за счет введения различного вида новшеств, а поиск дополнительных доходов в неземледельческой сфере.

Такой подход способствовал быстрому развитию различных промыслов, связанных главным образом с работой вне своего села. В результате наблюдался перенос центра интересов в крестьянском хозяйстве с земледелия на промысловую деятельность. Данная тенденция не могла не отразиться на положении крестьянства и вела к деформированию всего уклада деревенской жизни.

Список источников и литературы

1. *Александров Н. М.* Аграрные реформы 60-х гг. XIX в.: реальные и мнимые возможности решения земельного вопроса (по материалам Верхнего Поволжья) // Отмена крепостного права в России. 150-летие крестьянской реформы 1861 года : сб. матер. науч.-практ. конф. Труды ГИМ. Вып. 193. М., 2012.
2. *Александров Н. М.* Бюджетное обследование крестьянских хозяйств Костромской губернии о внутреннем строе крестьянского двора // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования : матер. V Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / под ред. С. П. Карпова. М., 2014.
3. *Александров Н. М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2007.
4. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984.
5. *Вестник* Ярославского земства. 1875. № 33—34.
6. *Волости* и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1886. Вып. 2.
7. *Давыдов М. А.* Проблема крестьянских недоимок в конце XIX — начале XX в. // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования : матер. V Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / под ред. С. П. Карпова. М., 2014.
8. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе 1861—1881 гг. М., 1978.

9. Зыков А. Н. Статистическое описание Веретейской волости Мологского уезда. Ярославль, 1875.

10. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012.

11. Никулин В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XX — начало XX в.). СПб., 2017.

12. Никулин В. Н. Община и крестьянские недоимки (по материалам Северо-Запада России второй половины XIX — начала XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X—XXI вв. М. ; Самара, 2015.

13. *Статистический* временник Российской империи. Сер. 3, вып. 4. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. СПб., 1884.

14. *Статистический* сборник по Ярославской губернии. 1898 год. Вып. 3. М., 1898.

15. *Статистическое* описание Ярославской губернии. Ярославль, 1904. Т. 3, вып. 1.

16. Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

В. Н. Никулин

Эволюция крупного помещичьего хозяйства в пореформенные годы

На материалах фонда Воронцовых-Дашковых, входивших в XIX — начале XX в. в число крупнейших землевладельцев Российской империи, исследован процесс приспособления помещичьих имений к новым капиталистическим отношениям путем модернизации сельскохозяйственного и промышленного производства и установления более прочных связей с рынком.

This article explores the process of adjustment of landed estates to the new capitalist system by means of modernization of the farming and manufacturing industries and also by establishing stronger connections to the market. The research is based on the materials of the Vorontsovy-Dashkovy foundation. Vorontsovy and Dashkovy belonged to the most influential landowners in the Russian Empire in the 19th — the early 20th century.

Ключевые слова: Россия во второй половине XIX — начале XX в., Воронцовы-Дашковы, помещики, землевладение, имение, сельское хозяйство, орабочая система, модернизация.

Keywords: Russia in the second half of the 19th — the early 20th century, Vorontsovy-Dashkovy, landlords, land tenure, estate, agricultural industry, pay-by-working system, modernization.

Воронцовы-Дашковы входили в группу крупнейших землевладельцев Российской империи. Их положение не поколебала и крестьянская реформа 1861 г., хотя для многих землевладельцев она обернулась серьезными потрясениями, в том числе потерями земли. Огромные родовые земельные богатства были унаследованы графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым (1837—1916). Кроме того, в пореформенный период он сумел расширить площадь

своих владений путем покупки еще нескольких крупных земельных участков. В результате граф стал собственником 13 имений, расположенных в 11 уездах губерний Европейской России. Общая площадь земельных владений, принадлежавших графу И. И. Воронцову-Дашкову, составила 168,8 тыс. дес. [1, с. 383].

В 1867 г. собственное состояние И. И. Воронцова-Дашкова было приумножено женитьбой графа на Елизавете Андреевне Шуваловой (1845—1924), внучке первого наместника на Кавказе князя Михаила Семеновича Воронцова. В результате произошло не только объединение двух генеалогических ветвей Воронцовых — графской и княжеской [2, с. 29], но и серьезное расширение земельной собственности Воронцовых-Дашковых. Елизавета Андреевна, будучи одной из основных наследниц майоратных владений князя М. С. Воронцова (по материнской линии) и своих братьев Шуваловых (по отцовской линии), принесла своему мужу внушительное приданое, исчисляемое десятками тысяч десятин земли в различных губерниях России. Когда в январе 1904 г. умер брат Елизаветы Андреевны Михаил Андреевич Шувалов, не имевший прямых наследников и в собственности которого находилось свыше 420 тыс. дес. земли, то его владения были поделены между его сестрами — Елизаветой Андреевной Воронцовой-Дашковой и Екатериной Андреевной Балашовой [3, ф. 919, оп. 1, д. 3, л. 15]. В собственность супруги И. И. Воронцова-Дашкова перешли Юго-Камский железоделательный, чугунолитейный и механический завод в Пермской губернии, доходный дом в Петербурге, усадьбы Парголово в Санкт-Петербургской губернии, Андреевское во Владимирской губернии и другие. В начале XX столетия на Юго-Камском заводе трудилось свыше 800 рабочих, изготавливавших в год до 400 тыс. пуд. сортового железа, до 120 тыс. пуд. кровельного, около 100 тыс. пуд. посудного и прочих листовых сортов, а также молотилки, болты, гайки и другую продукцию для сельского хозяйства. В Санкт-Петербурге большой известностью пользовался склад, где продавали отборные вина из собственных садов Воронцовых-Дашковых, находившихся в имении Алупка [3, ф. 919, оп. 1, д. 93, л. 53]. Воронцов-Дашков был последний, кому удалось получить 10 дес. нефтеносных земельных участков на Апшеронском полуострове, оставшихся после нефтяного бума и объявленных «заповедными». С помощью нефтяной компании «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель») И. И. Воронцов-Дашков организовал добычу нефти в Балаханах (близ Баку). В результате к 1907 г. здесь было добыто около 2,8 млн пуд. нефти [2, с. 314, 439].

В начале XX столетия Воронцовы-Дашковы имели земельные владения общей площадью в 485 тыс. дес., расположенные на территории 49 уездов 16 губерний России [4, с. 439]. В их руках сосредоточились вотчины, принадлежавшие Воронцовым, Дашковым, Строгановым, Шуваловым. Владения состояли из родовых вотчин, купленных или пожалованных государями земель, а также имений, полученных в качестве приданого. В большинстве имений были выстроены господские усадьбы [5, с. 121]. В составе земельной собственности Воронцовых-Дашковых значительное место занимали имения, пожалованные императрицей Екатериной II участнице дворцового переворота 1762 г. Екатерине Романовне Дашковой (в девичестве — Воронцова). Позднее они перешли к ее сыну П. М. Дашкову, завещавшему все свое имущество графу Ивану Илларионовичу Воронцову, которому императором Александром I было разрешено именовать графом Воронцовым-Дашковым.

Распределены были земельные владения Воронцовых-Дашковых по территории России неравномерно. Они образовывали как бы три «гнезда». Первое из них находилось на Северо-Западе; в него входили имения Мурино, Парголово, Большой Еггин, расположенные в Санкт-Петербургской губернии, а также имения Дубовик и Тургошь, находившиеся в Новгородской губернии. Вторым местом концентрации земельных владений Воронцовых-Дашковых был Центрально-Промышленный и Центрально-Черноземный районы страны. Здесь находились наиболее крупные и доходные имения семьи: Новотомниково, Лесное Конобеево, Богоявленское (Тамбовская губерния); Андреевское (Владимирская губерния); Айвинская лесная дача, Нижний Шкафт (Пензенская губерния); Воронцовка (Воронежская губерния); Алексеевка, Тепловское (Саратовская губерния) и Троицкое (Калужская губерния). Третье «гнездо» включало в себя имения, расположенные на юге России: Дерманское (Волынская губерния), Чаплинское (Екатеринославская губерния), Ново-Воронцовка (Херсонская губерния), Алупка, Ак-Мечеть, Кашкары (Таврическая губерния).

Согласно описи всех имений, составленной Е. А. Воронцовой-Дашковой в начале XX в., по площади они распределялись следующим образом: от 100 до 1000 дес. — 2 имения, от 1000 до 5000 дес. — 4, от 5000 до 10 000 дес. — 8 и свыше 10 000—7 имений [3, ф. 919, оп. 1, д. 95, л. 2—6]. Доходность имений была неодинакова. Среди них были хозяйства, известные по всей России своими доходами,

прекрасной организацией работ, использованием новейших достижений агрономии, применением более производительных образцов сельскохозяйственных орудий и машин, преимущественно плугов различных систем, фирм и марок. В то же время имелись хозяйства, перебивавшиеся «из кулька в рогожку», с минимальными доходами, нуждавшиеся в систематических дотациях со стороны единого бюджета Воронцовых-Дашковых.

В крупных по своей площади имениях, расположенных в различных природно-климатических зонах, велось многоотраслевое хозяйство, приносившее Воронцовым-Дашковым значительные прибыли. Доходы, получаемые от эксплуатации имений, использовались для дальнейшей интенсификации сельскохозяйственного и промышленного производства путем приобретения современных для того времени машин и механизмов, для разведения улучшенных пород скота, применения качественных семян и многополья, производства товарного хлеба, строительства предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, а также промышленных предприятий по обработке леса. Земельные владения Воронцовых-Дашковых отличались не только своими масштабами, но и способами ведения помещичьего хозяйства, что определялось не только особенностями природной среды, но и уровнем развития транспортной инфраструктуры и рыночной конъюнктурой. Управляющие имениями все чаще прибегали к использованию труда наемных работников, хотя вплоть до начала XX столетия употреблялась и отработочная система как средство получения рабочей силы на период уборочной кампании в имениях. Все нити управления многочисленными имениями Воронцовых-Дашковых сосредоточивались в Главной конторе, находившейся в Санкт-Петербурге [3, ф. 919, оп. 1, д. 786, л. 10]. В свою очередь деятельность Главной конторы находилась под бдительным надзором И.И. Воронцова-Дашкова. Весьма основательно вникала в дела по управлению имениями супруга графа — Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова. Об этом свидетельствует переписка графини с управляющими отдельными имениями.

Воронцовым-Дашковым принадлежали обширные лесные массивы. Часть лесных площадей они продавали лесопромышленникам на сруб, другие леса владельцы эксплуатировали сами, используя для этого лесопильные заводы. Они были владельцами многочисленных мельниц, расположенных на территории имений, а также полотняных и суконных мануфактур, на которых работали в каче-

стве вольнонаемных бывшие крепостные крестьяне. На предприятиях Воронцовых-Дашковых производили вино, железо и медь, деготь и пр. [6, с. 14].

Экономика имений Воронцовых-Дашковых была, как правило, многоотраслевой, иногда с ярко выраженной специализацией одной или нескольких отраслей (табл.).

Специализация имений Воронцовых-Дашковых

Губерния	Имение	Специализация
Владимирская	Андреевское	Лесное хозяйство
Волынская	Дерманское	Лесное хозяйство
Воронежская	Воронцовка	Сельское хозяйство (полеводство)
Екатеринославская	Чаплинское	Сельское хозяйство (животноводство)
Калужская	Троицкое	Лесное хозяйство
Новгородская	Дубовик, Тургошь	Лесное хозяйство
Пензенская	Нижний Шкафт, Айвинская лесная дача	Лесное хозяйство
Санкт-Петербургская	Мурино, Парголово, Большой Еглин	Лесное хозяйство
Саратовская	Алексеевка, Тепловское	Сельское хозяйство
Таврическая	Алупка, Ак-Мечеть, Кашкары	Сельское хозяйство (виноградарство, овцеводство)
Тамбовская	Новотомниково	Сельское и лесное хозяйство
	Лесное Конобеево, Богоявленское	Лесное хозяйство
Херсонская	Ново-Воронцовка	Сельское хозяйство

Расположенное ниже описание имений с учетом их расположения составлено на основе описи Е. А. Воронцовой-Дашковой и других документов, отложившихся в фонде 919 (фонд Воронцовых-Дашковых), находящемся в РГИА. К сожалению, и опись имений, составленная графиней, и прочие материалы содержат некоторые лакуны, не позволяющие с исчерпывающей полнотой охарактеризовать экономическое состояние хозяйств и проследить динамику развития имений.

Имение *Андреевское*. В имении находилось свыше 14 тыс. дес. земли. Главная отрасль — лесное хозяйство. Выращивали сосну, ель, березу, осину и ольху. Для воспроизводства леса в имении высаживали двухлетние саженцы, преимущественно сосны и ели. Спелый лес для рубки продавался на торгах. В 1895 г. доход имения составил 21 492 руб., а в 1904 г. — 48 043 руб. [3, ф. 912, оп. 1, д. 70, л. 4; д. 482, л. 2].

Имение *Дерманское*. Площадь имения — около 10 тыс. дес. земли. Главная отрасль — лесное хозяйство. Выращивали преимущественно лес хвойных пород. Продажа леса на сруб делянками велась с торгов. В имении имелась лесопилка.

Имение *Воронцовка*. Площадь имения — свыше 27 тыс. дес. земли. Главная отрасль — полеводство. Доход от имения в 1904 г. составил 81 677 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 104, л. 3].

Имение *Чаплинское*. Большая часть пашни сдавалась крестьянам в аренду. В имении находился лесопильный завод, на котором пилили лес, купленный у соседних помещиков. Имение являлось крупным центром разведения овец. С прибылью использовались сукновальня и мельница [3, ф. 919, оп. 1, д. 447, л. 2].

Имение *Троцкое*. Площадь имения — 2,5 тыс. дес. земли. Главная отрасль производства — лесное хозяйство. Значительную роль в экономике имения играл крупный кирпичный завод.

Имение *Дубовик*. Площадь имения составляла около 7,5 тыс. дес. земли. В незначительных количествах сеяли на удобренных землях рожь, овес, гречиху и коноплю. Разводили крупный рогатый скот мясомолочной направленности [3, ф. 919, оп. 1, д. 482, л. 2]. Главной отраслью хозяйства являлась заготовка, сплав и продажа лесоматериалов и дров. Большую роль в хозяйстве играла сплавная река Тосна, протекавшая через территорию имения и позволявшая доставлять лес до потребителей [10, с. 130—131].

Имение *Тургошь*. Площадь имения — свыше 16,5 тыс. дес. земли. Большая часть его территории была занята лесом. Росли преимущественно хвойные (сосна, ель) и лиственные породы деревьев (береза, осина, ольха). В имении для распиловки дров были построены два лесопильных завода в Тургоше и Подборовье, где трудилось около 90 рабочих, а бревна распиливались на доски, брус и папиргольц [10, с. 133]¹.

¹ Папиргольц — древесина для производства бумаги.

Имение *Нижний Шкафт*. Основная отрасль производства — сельское хозяйство. Пашню в имении засеивали рожью, овсом, гречкой, горохом; сажали картофель и коноплю. С успехом развивались скотоводство и овцеводство. В 1900 г. чистый доход по имению составил свыше 92 тыс. руб., а в 1903 г. — около 92 тыс. руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 81, л. 26; д. 90, л. 37].

Имение *Айвинская лесная дача*. Главное богатство имения заключалось в лесных массивах, поросших сосной, елью, липой и дубом. В имении велось правильное лесное хозяйство. Спелый лес продавали на сруб с торгов, а на освобожденных от деревьев площадях высаживали двухлетние саженцы преимущественно сосны и ели. В имении находился скипидарный завод для выгонки из выкорчеванных пней смолы и скипидара.

Имение *Большой Еглин*. Имение было куплено графом М. С. Воронцовым за 100 тыс. руб. ассигнациями у Дарьи Никитичны Астафьевой. После реформы 1861 г. и передачи крестьянам в надел части земельной площади имения в собственности Воронцовых-Дашковых осталось 136 дес. земли [3, ф. 892, оп. 1, д. 1524, л. 39]. В имении производилась заготовка дров для сплава в Санкт-Петербург. Лес, представленный сосной и елью, березой и осиной был поделен на 45 кварталов [3, ф. 919, оп. 1, д. 482, л. 5; ф. 892, оп. 1, д. 1527, л. 15]. Для заготовки дров и последующего сплава нанимали местных крестьян. Заготовленные дрова сплавляли по р. Еглинке, что протекала по территории имения. Егlinka была притоком р. Тосны, которая, в свою очередь, впадала в р. Неву, что делало весьма удобным транспортировку дров в Санкт-Петербург.

Имение *Мурино*. Площадь имения равнялась 1862 дес. земли. Земля сдавалась в долгосрочную аренду жителям Санкт-Петербурга под строительство дач и местным крестьянам под пашню. Доход от имения составил в 1886 г. 4890 руб., в 1899 г. — 4997 руб., в 1913 г. — 6062 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 71, л. 12—13; д. 76, л. 1; д. 116, л. 28].

Имение *Парголово*. Площадь имения — 5793 дес. земли. Более 2 тыс. дес. занимала лесная дача. Лес в имении продавался с торгов делянками [3, ф. 919, оп. 1, д. 771, л. 18; д. 789, л. 74, 116]. В отчете за 1906 г. управляющего имением И. С. Кричинского было написано, что основные работы по Парголовокому имению — это «заготовка лесных материалов из очередных лесосек». К апрелю 1907 г. было заготовлено леса для продажи на 19,5 тыс. руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 110, л. 4—5, 12]. Восстановление леса осуществлялось путем по-

садки двухлетних саженцев сосны и ели из собственного лесопитомника [10, с. 133]. В имении в широких масштабах велись мелиоративные работы для осушения заболоченной территории под выгоны и сенокосы [3, ф. 919, оп. 1, д. 93, л. 26]. Так, в 1914 г. на одно лето были сданы выгоны крестьянам д. Новоселки за 450 руб., II и III Парголово — за 500 руб. с обязательством «ремонтировать дорогу и изгородь» [3, ф. 919, оп. 1, д. 786, л. 22].

Часть земли имения сдавалась в аренду под застройку дачами. Некоторые дачи, построенные владельцами имения, сдавались в аренду на летний сезон. Так, в мае 1916 г. арендатору ягодного огорода С. А. Жукову дача Брикетная была сдана за 200 руб., купчихе Ф. И. Агулянской дачу сдали за 250 руб., инженеру К. Розенштейну — за 500 руб. и т. д. [3, ф. 919, оп. 1, д. 789, л. 39]. Остальная земля находилась под парком, сенокосами (1 тыс. дес.) и пашней (1,2 тыс. дес.). Вся сенокосная и пахотная земля сдавалась в аренду. В 1883 г. имение дало доход на сумму в 23 593 руб., в 1891 г. — 22 761 руб., в 1900 г. — 26 474 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 732, л. 5; д. 81, л. 26]. Одно время имение Парголово было заложено владельцами для получения ссуды. В апреле 1916 г. Петроградское отделение Дворянского земельного банка известило Е. А. Воронцову-Дашкову о полном погашении ссуды, выданной под залог имения Парголово, и вернуло хранившиеся в банке 17 страховых полисов на 102 820 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 789, л. 37]. На протяжении всего пореформенного периода основной доход в имении получали от продажи лесоматериалов и от аренды земли.

Имение *Алексеевка*. Площадь имения составляла около 9 тыс. дес. земли. Одна часть имения находилась в Саратовской губернии, другая располагалась за Волгой в Самарской губернии. Главная отрасль — полеводство. Выращивались рожь, яровая пшеница, овес, ячмень, просо, подсолнух и кукуруза. Состояние яровых хлебов было блестящим, в течение ряда лет в имении получали необычайно высокий урожай [3, ф. 919, оп. 2, д. 1025, л. 1—2, 4]. В косовицу несколько сот крестьян приходили наниматься на работу. Для отгрузки хлеба было построено несколько пристаней на Волге. Торговля саратовским и самарским хлебом велась по всей России (Саратов, Царицын и др. города), за границей и приносила чете Воронцовых-Дашковых большой доход.

Имение было большим, хорошо поставленным хозяйством с обширным яблоневым садом в 70 дес. земли, при котором граф И. И. Во-

ронцов-Дашков организовал школу садоводства. В имении находился кирпично-гончарный завод, работала ветряная мельница, имелась собственная овчарня.

Тепловское имение. Общая площадь — 42 тыс. дес. земли. Имение представляло собой блестяще организованное хозяйство, основу которого составляло улучшенное зерновое полеводство. В конце XIX — начале XX в. в имении выращивали рожь, овес, пшеницу, просо, гречиху, горох, ячмень, подсолнечник и горчицу. Здесь разводили крупный рогатый скот, овец; действовали крупнейший в Саратовской губернии винокуренный завод, конный и маслобойный заводы, содержались рыбные ловли на Волге. Славу имению Воронцова-Дашкова на все Поволжье принес графский сад, раскинувшийся на площади в 70 дес., с плодовым питомником при нем.

Имение *Алупка*. Площадь имения вместе с хутором Яйль составляла 782 дес. земли. Главной доходной отраслью хозяйства было виноградарство и виноделие. В имении успешно изготавливали столовые и десертные вина, имевшие выход на всероссийский рынок и известные за границей. Вина Воронцовых-Дашковых из Алупки неоднократно были отмечены медалями на международных выставках в Санкт-Петербурге и Париже [6, с. 47]. Часть земли сдавалась участками в долгосрочную аренду под строительство дач [3, ф. 919, оп. 1, д. 104, л. 9].

Имение *Ак-Мечеть*. Площадь имения равнялась 17,8 тыс. дес. земли. Главной отраслью было сельское хозяйство. Пашню засевали рожью, озимой пшеницей, ячменем, льном, овсом, кукурузой, подсолнухом и кормовыми травами. Заметное место в хозяйстве занимало овцеводство, представленное овцами испанской (мериносы), каракульской, цыгайской породы и ангорскими козами. Заложены были посадки винограда и организовано производство различных сортов вина. В каменоломнях имения добывали строительный камень — известняк. Был развит соляной промысел. В 1895 г. имение дало доход в 25 325 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 70, л. 7], спустя три года — в 1898 г. — 67 682 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 70, л. 3], в 1904 г. — 89 477 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 104, л. 8].

Имение *Кашкары*. Площадь имения составляла 9 тыс. дес. земли. Доходность обеспечивалась за счет сдачи всей земли в аренду.

Имение *Новотомниково*. Площадь имения равнялась 10 137 дес. земли. В пореформенный период оно приобрело общероссийскую известность как прекрасно организованное и высокодоходное мно-

гоотраслевое хозяйство. Оно славилось не только своим конным заводом, но и грамотной разработкой лесных угодий, широким использованием разнообразных сельскохозяйственных машин в земледелии, изготовлением качественного льняного волокна. Главной отраслью в имении являлось лесное хозяйство. В лесах Новотомниково росли сосны, липы, дубы, березы, орешник. Имелся свой лесопильный завод, где производилась первичная обработка леса и подготовка полученных лесоматериалов к транспортировке. На раскорчеванных участках срубленного леса производилась посадка саженцев сосны из собственного лесопитомника. Около трети земель в имении были заняты лесами, преимущественно хвойными. Лесные массивы были поделены на кварталы в 25 и 40 дес., просеки распахивались и засеивались тимopheевкой в противопожарных целях. Строевой лес распиливали на бревна, брусья и доски на собственной лесопилке, а дровяной пилили на лесосеках и полученные дрова продавали крестьянам соседних деревень [9, с.108].

Помимо разработки леса в имении большое внимание уделяли сельскому хозяйству. В севообороте использовались трех-, шестипольные системы. На полях Новотомниково высевали пшеницу, рожь, овес, просо, лен, коноплю, мак [3, ф. 919, оп. 1, д. 11, л. 3].

Ежегодно росли площади под посадки картофеля. Успешно развивались такие отрасли хозяйства, как травосеяние и луговое хозяйство, овцеводство и свиноводство. Славу и значительный доход приносил владельцам имения рысистый конный завод, на котором выращивали лошадей орловской породы.

В имении содержался значительный парк сельскохозяйственных орудий и машин преимущественно зарубежного производства: 4 локомотива с молотилками Клейтона, около 30 сеялок, свыше 400 борон и катков, более 300 плугов и конных граблей. Стоил сельскохозяйственный инвентарь более 54 тыс. руб. и активно использовался при различных работах. Так, пар в имении, отличавшийся отменным качеством, работники поднимали, используя плуги Сакка и запашники Эккерта [7, с. 1, 3].

Свыше 1 тыс. дес. земли занимали луга, где выращивали кормовые травы и пасли животных. До 220 дес. луговых площадей искусственно орошались [8, с. 47]. Посевы льна в имении в конце XIX в. занимали от 300 до 400 дес. земли. Это была высокодоходная отрасль. Продажа только льняных семян окупала все расходы, связанные с выращиванием этой культуры и получением волокна высокого качества [7, с. 7—10].

Имелся конезавод, основанный в 1859 г., на котором разводили преимущественно лошадей орловской породы. В России были широко известны лучшие рысаки завода: Волшебник, Идеал, Легендарный, Боец, Амазонка, Воструха, Галка, Миледи, Чародейка и др. [3, ф. 919, оп. 2, д. 1082, л. 5]. На аукционах лошадей новотомниковского конезавода продавали по 700—800 руб. За некоторых лошадей завода Воронцова-Дашкова покупатели предлагали до 25 тыс. руб. На скачках отдельные рысаки брали до 80 тыс. призовых руб. [7, с. 12]. В целом конезавод играл весьма заметную роль в высокой доходности имения.

Следует заметить, что наряду с капиталистическим новшествами в хозяйстве, связанными со строительством промышленных заведений, использованием новой техники и агротехнических приемов, предпринимательством, в Новотомниково, как и в других имениях Воронцовых-Дашковых, применялись формы землепользования, перешедшие из крепостнической эпохи. В большинстве имений широко использовалась издольная и испольная формы крестьянской аренды.

Имение *Лесное Конобеево*. Площадь его равнялась 14,6 тыс. дес. земли. Главной отраслью было лесное хозяйство. В лесу преобладали хвойные породы деревьев — сосна и ель. Лиственные породы деревьев были представлены незначительно. Лес преимущественно продавали на сруб делянками с торгов. Велось воспроизводство леса путем посадки двухлетних саженцев. С этой целью был заложен лесопитомник. В имении находились дегтярно-смоляной и лесопильные заводы. Была своя каменоломня, где добывался материал для нужд имения и на продажу. Сельское хозяйство имело второстепенное значение и было сосредоточено на землях хутора Раменское, входившего в состав имения. Поля засевали рожью и овсом.

Имение *Богоявленское*. В имении находилось 7880 дес. земли. Главная отрасль — сельское хозяйство. Поля засевали озимой пшеницей, рожью, овсом, ячменем, просом, льном, гречихой. В незначительных количествах сажали горох, большие площади занимали посадки картофеля. Конный завод имения сыграл важную роль в распространении коней-тяжеловозов в России, поскольку он специализировался на выращивании лошадей арденской и брабансонской пород. В имении разводили овец волоцкой породы, дававших при стрижке шерсть высокого качества.

Лес использовался преимущественно для удовлетворения собственных нужд имения; часть лесоматериалов поставлялась на рынок. Производилась продажа дровяного леса крестьянам из соседних деревень.

Промышленные предприятия и предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции были представлены двумя кирпичными заводами, водяной мельницей, крахмальным, маслособойным и винокурным заводами.

Имение *Ново-Воронцовка*. Площадь — 27 629 дес. земли. Ведущее место в имении занимали различные отрасли сельского хозяйства. Выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, кукурузу, лен, подсолнух и кормовые травы. Из года в год посевные площади под зерновые культуры расширялись, что определялось растущим спросом на зерно на российском и мировом рынках. Даже мировой сельскохозяйственный кризис не поколебал позиции Нововоронцовской латифундии. Успешно развивались в имении свиноводство, скотоводство и овцеводство (на пастбищах паслись отары овец волоцкой породы). Имелся свой конезавод.

Сельскохозяйственная продукция имения, преимущественно товарное зерно, через пристань, расположенную по соседству с имением в Малых Гирлах, поступала на рынки Херсона, Одессы, Николаева и др. городов. Бывшие крепостные крестьяне графа М. С. Воронцова из-за нехватки земли вынуждены были наниматься батраками в имение. Крестьяне, арендовавшие в имении землю по цене 11—14 руб. за дес., платили за аренду от $\frac{1}{3}$ до половины урожая. Часть земли сдавалась крестьянам под отработку в имении.

В Ново-Воронцовке действовали кирпичный завод и паровая кузница, маслособойни и газогенераторные мельницы, на которых трудилось до 130 работников.

В 1884 г. имение принесло Воронцовым-Дашковым чистого дохода 101 593 руб., а в 1904 г. — 183 246 руб. [3, ф. 919, оп. 1, д. 104, л. 5].

Подводя итоги, можно сказать, что в пореформенный период Воронцовы-Дашковы проявили себя как умелые предприниматели. Они смогли модернизировать свои имения и приспособить их к капиталистическим условиям. Графская семья не только сумела сохранить свои владения, но и значительно расширить их. В своих имениях они создали высокоэффективное аграрное производство с передовыми системами ведения хозяйства. Большинство имений Воронцовых-Дашковых обладало всеми преимуществами крупного и многоотраслевого хозяйства. Производство в них велось с использованием новейших достижений агрономии и агротехники, было организовано всестороннее разделение труда, в широких масштабах производи-

лись мелиоративные работы, имелись многочисленные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, лесоматериалов, кирпичные заводы, каменоломни и пр. Вся деятельность имений Воронцовых-Дашковых была нацелена на упрочение связей с рынком и достижение коммерческого успеха, что было проблемным для мелких и средних землевладельцев.

Список источников и литературы

1. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века). М., 1969.
2. *Исмаил-Заде Д. И.* И. И. Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991.
3. *Российский* государственный исторический архив (РГИА).
4. *Исмаил-Заде Д. И.* Воронцов-Дашков // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. М., 2008. Т. 1.
5. *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.
6. *Исмаил-Заде Д. И.* Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.
7. *Описание* отдельных русских хозяйств. Тамбовская губерния. СПб., 1898. Вып. 6.
8. *Сборник* статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1898. Т. 22.
9. *Новотомниково.* Воронеж, 2002.
10. *Никулин В. Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века. Калининград, 2005.

**Частновладельческое лесное хозяйство
Петербургской губернии конца XIX века
(на материалах имения помещиков Балашовых
Большое Еглино и Дубовик)**

На основе материалов земской статистики и поместных документов рассмотрено состояние лесного хозяйства и перспективы его развития в имении Балашовых Большое Еглино и Дубовик в конце XIX века. Проанализированы доходы имения от лесозаготовок и аренды лугов.

With the help of materials of Zemstvo's statistics and local documents the author considers the state of forestry and prospects for its development in the estate of Balashovy — Bolshoe Eglino and Dubovik villages at the end of the 19th century. The author also analyses the proceeds of the estate from logging and leasing of meadows.

Ключевые слова: лесное хозяйство, Петербургская губерния, помещики, крестьяне.

Keywords: forestry, St. Petersburg province, landlords, peasants.

По мнению большинства историков, в пореформенную эпоху наблюдался кризис помещичьего хозяйства. Среди причин назывались исчезновение «дарового» труда крепостных, неумение владельцев поместий перевести хозяйство на капиталистическую основу, а также отсутствие у помещиков «оборотного капитала» для поддержания и модернизации хозяйства [1, с. 103—104].

По наблюдениям исследователей, помещики Северо-Запада России наибольший доход получали от эксплуатации лесных площадей, составлявших по региону более половины всех земельных угодий [2, с. 118, 130]. Размеры и формы такой эксплуатации в имениях несколько отличались, что обуславливалось как природными, так и экономическими факторами.

Сохранившиеся в архивах приходо-расходные книги, а также материалы земской статистики позволяют составить представление о частновладельческом лесном хозяйстве на уровне отдельных имений. В связи с этим представляется интересным для изучения имение Большое Еглино и Дубовик. Оно занимало «пограничное» положение между губерниями Петербургской и Новгородской и принадлежало до 1880-х гг. Воронцовым — одному из крупнейших дворянских родов России [3, с. 72—83].

После смерти М. С. Воронцова в 1884 г. имение перешло по наследству его племяннице Екатерине Андреевне Балашовой, урожденной графине Шуваловой [2, ф. 919, оп. 1, д. 483, л. 4]. Е. А. Балашова (1848—1931) жила в Петербурге, была фрейлиной двора, кавалером ордена Св. Екатерины. Управлением имением от ее имени, через управляющего, занимался супруг Николай Петрович Балашов (1840—1931) — чиновник Министерства внутренних дел, затем — член Государственного совета, обер-егермейстер.

Главное богатство имения Большое Еглино и Дубовик составляли лесные угодья. До 1884 г. Воронцовы, как правило, сдавали свои леса «на сруб» лесопромышленникам. В приходо-расходных книгах Воронцовых, сохранившихся в архиве Санкт-Петербургского института истории, зафиксировано множество записей о выплатах арендаторами денежных сумм за вырубку леса [4, ф. 36, оп. 1, д. 876—879, 913, 917]. Анализ этих записей свидетельствует о том, что доходы от продажи леса лесопромышленникам составляли одну из главных доходных статей имения.

При Воронцовых вся дача была разделена на 30 равных по размерам участков таким образом, чтобы каждый участок имел выход к реке Тосне, по которой весной лесопромышленники сплавляли бревна и дрова. Владельцы полагали, что такие участки «удобнее каждый год продавать желающим промышленникам... на сруб за возможную цену» [4, ф. 36, оп. 1, д. 882, л. 120, 130].

При Балашовых, новых владельцев имения Большое Еглино и Дубовик, торговля лесом по-прежнему оставалась главной доходной статьей имения, однако система хозяйствования значительно изменилась.

Согласно инвентарям недвижимого имения Большое Еглино и Дубовик к моменту вступления Е. А. Балашовой в права наследования стоимость его составляла 78 903 руб. 12 коп. При этих селениях числилось 7636 дес. 652 саж. земли. Из них лес при деревне Дубовик

занимал 4284 дес. 1420 саж. и при деревне Большое Еглино — 134 дес. 402 саж. [5, ф. 919, оп. 1, д. 707, л. 5; д. 482, л. 5]. То есть лес составлял 58% всей площади имения. Такое соотношение лесных угодий к другим землям характерно в целом для Северо-Запада России. По расчетам А. М. Анфимова лес занимал 51,8% площади помещичьего землевладения по всей губернии [8, с. 264].

Имение Большое Еглино и Дубовик находилось на значительном расстоянии от крупных населенных пунктов и путей сообщения — в 80 верстах от Санкт-Петербурга и в 30 верстах от Николаевской железной дороги. Дорог было мало, да и у тех, что имелись, всеми источниками отмечено их «дурное состояние». Так что «летом они [дороги] не представляют даже возможности проехать с возом» [5, ф. 919, оп. 1, д. 482, л. 4]. Согласно отчету управляющего, «проезд в имение бывает удобен только в санный путь (зимою) и на таковой проезд до имения от Петербурга тратится времени восемь часов, колесного же пути нет, местные жители осенью, весной и летом ездят верхами» [5, ф. 892, оп. 1, д. 1528, л. 10]. Отсутствие дорог отчасти компенсировалось наличием сплавных рек. По территории дачи пролегалo несколько водных артерий. Это были река Еглинка, отмеченная в источниках как «быстрая, сплавная», и река Тосна, а также два ручья Салуя и Витка, «весною сплавные» [5, ф. 919, оп. 1, д. 707, л. 4; д. 482, л. 4]. Наличие водных путей способствовало успешному хозяйственному освоению территории.

Лесные угодья имения при новых владельцах были заново разделены на 36 кварталов. Вид и качество леса каждого квартала описывались в особой таксационной ведомости. Наблюдать за лесом и пресекать незаконные вырубки должен был специальный лесничий. Эта должность появилась в имении в начале XIX в. при князьях Воронцовых и сохранялась вплоть до революции 1917 г. При деревне Дубовик находился «деревянный дом лесничества, с мезонином, всего из пяти комнат, крытый железом, построенный в 1860 году» [5, ф. 919, оп. 1, д. 482, л. 5].

Новые хозяева Балашовы, в отличие от князей Воронцовых, перестали сдавать свои леса в аренду «на сруб» лесопромышленникам. Последним арендатором был лесопромышленник Сидоров, «который успел вырубить еще прежние остатки и сдал дачу с мелкою порослью управлению светлейшего князя Воронцова» [5, ф. 892, оп. 1, д. 1527, л. 15]. Исключение составляли лишь местные крестьяне —

бывшие крепостные из деревень Большое Еглино и Дубовик. Они по-прежнему арендовали как лесные участки, так и сенокосную землю. Бывшие частновладельческие крестьяне из деревни Дубовик Родион и Василий Евсеевы смогли выкупить свою аренду в 422,6 дес. леса в пустоши Ольховик, а затем еще 624 дес. удобной земли в Марьинской волости Новгородской губернии. Большую часть этой площади занимал лес, в котором они заготавливали дрова для продажи [6, с. 19, 100].

Среди документов Балашовых, сохранившихся в РГИА, имеются отчеты управляющего имением Г. Т. Егорова за 1884—1885 гг. Эти документы позволяют детально представить процесс заготовки и доставки дров из имения в Петербург, а также выяснить доходность хозяйства. Согласно этим источникам заготовка леса начиналась с 15 сентября и заканчивалась 15 марта. На рубке дров трудились местные крестьяне деревень Большое Еглино и Дубовик. Плата за рубку и доставку леса к берегам сплавной реки составляла от 3 руб. 40 коп. до 3 руб. 70 коп.

Заготовленный лес крестьяне вывозили на берега реки Еглинки или в верховья реки Тосны. По весне лес сплавлялся теми же крестьянами до «общественной гонки» на реке Тосне за 40 коп. за 1 сажень дров. Затем по реке Тосне до ее впадения в реку Неву сплав осуществлялся «через комиссионера, берущего со всех лесопромышленников одинаковую плату — 20—25 коп. за сажень» [5, ф. 892, оп. 1, д. 1527, л. 11—12]. Такое «обобществление» леса позволяло, как видно, значительно снизить расходы по его транспортировке. У села Ивановского, расположенного в устье реки Тосны, происходила выгрузка леса на берег. Далее «общество» делило лесоматериалы по владельцам. Выгруженные дрова здесь же распиливали и складывали в штабеля. Для перевозки по Неве на судах готовых дров в Петербург Балашовы нанимали подрядчика. В 1885 г. им был А. Н. Ларионов, проживавший на 15-й линии Васильевского острова. Этот этап транспортировки дров был самым затратным для владельца. Общая плата за перевозку на судне и выгрузку их в месте назначения была 85 коп. за сажень (в среднем годовая партия дров составляла примерно 5000 саж., всего за перевозку получалось более 4000 руб.). В Петербурге дрова «складывались кладчиком от господ Балашовых», которые специально следили, чтобы дрова не были убраны в подвал или сарай во избежание их порчи. Затем дрова продавались «с запасного двора дома Дарзан» [5, ф. 892, оп. 1, д. 1528, л. 5, 32].

Согласно сметам за 1884—1885 гг. расходы на заготовку и доставку лесоматериалов составили 12910 руб. В эту сумму вошла плата крестьянам за сруб бревен в лесу, их сплав по рекам, распиловку, доставку на судах в Петербург, плата управляющему, леснику и приказчику. Доход же только от продажи дров в Петербурге составил 26475 руб. [5, ф. 892, оп. 1, д. 1528, л. 2—3]. Получается, что чистый доход от продажи дров в Петербурге составил немалую сумму — 13565 руб. в год. Интересно, что владелица имения Е. А. Балашова была известна в Петербурге как поставщица дров. Ее фамилию можно найти в справочнике «Весь Петербург» в разделе «Дрова» [7, ст. 959], что является еще одним подтверждением большого объема продаж лесоматериалов.

В смете по имению практически полностью отсутствовала статья расходов на посадку саженцев, чистку канав и вообще любые лесовосстановительные работы. Объемы вырубок в имении были обширными по своим масштабам, а лесовосстановительные работы при этом не проводились. Это не могло не сказаться на состоянии лесных угодий в имении.

Выше уже говорилось о том, что к моменту передачи имения Е. А. Балашовой лес в имении был в плачевном состоянии в результате бесконтрольной рубки лесопромышленниками. При новой владелице он был разделен на кварталы, но только затем, чтобы «представлять... ежегодный размер и оборот рубки». Качество леса было низким. Согласно документам фонда Балашовых, «по рассказам местных жителей, в 1812 году находился еще в Дубовицком имении мачтовый лес, который в то время был сведен, а часть его пострадала от пожара». По информации источников, «хвойный лес сменила береза и последнюю может вытеснить осина». Рубилось в этой даче «все, что было потолще трех вершков» [5, ф. 892, оп. 1, д. 1527, л. 15]. Для сравнения можно привести данные, полученные В. Н. Никулиным по Никольскому имению Балашовых, находившемуся в Новгородской губернии. Здесь «брали только те деревья, что были не менее 5 вершков толщиной», и продавали не только дрова, но и строевой лес в Рыбинске и Москве [2, с. 131]. Таким образом, есть основания сказать, что лес в имении Большое Еглино и Дубовик находился в самом запущенном состоянии даже по сравнению с другими частями имения Балашовых.

Интересно, что имение Большое Еглино и Дубовик граничило с самым передовым по тем временам лесным хозяйством Лисинского учебного лесничества ведомства Министерства государственных имуществ. Здесь проводились правильная рубка леса, осушение заболоченной территории, посадки саженцев на вырубленных участках. К рубежу XIX—XX вв. это лесничество было одним из крупнейших поставщиков строевого леса в Петербург. У руководства лесничеством был опыт приведения в порядок запущенных частновладельческих лесных дач. Например, после покупки лесничеством урочища Неникуль лесное хозяйство здесь было реорганизовано за 1 год, через 3 года удалось получить с него доход и увеличивать его в последующее время [9, с. 575; 8, с. 299].

Владельцы имения Большое Еглино и Дубовик, к сожалению, не собирались перенимать опыт соседнего лесничества. Работы по восстановлению леса потребовали бы от помещиков финансовых вложений, которых они хотели избежать, возможно, по причине нехватки капитала. Однако главной причиной такого нежелания следует признать стремление получить максимум доходов при минимуме расходов. В данном случае лес и составлял тот самый «оборотный капитал» для своего владельца — некий запас гарантированных средств, получение которых не зависело от урожайности года, требовало минимальных затрат и основывалось на стабильности спроса. Результатом такой хозяйственной политики стало постепенное падение доходности имения от продажи дров из-за истощения ресурсов. К 1902 г. даже в более «благополучной» с точки зрения качества леса части земельных владений Балашовых — в Никольском имении — доходность снизилась настолько, что владельцы приняли решение о его продаже [11, с. 97].

Еще одну, меньшую по размерам, статью дохода с имения составляла аренда владельческой земли местными крестьянами. Во владении Е. А. Балашовой числились по деревне Дубовик 17 дес. 349 саж. пахотной земли и 503 дес. лугов и в деревне Большое Еглино 2 дес. пашни [5, ф. 919, оп. 1, д. 482, л. 5]. Согласно Материалам по статистике народного хозяйства имение относилось к хозяйствам без владельческой запашки [12, с. 39]. «Сенокосные и пахотные места» управляющий имением сдавал в аренду крестьянам на срок до трех лет, продлевая затем каждый раз арендный договор [5, ф. 919,

оп. 1, д. 483, л. 4]. Доход помещицы с арендованных крестьянами земель составлял 649 руб. в год за луговые земли и 19 руб. в год за пашни [5, ф. 892, оп. 1, д. 1528, л. 3].

На арендованной у помещицы земле крестьяне во внушительных объемах выращивали рожь и весьма продуктивно использовали сенокосные угодья. В деревне Дубовик к концу XIX в. значительно увеличилось количество голов крупного рогатого скота — свыше 100 коров на 21 крестьянское хозяйство [6, с. 39—40]. Это говорит о том, что помимо лесных заработков, традиционно составлявших главный доход крестьян, в их хозяйстве постепенно формируется новое мясо-молочное направление.

Таким образом, в пореформенный период основной доход от имения, как и большинство помещиков региона [2, с. 130; 13, с. 16—17], Балашовы получали за счет продажи леса. Одновременно приходо-расходные книги Балашовых свидетельствуют о неуклонном снижении «лесного» дохода с 1884 по 1900 г. из-за полного истощения ресурсов. Наряду с этим можно отметить постепенное укрепление крестьянского хозяйства в имении, получавшего доход теперь не только от работ на лесозаготовках, но и от разведения скота.

Список источников и литературы

1. *Полх П. П.* Помещичье хозяйство Демянского уезда в конце XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2001.

2. *Никулин В. Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века. Калининград, 2005.

3. *Апонасенко А. Н.* К вопросу о развитии крепостного хозяйства на северо-западе России в XIX веке (на примере имения графов Воронцовых Большое Еглино и Дубовик) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2007.

4. *Архив* Санкт-Петербургского Института истории РАН.

5. *Российский* государственный исторический архив (РГИА).

6. *Материалы* для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд. Новгород, 1895.

7. *Весь* Петербург. Справочник. СПб., 1894.

8. *Анфимов А. М.* Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63.

9. *Лисинская* дача. Сообщение В. Т. Собичевского // Лесной журнал. 1886. № 6.

10. *Описание* второй хозяйственной части Лисинской дачи // Лесной журнал. 1846. № 14.

11. *Никулин В. Н.* Фактор рабочей силы и хозяйство дворян-помещиков Северо-Запада России в пореформенный период // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2007.

12. *Материалы* по статистике народного хозяйства Санкт-Петербургской губернии. Частновладельческое хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1891. Вып. 12.

13. *Островский М. М.* Помещичье хозяйство Петербургской губернии в конце XIX — начале XX века: по материалам земской статистики и Государственного Дворянского земельного банка : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

Судьба вольных хлебопашцев (Уфимская губерния на рубеже XIX—XX веков)

Установлена численность вольных хлебопашцев в Уфимской губернии к началу XX в. по уездам и селениям, их национальный состав. Показан сложный процесс формирования нового крестьянского сословия. Приведены основные показатели по обеспеченности земель вольных хлебопашцев, к началу XX в. эта небольшая группа крестьян имела значительное количество земли.

The paper reveals the number of free grain farmers in the Ufa province by the beginning of the 20th century within uyezd and villages as well as their ethnic composition. The research also shows a complicated process of formation of a new peasant class. The author gives the main indicators of the provision of land for free-grain farmers. By the beginning of the 20th century this small group of peasants had a large amount of land.

Ключевые слова: вольные хлебопашцы, землевладение, земская статистика, Южный Урал, Уфимская губерния.

Keywords: free grain farmers, land ownership, zemstvo statics, Southern Urals, Ufa province.

Среди различных сословных разрядов крестьянства Южного Урала небольшую группу составляли бывшие крепостные, получившие свободу еще в дореформенный период по закону 20 февраля 1803 г. По этому указу императора Александра I помещики имели право освобождать крепостных с землей целыми селениями. В научной литературе данный закон рассматривается как первая попытка верховной власти приступить к постепенной ликвидации крепостнических отношений.

В обобщающих трудах по истории крестьянства, вслед за В. И. Семевским и В. И. Вешняковым, приводятся лишь краткие сведения, что «указ этот какого-либо существенного значения не имел» [3, с. 67; 4, с. 275].

Механизм перечисления в свободные (вольные) хлебопашцы был сложный, менялся со временем, далеко не все договоры об отпуске на волю удовлетворялись. По подсчетам Н. И. Сергеевой, за 1803—1859 гг. всего в вольные хлебопашцы были переведены 111 829 душ (мужского пола) крестьян по 484 договорам, еще в 264 случаях (55 804 души) власти приняли отрицательное решение [14, с. 63, 65].

Изучение судеб вольных хлебопашцев опирается на добротные работы Н. И. Сергеевой [15] и А. Н. Долгих [1], раскрывающих ход реализации закона, различные подходы в правительстве, борьбу идей среди самих помещиков, показывающих экономические причины пусть и сравнительно небольшой востребованности среди дворян и крестьян в применении указа. Судьбы вольных или свободных хлебопашцев затрагиваются также в ряде иных публикаций [2], в краеведческих материалах в интернете прослеживается история этого сословного разряда на примере отдельных селений.

Дополнительным источником являются исследования земской статистики второй половины XIX — начала XX в. К этому времени сословный статус (бывший) уже устоялся, поэтому можно точно по селениям установить численность и положение потомков этого небольшого слоя сельчан.

История вольных хлебопашцев, несмотря на их малочисленность, интересна как пример создания нового сословия, также она показывает роль внеэкономического (гуманистического) фактора в жизни дореформенной деревни. В Уфимской губернии вольные хлебопашцы были в трех уездах.

Лишь во время первого сплошного обследования губернии, проведенного земскими статистиками в 1895—1896 гг., были получены более или менее точные сведения об этом сословном разряде. В Мензелинском уезде вольных (свободных) хлебопашцев насчитывалось 6 общин (349 дворов, 2327 чел.), в Белебеевском — 2 общины (377 дворов, 2209 чел.) и в Уфимском — 5 общин (565 дворов, 3216 чел.) [10, с. 94, 97, 118—119, 148; 11, с. 130—131, 136—139, 147—148; 13, с. 90—91]. Везде они составляли крайне небольшую часть сельского населения — от 0,6% в Мензелинском до 1,1% в Уфимском уезде.

Если же взять только бывшее крепостное население (помещичьи, горнозаводские и вольные хлебопашцы), то в Мензелинском уезде удельный вес их потомков среди крестьянства составил 6,4% (2327 из 36 149 чел.), в Уфимском уезде — 3,3% (3216 из 97 769 чел.). Вольные хлебопашцы жили только в западных и центральных уездах, где была наибольшая концентрация дворянских земель.

Материалы первой подворной переписи 1912—1913 гг. позволяют реконструировать ситуацию по конкретным селениям [5]. В Мензелинском уезде в Макарьевской волости в деревне Иванаево (Бискеченка) было 69 дворов вольных хлебопашцев (409 чел.). В Матвеевской волости имелись селения Кузлуковак (Казино, Ново-Можаровка) (48 дворов, 286 чел.), а также волостной центр Матвеевка (Троицкое) (207 дворов, 1290 чел.). В Токмакской волости к вольным хлебопашцам относилась часть жителей села Пальчиково (Никольское, Лебяжье), в их общину входило 56 дворов и 349 жителей, рядом была община бывших помещичьих (74 двора). Также вольные хлебопашцы входили в Никольское общество: деревня Самарцево (Степановка) — 49 дворов, 273 чел. Итого: пять общин, а обследования 1896 г. выявило шесть.

Пропавшую деревню показывает перепись 1884 г., где кроме вышеуказанных русских селений (Иванаево, Матвеевка — записаны вольные хлебопашцы — «семичастные», Кузлуковак, Пальчиково и Самарцево) находим в Александро-Карамалинской волости деревню Кавзияк-Тамак (45 душ по X ревизии, в 1884 г. — 27 дворов и 138 жителей) [12, с. 8, 108, 114, 204, 334]. Население последней указано как православные «монгольского» происхождения, то есть татары.

Особенностью вольных хлебопашцев Уфимской губернии было присутствие нерусского крестьянства. Но по переписи 1912—1913 гг. население деревни Кавзияк-Тамак Александро-Карамалинской волости (169 татар, 34 двора) по сословию отнесено к коренным собственникам. По указу 1801 г. свободное податное население получило право покупать ненаселенные земли [15, с. 44]. На Урале сформировался обширный разряд крестьян-собственников, или коренных собственников. Этот случай показывает сложности с юридическим закреплением «нестандартного» сословного разряда.

В Мензелинском уезде был самый высокий удельный вес свободных хлебопашцев среди крепостного населения. Основное количество составляли бывшие крепостные помещика М.Е. Можарова, проживавшие в селе Троицком-Матвеевке и в деревне Ново-Можаровке (Кузлуковак), ныне Мензелинский район Республики Татарстан.

Матвей Евменьевич Можаров, коллежский советник и председатель Палаты Уголовного суда Уфимского наместничества (на 1794 г.), входил в ряды высшего управленческого аппарата края [7, с. 260]. На решение отпустить на волю крестьян, возможно, повлиял скандал вокруг жестокого обращения с крепостными помещицы Евгении Ивановны Можаровой, велось следствие, дело дошло до Сената [6, с. 106].

Перевод крепостных крестьян в свободные хлебопашцы помещиком Можаровым [9, д. 162] отложился в памяти местного культурного сообщества как выдающийся акт гуманизма, и в 1895 г. И. Архангельский даже опубликовал небольшую заметку (прил. 1), упомянув, как освобожденные крепостные затем разорили наследников благодетеля.

В Уфимском уезде самая крупная благотворительная акция состоялась в селе Шемяк (Казанское) Казанской волости, все жители которого были отпущены на волю по закону 1803 г. По переписи 1912 г. в Шемяке было 256 дворов и 1655 жителей. Местные крестьяне спасли маленькую дочь помещиков Глуховых от действовавшего в той местности отряда пугачевцев. Когда Н. А. Глухова выросла, то в благодарность за спасение отпустила всех крестьян на волю и обеспечила их землей (прил. 2) [9, д. 99]. Сельчане не забывали доброту бывшей барыни.

В окрестностях города были еще три селения вольных хлебопашцев. В Богородской волости — деревня Александровка (115 дворов, 725 чел. в 1912 г.), в Дмитриевской — деревня Карюгина, которая также именовалась Дарственное (28 дворов, 230 жителей), и в Осоргинской волости — маленькая деревня Репьевка (36 дворов, 225 чел.). Во всех населенных пунктах жили русские крестьяне.

Сложность сословного статуса группы вольных хлебопашцев показывают также материалы по Уфимскому уезду. По переписи 1895 г. в Бакаевской волости числилась еще одна община вольных хлебопашцев (171 двор, 978 чел.), причем татар по национальности. Но по переписи 1912 г. в Бакаевской волости вольных хлебопашцев не имелось. Население похожих по числу дворов селений Байталлы и Бакаево 2-е было припущенниками.

С другой стороны, известно об отпуске на волю крестьян еще двух селений. Помещица Елена Ивановна Иглина перед смертью завещала отпустить на волю часть своих крепостных села Иглино, что и было исполнено ее племянницей Прасковьей Угличиной.

В современном Иглино в память об этом событии поставлен памятник Е. И. Иглиной и в ее честь назван парк [8, с. 55; 9, д. 333]. А после кончины губернского секретаря Резвого вольную получили жители деревни Резово (Надеждино) [8, с. 122]. Но по переписям 1895 и 1912 гг. жители обоих селений значились как бывшие помещичьи, а не вольные хлебопашцы.

Наконец, в 1896 г. в Белебеевском уезде в Менеузбашевской волости зафиксированы две общины вольных хлебопашцев (377 дворов, 2209 чел.), по национальности чувашей! В материалах переписи 1912—1913 гг. все здешние чуваша по сословию — государственные крестьяне, или коренные собственники.

Исследования рубежа XIX—XX вв. показывают стабильное материальное положение вольных хлебопашцев. В Мензелинском уезде к 1895 г. по обеспеченности землей вольные хлебопашцы находились на втором месте, уступая только многоземельным башкирам-вотчинникам. В среднем на один двор у хлебопашцев приходилось по 14,8 дес., на мужскую душу — 4,1 дес.

Величина земельного надела на душу по X ревизии 1858 г. показывает уровень хозяйства. Лишь 15,4% вольных хлебопашцев имели маленькие наделы от 3 до 4,5 дес. на ревизскую душу, наделов от 4,5 до 6 дес. ни у кого не было. Для сравнения: у бывших государственных крестьян наделы от 3 до 6 дес. имели 30%, у припущенников — 48%. Средний надел от 6 до 10 дес. был у 34,4% вольных хлебопашцев, у государственных — 64,4%, припущенников — 47,7%. Большие наделы от 10 до 15 дес. на ревизскую душу имели 45,6% вольных хлебопашцев, но лишь 5,3% государственных крестьян и 4,3% припущенников. Наконец, среди вольных хлебопашцев Мензелинского уезда в 37 дворах (4,6% от общего количества) числились огромные земельные наделы от 25 до 38 дес. на ревизскую душу. Среди бывших государственных таковых было 0,1%, среди припущенников они отсутствовали и даже среди вотчинников их насчитывалось 2,9%.

Аналогичная ситуация была в Уфимском уезде, где вольные хлебопашцы также занимали второе место по земельной обеспеченности после вотчинников со средним наделом на ревизскую душу в 14,5 дес. (бывшие помещичьи — 4,9 дес., удельные — 4,7, государственные и припущенники — 8,2, коренные собственники — 11,2 дес.).

Таким образом, материалы земских переписей рубежа XIX—XX вв. позволяют определить положение вольных хлебопашцев в порефор-

менный период. Благодаря щедрым пожертвованиям бывших помещиков, отпустивших их предков на волю с хорошими земельными наделами, экономическое положение этой небольшой группы крестьян было устойчивым. Правда, гуманистов-благотворителей в крае за полвека набралось немногим более десяти.

С другой стороны, история вольных хлебопашцев показывает, как тяжело происходило формирование нового сословия (сословного разряда). Требовалось отдельное законодательство, возникали многочисленные правовые коллизии. Только исключительное значение необходимости ликвидации крепостных отношений заставило имперскую власть пойти на выделение нового разряда. К примеру, для новокрещенов (крещеных татар), в отличие от вольных хлебопашцев, не стали создавать отдельного сословного разряда.

Приложение 1

Матвей Евменьевич Можаров

По силе Высочайшего указа Императора Александра I, 20 февраля 1803 года, помещикам предоставлено было право увольнять крепостных людей в состояние свободных хлебопашцев. В этом акте выразились высокие гуманные идеи и стремления к эмансипации Александра Благословенного.

Небольшая группа образованных русских людей начала XIX века, как представителей этих идей, несомненно, должна считаться личностями историческими, положившими первые камни в прочный фундамент (манифеста) Императора Александра II, 21 февраля 1861 года, об освобождении всех крестьян от крепостной зависимости.

Оказывается, что Уфимский край также имеет своего представителя гуманных идей начала сего столетия в лице коллежского советника Матвея Евменьевича Можарова, помещика Мензелинского уезда села Архангельского — Можарова тож.

Актами 8 января 1808 года и 26 мая 1810 года, удостоенными Высочайшего утверждения 5 августа 1818 года, М. Е. Можаров уволил всех своих крестьян села Троицкого-Матвеевки и деревни Новой-Можаровой в состояние свободных хлебопашцев, выделив им из своего богатого имения по двадцати десятин на душу в полную собственность и предоставив крестьянам пользование разными угодьями, мельницей, рыбными ловлями, сенокосом, правом свободного въезда в лесную дачу для своих надобностей, одним словом — выразил чисто отеческую заботливость к устройству быта своих крепостных и дворовых людей.

М. Е. Можаров, по нашему мнению, в своих эмансипационных стремлениях вышел за пределы положения 19 февраля 1861 г. и это сделал в то вре-

мя, когда помещики так дорожили и насквозь были пропитаны крепостничеством, считая его своим неотъемлемым правом. Умирая, М.Е. Можаров в духовном завещании подтвердил свою волю и гуманные взгляды на отношение к своим крепостным людям и поземельное устройство.

К сожалению, потомки освобожденных М.Е. Можаровым на волю людей злоупотребили милостями своего благодетеля, истребив лесную дачу, в которую было им предоставлено помещиком право въезда, завели с наследниками М.Е. Можарова процесс о владении бывшей под лесом землей, самовольно ими же превращенной в пахотные и сенокосные угодья. Процесс, длившийся в старых судах много лет, подорвал благосостояние наследников Можарова, причинив и крестьянам немало убытков.

В истории Уфимского края М.Е. Можаров может занять видное место. В этих видах, как мы слышали, одним из просвещенных архипастырей Никанором и передан в Уфимский музей портрет Можарова. Действительно, таким человеком, инициатором свободы далекого прошлого, край может гордиться, а мы нашли нужным напомнить читателям о М.Е. Можарове как о благодетеле человечества.

И. А-ский.

Уфимские губернские ведомости. 1895. 27 мая

Приложение 2

[Заметка о селе Шемяк]

По губернии. В с. Шемяк Уфимского уезда проживала в давнее время помещица Надежда Андреевна Глухова. Во время нашествия пугачевских разбойничьих шаек родители Н.А. были убиты разбойниками, а она была местными крестьянами скрыта от разбойников и жила некоторое время в крестьянской семье. В 1811 году Н.А. отпустила крестьян с. Шемяк на волю, а в 1819 году по дарственной записи наградила их землю, в количестве до 7000 дес. Крестьяне с. Шемяк и поныне чтут память покойной Н.А. (в день ее ангела не работают, как в праздник) и намереваются поставить ей памятник.

Уфимские губернские ведомости. 1897. 30 октября

Список источников и литературы

1. *Долгих А.Н.* Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при императоре Александре I // *Отечественная история.* 2008. № 5.
2. *Емельянов Е.П.* Изучение Н.В. Устюговым увольнения крепостных крестьян в вольные хлебопашцы // *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв.* Екатеринбург, 2014. Т. 2.

3. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954.
4. *История крестьянства России до 1917 г.* М., 1993. Т. 3.
5. *Крестьянское хозяйство Уфимской губернии.* Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. 2. Таблицы. Уфа, 1914.
6. *Листовский Иван.* Из недавней старины (публ. Янины Свице) // Уфа: страницы истории. Уфа, 2014. Книга вторая.
7. *Месяцеслов* с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1794. СПб., б. г.
8. *Роднов М. И.* Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017.
9. *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 234.
10. *Сборник* статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 1. Уфимский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895—96 годов. Уфа, 1898.
11. *Сборник* статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1896 года. Уфа, 1899.
12. *Сборник* статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому 3. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования 1884 года, собранные и обработанные Д. Н. Тяжелниковым. Самара, 1900.
13. *Сборник* статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 4. Белебеевский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1896 года. Уфа, 1898.
14. *Сергеева Н. И.* Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983.
15. *Сергеева Н. И.* Проведение в жизнь указа о свободных хлебопашцах в начале XIX века // История СССР. 1968. №4.

М. Д. Карпачёв

Аграрное перенаселение в Воронежской губернии и его социальные последствия в начале XX века

Анализируется процесс нарастания аграрного перенаселения в Воронежской губернии. Определена роль крестьянских промыслов в экономической жизни деревни Воронежской губернии в последние годы существования Российской империи. Выясняются причины возрастания хозяйственного значения промыслов, дается оценка их социальной целесообразности.

The author analyses the process of agrarian overpopulation in Voronezh province. The paper investigates the role of peasant fisheries in the economy of the village in Voronezh province in the last years of the Russian Empire and identifies the reasons for the increase of the economic value of this kind of activity. The research estimates social expediency of fisheries.

Ключевые слова: аграрная экономика, крестьянство, демографические показатели, Воронежская губерния, начало XX века, экономическая и социальная эффективность.

Keywords: agricultural economy, peasantry, The Voronezh province, the beginning of the 20th century, economic and social effectiveness.

Центральное Черноземье в начале XX столетия оставалось зоной безусловного преобладания земледелия в трудовой деятельности народа. И через полвека после отмены крепостного права свыше 94% населения Воронежской губернии составляли крестьяне. Природа и плодородные почвы все еще решающим образом влияли на хозяйственную жизнь этого благодатного края России. «Экономическая деятельность населения Воронежской губернии, — констатировали в начале прошлого века земские специалисты, — главным образом направлена на земледелие, кустарные и другие промыслы раз-

виты слабо и служат только подспорьем сельскому хозяйству» [1, ф. 20, оп. 1, д. 2672, л. 12]. После великих реформ 1860—1870-х гг. в России происходили громадные перемены, но в структуре населения и в экономике региона они проявлялись слабо.

Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, черноземные губернии оказались в Европейской России зоной экономической, социальной и культурной отсталости. В политической публицистике все чаще стала обсуждаться проблема «оскудения» земледельческого центра, о бедственном положении воронежской деревни заговорили как в административных, так и в общественных кругах. Тягостное впечатление в русском обществе вызвали картины крестьянского голода 1891—1892 гг. Выяснилось, что жившие на тучных черноземах крестьяне не имели и, что еще печальнее, не могли иметь продовольственных резервов. Двухлетний недород привел к тяжелому народному бедствию. Тема крестьянских лишений активно использовалась как революционными, так и либеральными противниками самодержавия. Широкий резонанс получила небольшая, но темпераментно написанная книга земского врача А. И. Шингарева. Это исследование высокой смертности воронежского крестьянства содержало откровенный упрек власти в пренебрежении нуждами деревни [2, с. 20—25].

Власть и общество столкнулись с очевидным фактом: земля при всем своем черноземном плодородии все хуже обеспечивала материальные условия жизни воронежского крестьянства. В регионе постепенно нарастали тяжелые социально-экономические диспропорции. Одним из видимых парадоксов складывавшегося положения было то, что ухудшение аграрной экономики происходило на фоне весьма позитивных демографических сдвигов. После отмены крепостного права и вплоть до крушения монархии в России вообще, а в Центральном Черноземье в особенности, наблюдались небывало высокие темпы естественного прироста населения. Казалось бы, такой социальный процесс следует рассматривать как явление сугубо позитивное. Однако современники оценивали ситуацию как крайне противоречивую, даже тревожную. Прежде всего все более актуальным становился вопрос о земельном обеспечении многочисленных крестьянских семей. С каждым пореформенным десятилетием обострялась проблема относительной избыточности трудоспособного крестьянства. Если в 1861 г. в губернии проживало примерно 1,8 млн человек, то перепись 1897 г. зафиксировала уже 2,4 млн, в 1905 г.

насчитывалось 3,2 млн, а в 1914-м численность населения достигла 3,8 млн человек. При этом доля крестьянства в составе населения почти не понизилась. Поскольку свободных земель в губернии давно уже не было, происходило быстрое сокращение душевого надела. С 1861 по 1905 г. он сократился вдвое — с 4,8 до 2,4 дес.

Одним из печальных последствий этого процесса стало явное ухудшение земельного баланса. Среди сельскохозяйственных угодий быстро возрастала доля пашни. За XIX в. доля лугов и выгонов упала с 36,5 до 10,2%, доля леса уменьшилась с 11,9 до 7,9%, а вот доля пашни поднялась с 42,9 до 69,3% [3, с. 31]. В Бирюченском уезде, например, за два последних десятилетия XIX в. пашня увеличилась с 80 тыс. до 150 тыс. десятин. Рост этот произошел за счет лугов и пастбищ, в итоге поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1890—1902 гг. с 66032 до 45019 [4, с. 42]. Понятно, что такая же картина наблюдалась и в прочих уездах. В результате в губернии ухудшилась экологическая ситуация, начало сокращаться животноводство. Без органических удобрений природная сила черноземов стала быстро истощаться. Словом, на страну надвигался тяжелый аграрный кризис. Этот факт зафиксирован и в зарубежной историографии. «Совокупное бремя чрезмерной налоговой повинности, социальных и экономических ущемлений и безудержного роста населения, — отмечал известный американский историк Р. Пайпс, — привело к такому положению, при котором русскому крестьянину было все труднее кормиться одним сельским хозяйством» [5, с. 221].

Важной особенностью хозяйственной жизни черноземного (как, впрочем, и всего русского) крестьянства являлось преимущественно экстенсивное использование земельных угодий. Экономическое освоение Центрального Черноземья началось относительно поздно, после устранения угрозы набегов татарских и ногайских орд. В XVI—XVIII вв. прибывавшее сюда население не испытывало недостатка в земельных угодьях. Вплоть до отмены крепостного права в южных уездах Воронежской губернии все еще имелись резервы пригодной для вспашки земли. Фактор свободного пространства обусловил доминирование земледелия, с одной стороны, и формирование устойчивой традиции искать ключ к увеличению производства продуктов для растущего населения в освоении все новых земель — с другой. Ситуация стала меняться в пореформенную эпоху. Возможности для экстенсивного земледелия подошли к концу. Отмечая это, выдающийся отечественный статистик и неумолимый работник воронеж-

ского земства Ф. А. Щербина писал: «Когда же количество жителей настолько увеличится, что сельскохозяйственных продуктов окажется мало для него и под руками не будет свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно троякий исход — или усилить производительность той же площади земли, то есть повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные помимо земледелия материальные источники» [6, с. 244].

Все вроде бы очевидно. Однако за суждениями Щербины скрывался непреложный факт: экономический и культурный подъем региона был невозможен при полном доминировании земледелия. В условиях роста и абсолютного преобладания крестьянского населения нельзя было ответить даже на простой вопрос о пределах достаточности наделной земли. Если, скажем, достаточным следовало признать надел в 15 дес. на крестьянский двор (такой цифрой, кстати говоря, оперировал В. И. Ленин в своих трудах по аграрному вопросу), то повышение до такого уровня всех семейных наделов могло бы, вероятно, удовлетворить собственные потребности большинства крестьянских семей в продуктах земледелия. Но и только. Потребности всех крестьян не могло бы, конечно, удовлетворить никакое количество земли. В деревне всегда были плохие хозяева, неумелые, маломощные или просто ленивые. Само по себе количество наделной земли не могло свидетельствовать о достатке крестьянского хозяйства. Но если даже отвлечься от личных качеств крестьян и признать, что все они умели и хотели хорошо трудиться, то и тогда так называемые достаточные наделы не могли обеспечить экономического развития региона. При 5—6% городского населения, узости и малой доступности иных рынков уровень производства неизбежно должен был остановиться на черте, позволявшей удовлетворить скромные потребности самих крестьян. Избыточное производство просто не нашло бы сбыта.

На рубеже XIX—XX вв. аграрная экономика Воронежской губернии определенно заходила в тупик. Систематически повторявшееся недороды обрекали массы крестьянства на полуголодное существование. В начале 1890-х гг. правительство вынуждено было создать особую комиссию по организации помощи голодающим крестьянам Черноземья и принять чрезвычайные меры по подвозу продовольствия. Но в те же 1890-е гг. в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога совсем иного рода: на выра-

щивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В. З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [7, с. 312].

По мнению многих публицистов и общественных деятелей (а затем и историков), приведенные выше цифровые показатели свидетельствовали о дефиците крестьянской земли. Поэтому наиболее надежным путем решения аграрного вопроса политические оппоненты самодержавия считали ликвидацию крестьянского малоземелья. Предполагалось при этом, что самым эффективным способом решения такой задачи могла быть национализация частных, в первую очередь помещичьих земельных владений и передача их в пользование крестьянских общин. Но сторонники такой позиции не замечали (или не хотели замечать), что натурально-потребительская экономика была вполне целесообразной тогда, когда основной мотивацией крестьянского двора было обеспечение его жителей необходимым минимумом жизненных средств. При утверждении рыночных отношений она выявила свою полную несостоятельность. Иначе говоря, и при обилии земли региону был бы обеспечен хозяйственный застой. Ликвидация частной собственности и перераспределение земли в пользу малоземельных общинников могли бы, вероятно, несколько повысить уровень их потребления, но с экономической точки зрения такие мероприятия перспектив не имели.

В правительственных сферах, впрочем, доминировал совсем другой подход. Такие авторитетные деятели, как В. И. Гурко, А. С. Кривошеин или сам П. А. Столыпин, считали, что малоземелья в России не было и быть не могло. А существовало явное обострение проблемы избыточности крестьянского населения, то есть явления, которое впоследствии многие специалисты определяли как относительное аграрное перенаселение. С подобной оценкой положения соглашались многие воронежские администраторы и земские специалисты.

При этом некоторые аналитики отмечали, что крестьянское оскудение не следует понимать упрощенно. Трудности, связанные с дефицитом земельных ресурсов (а точнее, с возрастающей плотностью населения) крестьянство стремилось преодолеть разными путями. Очень медленно, но все же повышалась эффективность сель-

скохозяйственного труда. Среднегодовые сборы хлебов имели тенденцию к повышению. Возрастали общие размеры пашни. И все же сельскохозяйственное производство не успевало за ростом материальных потребностей крестьянского населения. Официальная и земская статистика дружно свидетельствовали, что урожайность зерновых культур у воронежских крестьян-общинников оставалась на очень низком уровне, в среднем около 50—60 пуд. с десятины (то есть 7—8 ц с га). «Несмотря на лучшую в мире почву, — констатировал воронежский исследователь Ф. К. Рындин, — низкая сельскохозяйственная культура не прокармливает 50 человек на квадратной версте (Бельгия на версте кормит 250 человек), а слабо развитая промышленность не может занять свободных от земледелия рук и гонит их из дома на сторону искать заработка» [3, с. 57].

Путь к повышению аграрной культуры был долгим, а в условиях господства общинных порядков и невероятно трудным. И дело не только в природной косности общинного крестьянина. И даже не столько в ней, сколько в традиционном характере крестьянской экономики. Главной хозяйственной целью крестьянина-общинника являлось натуральное удовлетворение потребностей его семьи в жизненных ресурсах. Общинная организация производства была вполне целесообразной, но только в рамках натурально-потребительского хозяйства.

К рубежу XIX—XX вв. натурально-потребительский тип хозяйства все более теснился рыночным. В таком соревновании земледелие явно проигрывало. Откровенно слабая эффективность земледельческого труда становилась все более очевидной. По подсчетам статистического отделения губернской земской управы доходность десятины пашни упала до катастрофически низких величин. Земские статистики, главой которых на протяжении двадцати лет был признанный мастер своего дела Ф. А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 р. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падает на все виды угодий и учитывает хозяйственные риски, она близко выражает собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2% долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4% этой доходности, то есть из каждых 4 р. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 р. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля» [1, ф. 20, оп. 1, д. 2233, л. 152].

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 р. на двор. «У частных владельцев, — с горечью констатировали земцы, — за покрытием задолженности и платежей остается по 1 р. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 р. 54 коп. на десятину» [1, ф. 20, оп. 1, д. 2233, л. 148].

О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянские наделов не превышали 50 пуд. с дес., а за вычетом посевного зерна чистый урожай составлял всего около 40 пуд. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала [8, с. 8].

Все эти удручающие цифры убедительно свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земледельческом секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Основная цель крестьянского земледелия заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим только в натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и выходил на рынок лишь вследствие вынужденных обстоятельств, причем не только в качестве продавца, но и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 р. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 р. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд 27 р. 35 коп., то есть в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. [1, ф. 20, оп. 1, д. 2233, л. 152]. По размерам душевой доход среднего воронежского крестьянина в 7 раз уступал душевому доходу англичанина, в 6,5 раз доходу француза и почти в 6 раз — доходу жителя Германии [3, с. 66].

Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Но деньги все же крестьянам были нужны. Прежде всего, надо было платить налоги: казенные, земские и мирские. Кое-что требовалось приобретать и из изделий промышленности. И чем более разнообразным становилось предложение города, тем более острой становилась потребность в деньгах. И крестьяне знали способы их получения. Податной инспектор воронежского уезда в 1896 г. отмечал: «Если спросить толкового крестьянина о его натуральном и денежном бюджете, о том, с чего он кормится и откуда уплачивает разные “подати”, ответ будет почти всегда один: сам кормлюсь, семью и скот кормлю с земли, “подати” отбиваю, скотину продавши или какую работу сделавши» [9, с. 34].

Рост прямых и косвенных налогов был, несомненно, важным стимулятором поиска крестьянством дополнительных денежных доходов. В 1900 г. сумма прямых налогов крестьян Воронежской губернии достигла 7 млн руб. [10, с. 143]. Если учесть, что количество дворов воронежских крестьян превысило 350 тыс., то средняя сумма прямых налогов составляла примерно 20 руб. Цифра, вроде бы, небольшая даже по отношению к скромному годовому денежному доходу среднего крестьянского двора (около 10%). Но если учитывать натурально-потребительский, а не рыночный характер крестьянского производства, то налоговое бремя выглядело нелегким. Тяжесть его усугублялась большими недоимками, сумма которых превысила в начале XX в. 10 млн руб. При малой доходности земледелия выручить воронежских крестьян могли только промыслы и отчасти животноводство.

С течением времени шансы на увеличение прибыльности земледелия становились в Воронежской губернии все более призрачными. Быстрое сокращение душевого земельного обеспечения для многих крестьянских хозяйств оборачивалось нараставшим оскудением. Но отнюдь не всегда. Ответы на вызовы времени могли быть разными. Часть крестьян попросту беднела. Но было немало и тех, которые начинали усиленно искать выходы из создавшегося положения. Поскольку земледелие в регионе становилось занятием малоприбыльным, наиболее энергичные крестьяне начинали вести активную промысловую деятельность. К концу XIX в. стало очевидным, что материальное благополучие не связано непременно с количеством имев-

шейся в распоряжении двора земли. Это наглядно проявилось на примере так называемых дарственников, то есть крестьян, принявших после отмены крепостного права бесплатный, но уменьшенный вчетверо душевой надел. По распространенному мнению, положение таких крестьян должно было стать просто бедственным. Однако еще Ф. А. Щербина разглядел, что в Острогожском уезде многие дарственники ведут полнокровное хозяйство, а их жизненный уровень ничуть не ниже, чем у многоземельных крестьян бывшей государственной деревни [6, с. 240]. Современная исследовательница О. Н. Бурдина также приводит данные о том, что в Воронежской и Курской губерниях основные хозяйственные показатели дарственников оказались лучше, чем у многих крестьян со средними душевыми наделами [11, с. 104].

За счет чего же крестьяне покрывали недостаток земельного ресурса? Прежде всего, конечно, за счет занятия неземледельческими промыслами. По данным статистиков Воронежского губернского земства В. И. Бузина и Н. П. Гвоздева, из 100 чел. крестьянского населения губернии 80 занимаются исключительно хлебопашеством, 13 чел., занимаясь хлебопашеством, в то же время прирабатывают на стороне, нанимаясь в большинстве случаев на сельскохозяйственные работы, и 7 чел. занимаются исключительно промыслами, как-то: ремесленными, кустарными, наймом на фабрики, заводы, в прислуги и т. п.» [12, с. 19].

Ощутимый избыток трудоспособного населения был зафиксирован в начале XX в. Свод статистических материалов, подготовленный канцелярией Комитета министров, свидетельствует, что в Воронежской губернии было свыше 105 тыс. работников, «которые оказываются лишними при обработке наибольшей площади посевов, и 40284 работников, совсем не причастных к земледелию». По данным, собранным правительственной комиссией, исследовавшей в конце XIX в. положение сельского населения Центрального Черноземья, уровень относительной избыточности рабочей силы в регионе превысил 60% [9, с. 24].

Этот резерв «лишних» рабочих рук как раз и прилагался к промысловой деятельности. Незрелость же торгово-промышленной жизни толкала большинство свободных от земледелия тружеников к отходу из губернии. Воронежских крестьян можно было встретить на заработках в Донской области, на Северном Кавказе, на шахтах Донбасса, во многих городах центральной России. Если в 1898 г. на

отхожие заработки из губернии ушло примерно 130 тыс. чел., то в 1901-м — уже свыше 160 тыс. [13, с. 73]. В среднем по губернии в отхожих промыслах участвовало почти 10,5% всего мужского населения [13, с. 75]. В уездах с более высокой плотностью населения (например, в Задонском) доля отходников была еще выше.

Многие из промыслов оказывались гораздо более доходными, чем земледелие. Иначе, впрочем, при возраставшем аграрном перенаселении быть не могло. Пока земледелие оставалось основным занятием громадного большинства сельских тружеников, оно не могло быть прибыльным делом. Напротив, промыслы оказывались с этой точки зрения куда более перспективными, особенно если произведенная в неземледельческой сфере продукция находила устойчивый спрос. Для примера можно указать на производство сапогов крестьянами слободы Бутурлиновки. К концу 1870-х гг. в этой слободе проживало уже почти 20 тыс. чел., шили они в год от 800 тыс. до миллиона пар сапог. Цена одной пары колебалась от 2 до 3,5 руб. Семья, в которой постоянно работали мастер с помощником, зарабатывала в год примерно 250 руб. [14, с. 75]. Очевидно, что трудозатраты пахаря, имеющего чистый доход в 3—4 руб. с десятины, и мастера, получающего те же деньги с пошива пары сапог, просто несопоставимы.

Наблюдатели, впрочем, отмечали, что при слабой экономике губернии наиболее прибыльными занятиями были ростовщические и торговые операции, но не производство. Видный общественный деятель В. А. Перелешин отмечал в начале XX в.: «Нажива и рост кулацкого капитала держатся главным образом на торговых операциях и вообще на так называемых процессах первоначального накопления капитала». Самые высокие доходы оказывались «у тех промышленников, которые имеют отношение к этой темной области наживы на счет народного производства и крестьянского труда» [9, с. 17]. По подсчетам земских специалистов торгово-посреднической деятельностью занимались всего 5,48% всех крестьян, занятых в неземледельческих промыслах, а сумма их заработков составляла 22,7% доходов, полученных от такого рода занятий [9, с. 18].

Неземледельческий заработок становился для крестьян едва ли не единственным выходом из возникавших экономических затруднений. Причем избыток трудоспособного населения в губернии толкал все большее число работников к поиску заработков за ее пределами. К отходу на заработки из губернии побуждала крестьян и об-

шая неразвитость рыночных отношений в крае. Низкая покупательная способность населения затрудняла развитие местной промышленной деятельности. Поэтому все более значительные массы работоспособного населения прибегали к отходу. Наиболее доступным и понятным для местного крестьянства был, естественно, сельскохозяйственный отход. Тем более что возможностей для успешного отхода к концу XIX в. становилось все больше: сказывалось интенсивное хозяйственное освоение степных просторов области Войска Донского, Кубани, Новороссийского края. Ф. А. Щербина подчеркивал, что до начала 1890-х гг. в отхожие промыслы регулярно уходили от 65 до 80 тыс. крестьян. В голодные же годы (1891 и 1892) «количество уходящих в отхожие промыслы рабочих удваивается» [15, с. 31]. В последующие годы масштабы и хозяйственное значение отхожих промыслов продолжали возрастать. Об этом свидетельствовали материалы, собранные земскими статистиками, дважды обследовавшими состояние отхожих промыслов в губернии — в 1897 г. и в 1911 г. Например, в Воронежском уезде число уходивших на заработки (извоз, строительство, личные услуги и т. п.) выросло более чем в два раза (с 5260 чел. до 12622 чел.) [16, с. 23]. В самом Воронеже в начале XX в. абсолютное большинство работников были крестьянами, имевшими право на земельные наделы в своих сельских обществах.

Точные цифры крестьян, уходивших в отхожие промыслы, установить сложно. Тем не менее красноречивые сведения есть о динамике выдачи паспортов крестьянам. Если в 1861—1870 гг. в Воронежской губернии было выдано 243,1 тыс. паспортов, или в среднем за год по 24 тыс., то в последнее десятилетие века их число составило более 2,1 млн, то есть почти в десять раз больше [17, с. 222—223]. Такой стремительный рост мобильности населения имел далеко идущие последствия. В деревню приходили деньги, причем во все возраставшем количестве. Это, в свою очередь, разрушало натуральный характер общинной экономики, развивало духовные и материальные запросы крестьянства, подрывало традиции сельского коллективизма. Ведь на отхожих промыслах крестьяне зарабатывали деньги для себя, в сущности по индивидуальным контрактам. Побывавшие в отхожих промыслах крестьяне отличались от массы общинников. Они уже не признавали господства обычного права. Длительное время находясь за пределами своей деревни, отходники должны были регулировать свои отношения с работодателями на

основе общегражданских законов. Кругозор побывавших на промыслах крестьян заметно расширился, а их правосознание было выше, чем у маломобильного большинства пахарей-общинников.

Развивались и кустарные местные промыслы. По сведениям 1897 г., в губернии числилось около 50 разных видов домашних промыслов, в которых было занято 39 тыс. человек. Их годовой заработок доходил до 3 млн руб. По сведениям экономического отдела губернского земства, к 1913 г. число дворов кустарей достигло 15 тыс. [18, с. 238—239].

Приходится констатировать, что в условиях аграрного перенаселения земледельческие занятия консервировали застой в экономике и в социальных отношениях черноземной деревни. Земля продолжала притягивать к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни этого богатого земельными ресурсами региона. На фоне развития промыслов земледелие становилось все менее привлекательным. К тому же полное господство общины не допускало рациональной перестройки в сфере земледельческого производства. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальноземелье, принудительный трехпольный севооборот начинали отталкивать все более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П.А. Столыпина датский специалист А.А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, — писал Кофод, — на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [19, с. 3]. Понятно, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Но, как видно, неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возрастающее многообразие все более активно нарушали патриархальный покой крестьянской жизни.

Развитие неземледельческих промыслов меняло отношение крестьян к земле. Более высокая доходность промыслов побуждала

часть домохозяев отказываться от наделов, размеры которых определяли величину государственных, земских и мирских налогов. Понятно, что такие отказы от наделов больше распространялись в районах с высокой промысловой активностью крестьян [20, с. 156]. Но и в черноземных губерниях накануне столыпинских реформ такие явления не были редкостью. Привычное деление крестьянских хозяйств на бедное, среднее и богатое в зависимости от величины земельного надела теряло свою актуальность. Денежные доходы от промыслов безземельного крестьянина все чаще давали возможность покрыть возможные потери от недостатка земли. Разумеется, отчуждение крестьянства от наделной земли было явлением противоречивым, нередко болезненным. Господство общинных порядков мешало развитию свободного выбора хозяйственной деятельности. Воспетая Г. И. Успенским «власть земли» по-прежнему определяла атмосферу деревенской жизни. Расставание с земледелием тяжело травмировало духовный мир крестьянина.

Тем не менее неземледельческие промыслы играли все более существенную роль в жизни воронежского крестьянства и, что очень важно отметить, роль модернизирующую. Благодаря промыслам происходили позитивные социальные сдвиги. Постепенно сокращалась избыточность аграрного населения, более современной становилась структура населения губернии. Менялась в лучшую сторону общая и правовая культура крестьянства. Меньше в промысловых селах было пьянства, так как меньше было бесцельного досуга. В одном только Бирюченском уезде, как подсчитали местные земцы, пропивалось в год в бездеятельное время до 500 тыс. руб. Значение промыслов возрастало и потому, что они позволяли с успехом компенсировать дефицит земли, толкая крестьян от косности и рутинности натурально-потребительского земледелия к предприимчивости и развитию. Повышалась заинтересованность народа в грамотности и правовых знаниях — без них успешный отход был проблематичен.

Отход многому учил. Но он, конечно, нес не только позитивные перемены. Побывавшие в длительном отходе крестьяне несли с собой и болезни, в том числе социальные. Нарушались привычные связи и традиции. Длительные отлучки наносили чувствительные удары по семейным отношениям. Меньше стало почтительности к старикам. За этими негативными сторонами промыслов стояли объективно необходимые изменения в крестьянской жизни. И не только в ней. Все более властным регулятором социальных отношений стано-

вились деньги. Земледелец-общинник имел весьма скромные потребности, определявшиеся натурально-замкнутым характером его хозяйства. А вот почувствовавшие вкус заработка крестьяне быстро расширяли круг своих запросов. Промыслы развивали стремление к доходам. Поэтому скоро обнаружилось, что промысел промыслу рознь. Большинство отходников добывало скромные заработки тяжелым трудом где-нибудь на шахтах Бахмутского уезда. Но появились и преуспевающие «промышленники». Среди состоятельных крестьян (особенно из бывшей государственной деревни) появились владельцы внушительных мельниц стоимостью до 2000 руб. А крестьянин слободы Бутурлиновки Бобровского уезда И.С. Баточкин сумел завести скорняжное и овчинное производство с годовым доходом до 25000 руб. [9, с. 51].

Развитие крестьянских промыслов было социально-экономическим явлением переходного порядка. Оно свидетельствовало о начале очень болезненного, но исторически неизбежного процесса вывода из деревни значительных масс крестьянского населения, понижения его доли в составе российского общества. Причем наиболее восприимчивыми к новациям становились многоземельные и безземельные крестьяне. Именно эти два полюса были склонны расстаться с традиционными формами земледелия. С них начинался чрезвычайно трудный, но исторически неизбежный процесс перехода от аграрного общества к обществу индустриальному. В пореформенную эпоху история русского раскрестьянивания только начиналась.

Список источников и литературы

1. *Государственный архив Воронежской области (ГАВО).*
2. *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Саратов, 1901.
3. *Рындин Ф.К.* Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях. Воронеж, 1921.
4. *Менжулин В.П.* Географическое положение Бирюченского уезда, его топография и историческое развитие // Памятная книжка Воронежской губернии. 1893. Воронеж, 1893.
5. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
6. *Щербина Ф.А.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.
7. *Воронежские губернаторы и вице-губернаторы.* Воронеж, 1999.

8. *Вестник* Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1.
9. *Перепелицын А. В.* Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005.
10. *Шванебах П. Х.* Наше податное дело. СПб., 1903.
11. *Бурдина О. Н.* Крестьяне-дарственники в России. 1861—1907. М., 1996.
12. *Отхожие* промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. Воронеж, 1914.
13. *Тезяков Н. И.* Отхожие промыслы в Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж, 1904.
14. *Скиада М. М.* Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 год. Воронеж, 1879.
15. *Щербина Ф. А.* Рабочие силы крестьянского населения Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. Воронеж, 1896.
16. *Для крестьянина* : сб. статей и сведений, полезных в деревенском обиходе. Воронеж, 1912.
17. *Материалы* Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1.
18. *Журналы* Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. Воронеж, 1913.
19. *Кофод А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1.
20. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России (1850—1880 гг.). М., 1978.

**Международные инструменты защиты
аграрных интересов России
накануне Первой мировой войны**

Анализируется внешняя политика Российской империи в сфере торговли сельскохозяйственными товарами. Показаны институты и инструменты международного сотрудничества по вопросам сельскохозяйственного производства накануне Первой мировой войны.

The article analyses the foreign policy of the Russian Empire in the field of trade in agricultural products. The author pays attention to the institutions and instruments of international cooperation on issues of agricultural production on the eve of the First World War.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, продовольствие, сельскохозяйственный экспорт, внешняя политика, Международный сельскохозяйственный институт.

Keywords: agricultural production, food, agricultural exports, foreign policy, International Institute of agriculture.

Анализ аграрных проблем России (проблем производства и сбыта сельскохозяйственной продукции) начала XX в. показывает многие узлы и противоречия ее внутренней и внешней политики, связанной с национальными интересами в сфере агропромышленного развития империи. Подчеркнем, что в России этого периода наблюдалась консолидация интересов правительства, производителей и коммерческих кругов в вопросах необходимости модернизации аграрного рынка и сельского хозяйства империи, что вылилось в подготовку С. Ю. Витте аграрной реформы и проведение ее П. А. Столыпиным.

Во внешнем контуре национальный интерес России состоял в защите сельскохозяйственного экспорта, прежде всего зернового — основного источника пополнения золотого запаса. В 1900 г. в общей сумме экспорта России сельскохозяйственные продукты составляли $\frac{3}{4}$ [1, с. 203]. Конечно, задача увеличения экспорта сельскохозяйственных продуктов для внешней политики России была не новой. Но именно к концу XIX в. в мире оформились новые инструменты международного взаимодействия в формате международных организаций современного типа как институтов многостороннего взаимодействия суверенных государств или частных инициатив. К началу Первой мировой войны действовало более десятка только межправительственных организаций, которые были нацелены на регулирование экономических связей между государствами через унификацию и стандартизацию. Имеются в виду Всемирные союз мер и весов, Всемирные телеграфный и почтовый союзы, Союз для печатания таможенных тарифов, Международный союз железнодорожных товарных сообщений. В сфере интересов сельского хозяйства появился Международный сельскохозяйственный институт.

Институт (как организация, а не образовательное учреждение) был создан в 1905 г. усилиями короля Италии и итальянских сельскохозяйственных ассоциаций. Идею Института в Рим привез американец Дэвид Лубин, имевший в США опыт зернового бизнеса.

По конвенции, которую подписали представители 40 государств, Институт должен был в интересах сельхозпроизводителей собирать, систематизировать, анализировать экономическую, правовую, научную и иную информацию и разрабатывать рекомендации для аграрной политики государств-членов. Как показывают документы российских министерств, Николай II благосклонно отнесся к идее организации Института. В числе ведущих стран мира Россия ратифицировала договор. Правительство при этом надеялось использовать в своих внешнеэкономических интересах информацию Института о состоянии мировых и региональных рынков, движении цен на продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Кроме того, Россия надеялась на участие в международных мероприятиях на базе Института, направленных на борьбу с фальсификацией продукции, за «справедливую» торговлю.

Именно в этом вопросе у России существовал глубокий интерес, ибо ее сельскохозяйственный экспорт (не только пшеницы, ржи, ячменя, но и коровьего масла и мяса) находился в условиях междуна-

родно-правовой дискриминации [2]. Цены на российские зерновые устанавливали хлебные биржи Лондона, Гамбурга, Марселя, Антверпена, Роттердама и Парижа. Русское зерно и масло закупали внутри империи иностранные агенты и конторы, доставляли на зарубежные рынки английские, датские, итальянские и греческие суда. Российские купцы обязаны были торговать в Европе по правилам торговых контрактов, которые устанавливали без России торговые ассоциации европейских стран. Русское зерно постепенно вытеснялось с европейских рынков, что подтверждали и коммерческие съезды и совещания.

С открытием в 1894 г. Сибирской железной дороги произошел рост русского экспорта топленого, а затем и сливочного масла, что усиливало внутриевропейскую конкуренцию в этом сегменте рынка. Периодически в Европе возникали информационные кампании борьбы с «русскими фальсификаторами». В европейских газетах, преимущественно датских, поднимался шум о якобы найденных в бочонках сибирского масла камнях или земле, сообщалось о процессе в Лондоне по обвинению сибирских маслоделов в фальсификации масла маргарином [1, с. 259—262].

К началу XX в. конкуренция среди экспортеров продукции сельского хозяйства на мировом уровне обострилась и усложнилась. Менялись национальные экономики, формировались новые правила экономической конкуренции, нарастали физические объемы продукции, включенной в международную торговлю. При этом стандарты продовольственных товаров определялись в Западной Европе и США. Борьба за международные отраслевые аграрные рынки, находившаяся в центре международных отношений ведущих держав, сопровождалась не только грабительским (неэквивалентным) использованием природного и хозяйственного потенциала колоний, но и развитием со стороны метрополий монокультур зависимых экономик.

Справедливости ради скажем, что главный русский товар — зерно — был менее качественным, чем у американских и европейских конкурентов. Торгуя засоренным и несортированным зерном, Россия удерживалась на европейском рынке за счет объемов и более низкой цены. В 1913 г. Россия вывезла 648 млн пудов зерна (пшеница, рожь, ячмень), стоимость которого достигала 590 млн руб. При этом средняя цена пуда была 65 коп. Рекордным был вывоз в 1910 г. — 847 млн пудов. Именно в этой ситуации родилась установка «не доедим, но продадим». Основными конкурентами России на мировом зерновом рынке были США, Аргентина, Канада, Австралия.

Говоря о властных структурах России, конечно, не стоит отрицать того факта, что правительство стремилась создать условия для торгового обмена в интересах своих производителей (в том числе сельскохозяйственных) на основе двусторонних международных институтов и используя банковские инструменты. Империя была значимым участником международной кредитно-финансовой системы. Она одной из первых стала осуществлять ввоз капитала, а на окраинах империи (Дальний Восток) развивать свободные экономические зоны, где были благоприятные условия в том числе для сельскохозяйственного импорта — семян, сельхозтехники. В начале XX в. Россия имела торговые отношения с 28 странами на основе двойного конвенционального тарифа, по которому две стороны фиксировали взаимные уступки в пошлинах на интересующие их товары. В 1909 г. по указу Николая II учреждается российское сельскохозяйственное агентство в США, которое занималось маркетингом сельскохозяйственного рынка некоторых штатов и Аргентины. Агентство сотрудничало с департаментом земледелия правительства США. Передовые американские сорта культур и сельскохозяйственные технологии передавались земствам Юга России, сельскохозяйственным обществам, Переселенческому управлению (для сибирских регионов). Образованный в 1908 г. Союз сибирских маслоделов создал за рубежом свою агентурную сеть и склады. Главная задача Союза состояла в прямом сбыте масла на английском и датском рынках, минуя посредников. При этом серьезная конкуренция между Россией и Голландией развернулась и на немецком рынке масла.

В этот же период российское правительство развивает институт двусторонних торговых палат. Консульские донесения нередко содержали мониторинг торговли сельскохозяйственными товарами. Но этих механизмов было недостаточно. Мир активно формировал основу глобальной экономики, происходила интернационализация экономической сферы. Возрастала роль информационных ресурсов. Эти процессы необходимо было распознавать, осознавать и учитывать в отстаивании национальных интересов.

В 1907 г. Россия после долгих переговоров подписала конвенцию 1902 г. по сахару, добившись для своих экспортеров специальных условий. До нее в конвенции уже состояли как производители свекловичного, так и тростникового сахара: Германия, Австрия, Венгрия, Италия, Бельгия, Франция, Англия (без доминионов и колоний), Нидерланды (без колоний), Швеция и Испания. Россия, при-

держивавшаяся системы вывозных сахарных премий, отказывалась от них, как и другие участники конвенции, но получила свободу вывоза в Финляндию, Персию, Китай и Японию. Вывоз же через западную границу Россия согласилась ограничить. Брюссельская конвенция стала первой в истории сахарной промышленности, повлиявшей не только на международную торговлю этим продуктом, но и на внутреннюю хозяйственную жизнь некоторых стран.

Как же на этом международном фоне Россия реально отставала интересы своего сельского хозяйства в Римском институте? Скажем кратко: очень слабо, особенно на фоне активности других крупных стран. Российский постоянный представитель Г. П. Забелло (последний генеральный консул России в Риме) никогда не формулировал российскую повестку. Тон задавали французы и американцы. В активе России была лишь тактика избирательной поддержки чужих инициатив. Но и в этом смысле можно отметить лишь один значимый факт до начала мировой войны. В 1914 г. Россия активно участвовала в проведении международной конференции по защите растений. Конференцию инициировала Франция в интересах своих виноделов. При этом именно техническая комиссия конференции под руководством российского ученого А. А. Ячевского выработала первую международную конвенцию в этой сфере. Выбор пал на Ячевского неслучайно: с 1906 г. он возглавлял кафедру фитопатологии Стебутовских курсов в Санкт-Петербурге и имел известность в научных кругах Европы как авторитетный ученый.

По настоятельной рекомендации руководства Римского института и просьбам американского делегата Д. Лубина, который «бомбил» наших министров письмами, а также благодаря усилиям экс-министра земледелия А. С. Ермолова с 1913 г. Россия начала реорганизацию своей сельскохозяйственной статистики. Опираясь на опыт других стран, правительство решило составлять прогнозы на урожай не в описательной форме, а в числовом формате (по семибалльной системе). Это объективно отвечало интересам экономики страны, так как являлось одним из инструментов включения ее в формирующуюся мировую систему статистики и могло способствовать появлению более достоверной информации о российских зерновых (что, конечно, влияло на аграрные рынки).

При этом Россия так и не наладила стабильный общий информационный обмен с Институтом. Как всегда не хватало денег и управленческой оперативности. Несколько лет в Министерстве сельского

хозяйства не могли решить — кто и за какие деньги будет осуществлять в Санкт-Петербурге переводы на французский российской информации (по опросным листам Института) и посылать их в Рим.

Мировая война и революции вообще прервали связи России и Института. Советское правительство пошло на возобновление сотрудничества только в начале 1930 г., пытаясь использовать платформу Института для возвращения на мировой зерновой рынок. Но это уже другая история [3].

С 1889 г. параллельно с Римским институтом до Первой мировой войны в Европе действовала еще одна аграрная организация — неправительственная Международная комиссия по сельскому хозяйству. Деятельность Комиссии сводилась к проведению систематических, вполне масштабных (до тысячи человек) международных аграрных конгрессов в европейских столицах. Инициатор создания Комиссии — Франция — использовал конгрессы для отстаивания интересов своих сельхозпроизводителей, продвигая идеи общеевропейского протекционизма, защищаясь от американской зерновой экспансии. На форумах собиралась научная элита: представители учебных заведений, земельные аристократы и кооперативные деятели, политики, крупные экс-чиновники, делегаты национальных сельскохозяйственных ассоциаций. В центре дискуссий стояли проблемы модернизации аграрного сектора в условиях мощного индустриального развития. Наиболее популярными в повестке дня были вопросы развития всех форм кооперации в интересах аграрного сектора, сельская миграция и борьба с «бегством» из деревни, развитие сельской социально-культурной инфраструктуры.

На этих конгрессах аграрии Европы — в первую очередь Франции и Германии — отстаивали философию аграризма, утверждавшую, что именно деревня и аграрный сектор — основа развития промышленной нации.

Российских участников на конгрессах были единицы. В состав своего руководства Комиссия ввела известного во Франции экс-министра сельского хозяйства России ученого-аграрника А. С. Ермолова. Но он реально в работе Комиссии не участвовал и на ее конгрессах не присутствовал. На конгрессы 1894 и 1896 гг. приезжали экономист В. И. Ковалевский и профессор Московского университета К. А. Тимирязев.

Представителей многочисленных к тому времени сельскохозяйственных обществ различных регионов России, как и Вольного эко-

номического общества, в списках и протоколах дискуссий конгресса не замечено. В протоколах не было даже упоминаний о Вольном экономическом обществе, хотя известно, что в России оно активно занималось проблемами сельского хозяйства.

Лишь на аграрный конгресс 1900 г. в Париж приехала большая российская делегация. Это были чиновники и члены Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ во главе с Иваном Стебутом, который принял участие в международной дискуссии о системах образования, отстаивая необходимость экспериментального аграрного образования.

В целом же российская общественность и научные круги не проявляли интерес к этим аграрным конгрессам. Вместе с тем Комиссия накануне Первой мировой войны решила провести свой очередной конгресс в России. Европейских аграриев интересовала аграрная реформа П. А. Столыпина. Но, намеченный на 1917 г., конгресс не состоялся.

Почему же Россия — огромная аграрная держава — вплоть до революционных потрясений 1917 г. не проявляла активности в отношении международных аграрных организаций? Причин и факторов (и даже парадоксов) этого много. Безусловно, глубинная причина кроется в состоянии самого национального сельского хозяйства и внутреннего аграрного рынка. Вот лишь один аргумент, который можно расценить как индикатор этого состояния. В империи в условиях активно развивающегося товарного сельского хозяйства при наличии огромных объемов товарного зерна так и не смогли создать важнейший рыночный инструмент — национальную систему контроля качества зерна. Биржевые комитеты отстаивали свое право контроля, а правительство не находило средств на создание государственной системы. При этом свои корпоративные интересы отстаивали помещики, скупщики, железные дороги, а также экспортеры, тесно связанные с иностранным капиталом. В итоге интересы российских сельхозпроизводителей за рубежом так и оставались без достойной защиты за небольшим исключением частного характера.

Надежду вселяла реформа российского МИД в июне 1914 г. Она предполагала активизацию деятельности заграничных учреждений по линии экономических интересов российского государства и бизнеса. В частности, в проект закона об установлении нового учреждения МИД, одобренного в Государственной думе, в статью о торговых интересах России было добавлено, что министерство «имеет предме-

том покровительство и защиту в чужих краях русских экономических интересов и, в особенности, развитие торгово-промышленных сношений России» [4, с. 344]. При обсуждении проекта на Государственном совете 23 июня 1914 г. особо оговаривалась реформа финансовой комиссии МИД в сфере усиления правовой работы, чтобы «международная, так называемая “большая политика” России была неразрывно связана с правильным и прозорливым пониманием нашей международной торговой политики и шла рука об руку с этой последней» [4, с. 346].

Однако начавшаяся мировая война внесла свои жесткие и эпохальные коррективы как в развитие ситуации в самой России, так и в систему мировых экономических связей.

Список источников и литературы

1. *Рогатко С.А.* История продовольствия с древнейших времен. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. М., 2014. Т. 1.

2. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

3. *Нарыкова Н.М.* Международная зерновая конференция 1931 г. в Риме и позиция СССР // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19. С. 217—230.

4. *Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России.* М., 2007.

**Животноводство в крестьянском хозяйстве
Европейского Севера России в 1920-х —
начале 1930-х годов**

Предпринята попытка исследования динамических изменений по всем видам крестьянского животноводства, происшедших в 1920-х гг. и в период перехода к массовой коллективизации сельского хозяйства на Европейском Севере России.

The author attempts to examine dynamic changes in all types of peasant livestock farming in the 1920s and during the period of transition to mass agricultural collectivization in the European north of Russia.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, животноводство, восстановление поголовья, коллективизация, ликвидация скота.

Keywords: peasant households, livestock restocking, collectivization, the elimination of livestock.

Территориальные рамки работы охватывают Север Европейской части России. Административно-территориальное деление региона в первой трети XX в. неоднократно менялось [1, с. 292—293]. Традиционно исследователи к Европейскому Северу России относят территории Вологодской, Северо-Двинской, Архангельской губерний, АО Коми и Карельской АССР. В данной статье рассматриваются следующие территории: Вологодская, Северо-Двинская, Череповецкая, Архангельская губернии и автономная область Коми. Природно-климатическое своеобразие, особенности социально-экономического, хозяйственного, историко-культурного развития данного региона дают возможность эти территории объединить в особый экономический район.

Важной составляющей сельской экономики является животноводство [2, с. 18—20]. Оно дает населению продукты питания, такие

как мясо, молоко и масло, а для производства предметов народного потребления — сырье в виде шерсти и кожи. Кроме того, животные поставляют ценное органическое удобрение — навоз. Следует заметить, что животноводство на Европейском Севере России традиционно играло подсобную роль по сравнению с полеводством. Главная функция животноводства состояла в обеспечении хозяйства тягловой силой. Исключением были лишь те районы, где продукты животноводства поступали на рынок.

Скот в крестьянских хозяйствах был важным вложением капитала. Количество скота зависело от материального положения. Рассмотрим обеспеченность крестьянских хозяйств Европейского Севера России в 1920-е — начале 1930-х гг. отдельно по каждому из видов животноводства.

Рабочий скот для северного хозяйства имел большое значение. Лошади были задействованы в земледелии, на лесных и других промыслах. Из-за отсутствия железных дорог и с прекращением использования зимой водных путей лошади применялись для транспортировки разнообразных грузов. Изменение доли рабочего скота зависело от специфики района и других обстоятельств. Так, в местах господства лесного промысла, где заготовка и сплав леса давали населению основной заработок, во время Первой мировой войны и революции количество лошадей на хозяйство уменьшилось до 20%. В молочном районе, к которому Д. И. Деларов отнес Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский уезды, юго-западную часть Тотемского уезда Вологодской губернии, Череповецкий, Кирилловский уезды и часть Белозерского уезда Череповецкой губернии — лошадей в крестьянском хозяйстве осталось по минимуму. Здесь в хозяйствах преобладали коровы. поголовье лошадей сократилось только на 10% [3, с. 16]. В 1916—1917 гг. крестьяне стремились обеспечить себя хлебом, увеличивая с этой целью запашку [3, с. 46].

В годы Гражданской войны резко возросла мобилизация лошадей как белыми, так и красными, что сказывалось на положении крестьянских хозяйств. Ухудшились условия содержания животных, что сопровождалось падежом скота. По свидетельству А. Лихановой и Б. Угрюмова, сложилось катастрофическое положение в животноводстве в Сольвычегодском уезде: «Конский состав, всю зиму непрерывно занятый небывалой по интенсивности и размерам подворной повинностью, изношен до последних пределов. Значительная часть его выпала из хозяйственного оборота, и оставшаяся часть так измотана, что теперь местами в иных случаях не могут тащить сохи

и бороны... Массовое уничтожение скота в уезде повлекло за собой лишение подсобных продовольственных ресурсов от скотоводства и грозит оставить без удобрения и ту часть полей, которую есть чем засеять» [4, с. 17]. Это свидетельство подтверждает отчасти доклад Новгородцева о поездке по Печорскому уезду (весна 1921 г.): «... лошади от недоедания едва шли. А когда я приехал в село Усть-Цильму, то тут получилось обратное, вплоть до самой Масленицы катание на лошадях каждое воскресенье, и лошади бегали рысью как езженные рысаки...» [5, ф. 1, оп. 1, д. 71, л. 83].

По мнению В. А. Саблина, сокращение рабочего скота на Севере не имело катастрофических масштабов. По сравнению с 1917 г. число лошадей на Европейском Севере России в 1920 г. в среднем сократилось на 8% (на 14% — в Архангельской, на 1% — в Вологодской губернии) [6, с. 164]. С 1921 г. численность скота медленно стала расти.

Рассмотрим динамические изменения в обеспеченности скотом крестьянских хозяйств Вологодской и Северо-Двинской губерний в 1916—1924 гг. (табл. 1) [12, ф. 1853, оп. 8, д. 65, л. 26; 9, с. 53, 57].

Таблица 1

**Поголовье скота в крестьянских хозяйствах
Вологодской и Северо-Двинской губерний в 1916—1924 гг.**

Год	Губерния							
	Северо-Двинская	Вологодская	Северо-Двинская	Вологодская	Северо-Двинская	Вологодская	Северо-Двинская	Вологодская
	Рабочий скот		Крупный рогатый скот		Овцы		Свины	
1916	115 976	170 146	293 075	523 107	204 650	367 536	66 518	16 299
1917	119 333	175 215	285 471	530 436	219 288	380 939	83 725	17 492
1920	110 117	168 303	212 300	378 818	131 696	266 147	41 172	7044
1922	104 203	167 167	177 432	402 882	122 179	344 776	63 263	4568
1923	113 973	172 522	221 160	460 922	209 138	438 580	45 934	9921
1924	124 288	172 348	294 770	515 830	303 407	467 634	71 136	12 220

Из таблицы 1 видно, что поголовье рабочего скота в Северо-Двинской губернии в 1917 г. по сравнению с 1916 г. возросло на 2,9%. До 1922 г. шло уменьшение поголовья, которое доходило до 89,85% от уровня 1916 г. Далее наблюдался рост, и в 1924 г. количество рабочего скота превысило показатели 1916 г. на 7,17%. Рост сельскохозяйственного производства, в особенности животноводства, в условиях индивидуальной собственности на средства производства неизбежно вел к расслоению крестьянских хозяйств на бедные и богатые за счет уменьшения середняцкой группы [7, с. 295—301]. За 1920—1925 гг. число безлошадных хозяйств в Северо-Двинской губернии выросло с 20 до 25%, с двумя лошадьми — вдвое [4, с. 19].

Материал таблицы 1 позволяет проанализировать ситуацию с лошадьми в среднестатистическом крестьянском хозяйстве Вологодской губернии в первой половине 1920-х гг. и сравнить эти данные с показателями 1916 и 1917 гг. Видно, что в это время происходили незначительные колебания в численности поголовья лошадей как в большую, так и в меньшую сторону. В среднем в одном крестьянском хозяйстве в 1924 г. по сравнению с 1916 г. поголовье лошадей сократилось на 0,1%.

Интерес представляет сопоставление обеспеченности лошадьми крестьянских хозяйств Северного края, РСФСР и СССР в конце 1920-х гг. (табл. 2) [5, ф. 187, оп. 1, д. 279, л. 26; 13, с. 151].

Таблица 2

Обеспеченность рабочим скотом крестьянских хозяйств по СССР, РСФСР и Северному краю в 1927 г.

Территория	Число обследованных хозяйств	Обеспеченность рабочим скотом	
		% хозяйств без рабочего скота	Рабочий скот в переводе на лошадей на одно хозяйство
СССР	615 400	31,3	1,0
РСФСР	415 460	28,4	1,0
Северный край	13 195	33,72	1,06

В Северном крае был большой процент хозяйств без лошадей, он превышал данные по РСФСР на 5,32%, по СССР — на 2,42%.

Коров крестьяне держали, с одной стороны, для получения продуктов питания (молоко и другие молочные продукты, мясо), с другой — ради навоза, без которого на Севере, по рассказам населения в ходе проведения обследований, «хоть и не сей ничего на полях, ибо ничего не соберешь» [8, с. 90]. Коровы давали более ценное удобрение, чем прочие домашние животные. Без навоза, даже применяя минеральные удобрения, полевое хозяйство на северных почвах вести невозможно, так как навоз не только содержит питательные вещества, нужные растениям, но и способствует улучшению физических качеств северных тяжелых, холодных и подзолистых почв.

В ходе Гражданской войны значительное количество скота было реквизировано противоборствовавшими сторонами. О принципах оставления скота в хозяйстве в эти годы в дневнике крестьянской семьи Лемзаковых было записано следующее: «...до 5 человек — одна корова, а свыше 5 человек — 2 коровы. У нас осталось 2» [4, с. 19]. В результате количество коров к 1920 г. в среднестатистическом крестьянском хозяйстве уменьшилось на 27,58% по сравнению с 1916 г. После окончания Гражданской войны наметился постепенный рост поголовья крупного рогатого скота.

В Северо-Двинской губернии с 1916 по 1922 г. шел процесс сокращения поголовья коров. В 1917 г. их число составляло 97,41%, в 1920 г. — 72,44%, а в 1922 г. — 60,54% от уровня 1916 г. В 1923 г. поголовье коров составило 75,46% от уровня 1916 г., а в 1924 г. на 0,58% превысило показатели 1916 г. Большая часть коров принадлежала, по мнению А. Н. Бачурихина, к «примитивному северному скоту, характеризующемуся малорослостью, грубым костяком, сравнительно толстой кожей, средним живым весом и молочной производительностью» [9, с. 58]. В начале XX в. в ходе земского обследования Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии статистиками было отмечено преобладание местных зырянских коров и коров холмогорской породы, которые отличались выносливостью и приспособленностью к местным климатическим и кормовым условиям [8, с. 90].

Таблица 3 характеризует обеспеченность крупным рогатым скотом крестьянских хозяйств по Северному краю, РСФСР и СССР в 1927 г. [5, ф. 187, оп. 1, д. 279, л. 26; 13, с. 151].

**Обеспеченность крупным рогатым скотом
крестьянских хозяйств в 1927 г.**

Территория	Число обследованных хозяйств	Обеспеченность крупным рогатым скотом	
		% хозяйств без коров	Коров на одно хозяйство
СССР	615 400	23,8	1,1
РСФСР	415 460	19,5	1,2
Северный край	13 195	10,2	1,5

По сравнению с данными по СССР и РСФСР в крестьянских хозяйствах Северного края было больше коров на один крестьянский двор.

Овцеводство на Европейском Севере России было неплохо развито. Оно удовлетворяло потребности населения в мясе и в шерсти, которая использовалась для изготовления валяной обуви и теплой одежды [10, с. 167]. Овцы неприхотливы, они не требуют больших расходов на свое содержание в отличие от лошадей или коров. Поэтому в большинстве крестьянских дворов содержались овцы. Овцы были главным источником мяса для самых бедных слоев населения северной деревни. Большинство овец были представлены местными породами [3, с. 91]. Так, в Северо-Двинской губернии была широко распространена северная короткохвостая серая овца. В отдельных районах губернии крестьяне разводили опаринских овец (помесь английских мясных овец с местными короткохвостыми), а также помесь романовских овец с местными короткохвостыми. Овцеводство в Вологодской губернии Д. И. Деларов считал неперспективным занятием и отмечал небольшое его значение для развития крестьянского хозяйства [3, с. 89].

Свиноводство, в отличие от овцеводства, не получило широкого распространения в северной деревне. Обусловлено это было двумя обстоятельствами: во-первых тем, что при содержании свиней приходилось их подкармливать хлебом, которого, по рассказам крестьян, у них было очень мало. Во-вторых, тем, что «свинья, ничего не давая из пищевых продуктов, кроме мяса, которого в былые времена было много от дичи и рыбы, не представляла для зырян никакой выгоды» [3, с. 92]. По мнению Д. И. Деларова, мелкий скот, особенно свиньи, играл меньшую роль в вологодском хозяйстве, чем лошади и коровы [3, с. 83]. Свиноводство велось экстенсивным способом, сви-

нии местной породы на все лето выпускались в лес, где сами кормились и размножались. Содержались они, преимущественно, из-за щетины. Промысел, связанный с мойкой и сортировкой щетины, а отчасти и выделкой изделий из нее, развивался здесь издавна. В свиноводческий район входили Никольский и Великоустюжский уезды Северо-Двинской губернии, Кологривский уезд Костромской губернии, а также часть территории Тотемского и Вельского уездов Вологодской губернии [3, с. 85]. К середине 1920-х гг. свиное мясо и сало в Северной области стали играть заметную роль в питании населения. Часть свиней крестьяне продавали перерабатывающим предприятиям в качестве сырья для производства колбасы [3, с. 87]. Поскольку в период продразверстки свиньи не подлежали реквизиции и конфискации, то поголовье свиней не уменьшилось и в годы Гражданской войны.

В конце 1920-х гг. в крестьянских хозяйствах Европейского Севера России отмечено заметное сокращение крупного рогатого и мелкого скота. Основная причина, вызвавшая этот процесс, — недостаток кормов. Наиболее существенное сокращение поголовья скота было зафиксировано в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, а также в автономном округе Коми [11, ф. А374, оп. 16, д. 38, л. 19, 52, 78; д. 83, л. 151].

Позитивные изменения в животноводстве северной деревни после окончания Гражданской войны были прерваны голодом 1921 г. и его последствиями. Только с 1923 г. намечилось увеличение стада. В течение двух лет поголовье крупного и мелкого продуктивного скота достигло предреволюционного уровня. В результате быстрого подъема продуктивного животноводства в стране произошло заметное повышение потребления населением деревни и города масла, молока, мяса. Расширилась сырьевая база легкой промышленности. Однако с конца 1920-х гг. вновь сокращается поголовье крупного и мелкого скота, что было вызвано переходом к коллективной форме хозяйствования. Происходило это в зажиточных хозяйствах и отчасти у середняков. Мелкий продуктивный скот чаще всего не обобществлялся из-за отсутствия или нехватки скотных дворов, а также фуража. Перед вступлением в колхоз крестьяне-единоличники скот чаще всего продавали либо забивали для собственного потребления или реализации на рынке.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. в крестьянских хозяйствах Европейского Севера России шло активное восстановление поголовья скота. В середине 1920-х гг. произошло снижение темпов

роста количества скота, которое можно объяснить тем, что в основном отрасль достигла довоенного уровня, и животноводство было в состоянии обеспечивать крестьянское хозяйство продуктами питания и тягловой силой. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. происходит уменьшение количества скота в хозяйствах, что было обусловлено проведением курса на коллективизацию.

Список источников и литературы

1. *Справка* об изменениях в административно-территориальном устройстве Вологодской области // Вологодская область: Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 г. Вологда, 2001.

2. Жукова В. С. Материальное положение крестьянства на Европейском Севере России в 1920-х годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2007.

3. Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) // Труды Вологодского молочного-хозяйственного института. Вологда, 1923. Т. 2, № 3. С. 37—94.

4. Лиханова А., Угрюмов Б. Ирта: крестьянский двор и колхозное хозяйство в первой половине XX века // Еренский городок. Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 2.

5. Государственный архив Архангельской области. Отдел социально-политической истории.

6. Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921 (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002.

7. Жукова В. С. Источники по социальной дифференциации крестьянства России в 1920-е гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования : матер. XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.

8. *Итоги* экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903. Т. 1.

9. Бачурихин А. Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1927. Вып. 4.

10. Жукова В. С. Материальное положение крестьян на Европейском Севере России в 1920-х гг. Вологда, 2014.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

12. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

13. Вологодский областной архив новейшей политической истории.

14. *Статистический справочник СССР* за 1928 г. М., 1929.

**Культура землепользования
в колхозах Центрально-Черноземного района России
в восстановительный период
(вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов)**

Рассматриваются аспекты землепользования колхозов Центрально-Черноземного района России в первые послевоенные годы. Особое внимание уделяется изучению состояния культуры полеводства, проведения землеустроительных работ, внедрения и освоения севооборотов.

The article considers the land usage of the collective farms of the Central Chernozem (Black Earth) region of Russia in the first postwar years. The author pays special attention to the study of the state of crop production, land management, implementation and development of the field crop rotations.

Ключевые слова: аграрная политика КПСС, советское государство, колхозы, культура землепользования колхозов.

Keywords: agrarian policy of the CPSU, Soviet state, collective farms, land usage culture of the collective farms.

Разрушительные последствия Великой Отечественной войны проявились не только в ослаблении материально-технической базы сельского хозяйства, сокращении трудовых ресурсов и ухудшении половозрастной структуры сельского населения. Прямым следствием войны стала деградация культуры землепользования: в колхозах оказались нарушены границы полей, значительная часть земель перестала обрабатываться, севообороты не соблюдались.

В областях Центрально-Черноземного района России — Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской — площадь пашни в обработке за годы войны сократилась более чем на треть. В колхозах

Курской области в 1945 г. посевные площади составили 62% довоенного уровня, неосвоенными оставалось более одного миллиона гектаров пахотных земель [5, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 34]. В колхозах Орловской области в первый послевоенный год не обрабатывалось более 900 тыс. га, или 42% площади пашни [6, ф. П—52, оп. 3, д. 2, л. 51].

Возрождение сельскохозяйственного производства означало не только восстановление посевных площадей, но и проведение землеустроительных работ, введение и освоение севооборотов. Землеустройство в колхозах началось сразу же после окончания войны. В Тамбовской области к началу 1946 г. землеустроительные работы были осуществлены в 926 колхозах [11, ф. 7486, оп. 14, д. 141, л. 28—29]. Через год таких колхозов было уже 1392, или 44% от их общего числа [7, ф. 1045, оп. 1, д. 5965, л. 53].

Работа по землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах велась в 1940-е гг. нарастающими темпами. Так, в Воронежской области в 1947 г. правильные севообороты были введены в 450 колхозах, в 1948 г. — в 738, а к началу 1949 г. травопольные севообороты существовали уже в 2969 колхозах, или в 68,5% их численности [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2730, л. 16].

Значимость введения и освоения травопольных севооборотов для увеличения сельскохозяйственного производства осознавалась на государственном уровне. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) 20 октября 1948 г. приняли совместное постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Постановление обязывало Министерство сельского хозяйства СССР, советские и партийные органы республик, краев и областей степной и лесостепной зон европейской части СССР закончить не позднее 1950 г. введение травопольных севооборотов во всех колхозах, а их освоение завершить в 1955 г. [12].

Кропотливая и планомерная работа по внутрихозяйственному землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах в конце 1940-х гг. близилась к завершению. К началу 1950 г. в Орловской области было проведено землеустройство и введены правильные севообороты в 80% колхозов [6, ф. П-52, оп. 4, д. 692, л. 90], в Воронежской области — в 88% [4, ф. 3, оп. 25, д. 3, л. 27], в Тамбовской — в 98% [7, ф. 1045, оп. 1, д. 7709, л. 15]. Однако колхоз-

зов, завершивших освоение севооборотов в 1950 г., в Центрально-Черноземном районе было немного: в Тамбовской области — 28 [7, ф. 1045, оп. 1, д. 7709, л. 15], в Орловской — 31 [6, ф. П-52, оп. 4, д. 692, л. 90], в Воронежской — 100 [4, ф. 3, оп. 25, д. 3, л. 27].

В 1950 г. в функционировании производственной системы «колхозы — МТС» произошли изменения в значительной мере перечеркнувшие прежнюю работу по землеустройству колхозов. ЦК ВКП(б) 30 мая 1950 г. принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле», согласно которому укрупнение мелких колхозов рассматривалось в качестве одного из «важнейших мероприятий в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства». В постановлении особо подчеркивалась необходимость скорейшего проведения в объединенных колхозах внутрихозяйственного землеустройства «в целях правильного использования всех земельных угодий, всестороннего развития общественного хозяйства и создания необходимых условий для высокопроизводительного использования тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин» [10, с. 614—615].

В пропагандистской кампании по укрупнению колхозов местные партийные и советские органы упор делали на то, что в относительно небольших колхозах сложная техника МТС используется менее производительно, чем в крупных хозяйствах. При этом в качестве образца представлялись крупные государственные сельскохозяйственные предприятия — совхозы. В действительности все выглядело «с точностью до наоборот». Техника машинно-тракторных станций на колхозных полях эксплуатировалась более интенсивно, чем тракторы и комбайны в совхозах. В 1950 г. в МТС Тамбовской области выработка на один 15-сильный условный трактор составила 478 га мягкой пахоты, в то время как в совхозах — 277, или в 1,7 раза меньше. На один 15-футовый условный комбайн МТС пришлось 314 га зерновых культур, убранных за сезон, а в совхозах — 177, то есть в 1,8 раза меньше [8, ф. Р-3443, оп. 1, д. 1880, л. 73, 76].

Кампания по укрупнению колхозов проводилась с иными целями. Ее суть заключалась в том, чтобы в результате объединения мелких колхозов в крупные добиться их стопроцентного включения в сферу обслуживания МТС и, соответственно, получения государством большего объема сельскохозяйственной продукции в качестве натуроплаты за работу МТС. При этом решалась проблема улучшения управления колхозами при одновременном сокращении управленческого аппарата в них.

Кампания по укрупнению колхозов проводилась динамично, под сильным нажимом со стороны местных властей. В некоторых исследованиях отмечалось, что решение партии об укрупнении мелких колхозов было встречено колхозниками с глубоким удовлетворением [9, с. 50]. В действительности постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» носило закрытый характер, оно нигде не публиковалось, лишь первые секретари райкомов партии имели возможность с ним ознакомиться. В результате проведения кампании по укрупнению колхозов к 1 ноября 1950 г. их количество в Курской области сократилось с 4971 до 1823, или в 2,7 раза [9, с. 51], в Орловской области — с 4172 до 1857, или в 2,3 раза [6, ф. П-52, оп. 5, д. 7, л. 132].

В Воронежской области из 4327 колхозов, имевшихся на начало 1950 г., после их слияния к началу ноября осталось 1666. При этом было вновь создано 1340 крупных колхозов из 4001 мелкого [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2798, л. 122]. Если до проведения укрупнения средний воронежский колхоз насчитывал 112 дворов и имел 907 га пашни, то после укрупнения — соответственно 294 двора и 2332 га пашни [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2730, л. 30].

В Тамбовской области работа по укрупнению колхозов велась с еще большим размахом. К началу октября 1950 г. в результате объединения из 2917 колхозов было создано 887 крупных коллективных хозяйств, 134 колхоза намечалось укрупнить после окончания уборки урожая. В итоге из 3135 колхозов, имевшихся в области до укрупнения, сохранялось в неизменном виде только 73 [7, ф. 1045, оп. 1, д. 7721, л. 4]. Кампания 1950 г. по массовому укрупнению колхозов резко сократила их численность и изменила всю конфигурацию колхозного производства. Большая работа по землеустройству колхозов, проводившаяся в первые послевоенные годы, оказалась перечеркнутой.

После укрупнения колхозов вновь встал вопрос их землеустройства. Задачи усложнились, масштаб работ увеличился. Первоочередным мероприятием, которое следовало провести в укрупненных колхозах, стал выбор и распланировка хозяйственного и жилищного центров. Без решения этого вопроса не могли быть достигнуты такие цели развития колхозов, как строительство всех видов и землеустройство. «Выбор и распланировка колхозных центров, — отмечалось в решении Воронежского облисполкома, — являются одной из

стадий единого землеустроительного процесса, во время которого должны быть решены все вопросы дальнейшего роста и укрепления колхозов» [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2798, л. 140].

Предстояла огромная работа по землеустройству колхозов: следовало определить границы и площади землепользования, изготовить и выдать государственные акты на пользование землей, завести колхозные земельные шнуровые книги, провести нарезку полей, ввести травопольные севообороты. Особенно остро в объединенных колхозах стоял вопрос о землеустройстве. Так, в результате объединения в колхозе имени Мичурина Шапкинского района Тамбовской области появилось 84 поля: рожь была посеяна в 24 местах, а яровые культуры планировалось сеять в более чем 40 полях [7, ф. 1045, оп. 1, д. 7721, л. 90]. Такое положение наблюдалось повсеместно. «В связи с укрупнением колхозов в 1950 г., — указывалось в агрономическом отчете Водопьяновской МТС Водопьяновского района Воронежской области за 1951 г., — введенные ранее травопольные севообороты утратили свое значение. В силу этого с весны 1951 г. пришлось вводить новые севообороты» [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2404, л. 32].

О масштабах предстоящей землеустроительной работы можно судить по следующим данным. Только в Воронежской области площадь, охватываемая этими мероприятиями, превышала 4,5 млн га сельскохозяйственных угодий. Для выполнения такого объема работ, сообщал в Совет Министров СССР председатель Воронежского облисполкома И. Кузнецов, потребуется три с половиной года. Гигантский объем землеустроительных работ предельно обострил проблему кадров землеустроителей во всем Центрально-Черноземном районе страны. Даже в Воронежской области, несмотря на наличие землеустроительного отделения в сельскохозяйственном техникуме и сельскохозяйственного вуза, ощущался «крайний недостаток землеустроительного персонала». На этом основании Воронежский облисполком просил правительство «пересмотреть программу землеустроительных вузов и сократить продолжительность обучения в них» [1, ф. Р-1766, оп. 1, д. 2798, л. 164].

Парадокс данной ситуации состоял еще и в том, что процесс укрупнения колхозов в 1950 г. не завершился, он продолжался и в последующие годы. Так, если на 1 января 1951 г. в Воронежской области насчитывалось 1643 колхоза, то на 21 марта 1953 г. их осталось 1560, то есть за два года их количество сократилось в результате укрупнения лишь на 83 колхоза [4, ф. 3, оп. 28, д. 3, л. 118].

Перманентный процесс укрупнения колхозов осложнял проведение землеустройства, так как объем работ постоянно менялся. Производство землеустроительных работ в колхозах и введение в них севооборотов — это полдела, необходимо было освоить эти севообороты, что оказалось чрезвычайно сложным в решении. В 1953 г. в Воронежской области к началу весенних полевых работ севообороты были введены в 1250 колхозах из 1560, что составляло 80% от общей численности коллективных хозяйств. Областное управление сельского хозяйства планировало завершить работу к концу года. Но освоить севообороты, то есть привести в соответствие планы и реальное размещение сельскохозяйственных культур, не удалось. В 1953 г. только 11 колхозов в области ввели полевые и кормовые севообороты, 25 колхозов освоили отдельные полевые севообороты и 12 колхозов — отдельные кормовые севообороты [4, ф. 3, оп. 28, д. 3, л. 119].

«Каждый год мы землю делим, каждый год все нарезаем, — говорил на совещании работников тракторных бригад МТС Воронежской области бригадир тракторной бригады Вьюнов. — Было такое положение: мечтали мы с агрономом и полеводом, где что посеять. А оказывается — перерезали поле пополам» [4, ф. 3, оп. 32, д. 134, л. 2].

Фактически за восемь послевоенных лет в колхозном производстве Воронежской области так и не удалось навести порядок в землепользовании; размещение сельскохозяйственных культур и их чередование на колхозных полях носили бессистемный характер. «Из-за неправильного размещения культур в полях севооборотов во многих колхозах создается пестрополье, — отмечал на пленуме Воронежского обкома КПСС секретарь обкома партии С. Д. Хитров. — Во многих районах игнорируется освоение кормовых севооборотов. Эти севообороты заполнялись зерновыми и техническими культурами. В колхозе “Прогресс” Добринского района в 1952 г. в прифермском девятипольном севообороте 7 полей было занято озимыми культурами, в колхозе имени Кирова этого же района в десятипольном кормовом севообороте 9 полей занималось зерновыми культурами. Такое несоответствие состава сельскохозяйственных культур с планами перехода к севооборотам по существу ликвидирует кормовые севообороты» [4, ф. 3, оп. 32, д. 134, л. 120].

Аналогичное положение с землеустройством колхозов в начале 1950-х гг. складывалось и в других местах Центрально-Черноземно-

го района России. В Тамбовской области, к примеру, в 1950 г. процесс укрупнения колхозов также не был завершен. В 1951—1953 гг. число колхозов в области, вследствие их укрупнения, уменьшилось с 1027 до 953, или на 74 колхоза. Внутрихозяйственное землеустройство и освоение севооборотов в колхозах осуществлялось высокими темпами: в 1950 г. были введены севообороты в 60 укрупненных колхозах, в 1951 г. — в 338, в 1952 г. — в 265. На 1953 г. предусматривалось составление землеустроительных проектов и перенесение их в натуру по остальным 290 хозяйствам. Внутрихозяйственное землеустройство тамбовских колхозов к концу 1953 г. близилось к завершению. Но при этом на 1 июля 1953 г. только 29 колхозов из 953 полностью освоили кормовые и полевые севообороты, одни полевые севообороты ввели 43 колхоза и одни кормовые севообороты — 51 хозяйство [8, ф. Р-3443, оп. 1, д. 1189, л. 26].

В 1951—1953 гг. во всех укрупненных колхозах Курской области были осуществлены землеустроительные работы и введены правильные травопольные севообороты [5, ф. 1, оп. 2, д. 2934, л. 44]. С проведением землеустройства в укрупненных колхозах несколько отставала от соседей Орловская область. К середине октября 1953 г. поля правильных севооборотов были нарезаны в 1236 колхозах, осталось провести землеустроительные работы всего лишь в 43 коллективных хозяйствах [6, ф. П-52, оп. 8, д. 8, л. 68].

Отсутствие материальной заинтересованности в ведении расширенного производства, сильный административный нажим со стороны местных органов власти и постоянные реорганизации породили в колхозах безразличное отношение к делу освоения севооборотов. Непременное условие ведения культурного земледелия — рациональное чередование культур — не соблюдалось. «Севообороты вводятся формально, — отмечалось в справке “О введении и освоении севооборотов в колхозах Тамбовской области” от 1 июля 1953 г. — Никто у нас ни в области, ни в районах не следит и не отвечает за севообороты в колхозах. Это приводит к тому, что введенные севообороты на другой же день нарушаются. Границы полей запахиваются и введенные севообороты остаются на бумаге» [7, ф. Р-3443, оп. 1, д. 1189, л. 33].

Вопрос освоения севооборотов в колхозах в 1953 г. приобрел первостепенное значение. Он обсуждался на пленумах обкомов КПСС во всех областях Центрально-Черноземного района. Осуществление мероприятий по освоению севооборотов в колхозах вступало

в противоречие с государственным планированием сельскохозяйственных работ, когда задания по производству тех или иных видов продукции не соответствовали емкости полей севооборота. «В прошлом году осенью было проверено положение с освоением севооборотов в колхозах Краснозороенского, Моховского и Хотынецкого районов, так как в этих районах в первую очередь были проведены землеустроительные работы, — докладывал на пленуме Орловского обкома КПСС 26 февраля 1953 г. секретарь обкома И. А. Волков. — Во многих колхозах севообороты не только не осваиваются, но и перепахиваются границы полей севооборотов. Вспашка зяби производилась не в соответствии с планом размещения сельскохозяйственных культур. Часто зябь вспахивалась на полях из-под яровых зерновых культур под пар, а не из-под озимых культур... Травы, даже там где имеются, посеяны не на целых полях, а на частях их и без учета планов освоения севооборота. Ни в одном колхозе нет книг регистрации посевов в полях севооборота» [6, ф. П-52, оп. 8, д. 2, л. 131].

В колхозах с большим трудом прививалась агротехническая культура. Руководство Орловского обкома КПСС требовало от плановых организаций, чтобы при составлении государственных заданий для колхозов они учитывали емкость севооборотов и «отрешились от метода доведения планового задания по среднему проценту». Областная власть ставила вопрос о том, чтобы к началу весенних полевых работ 1953 г. «уточнить переходные таблицы, наметить схему размещения культур в яровом клину, отвода полей под пар, под посев трав». Кроме того, к 1 июня было необходимо «повсеместно завести колхозные книги регистрации посевов в полях севооборотов» [6, ф. П-52, оп. 8, д. 2, л. 132].

Однако положение с освоением севооборотов колхозами Орловской области мало изменилось к концу 1953 г. В докладе первого секретаря Орловского обкома КПСС И. А. Волкова на пленуме обкома партии 16 октября 1953 г. отмечалось: только 340 колхозов «сделали кое-какие шаги по освоению севооборотов», а 653 колхоза, в которых севообороты были перенесены в натуру в 1951—1952 гг., «ничего не сделали по их освоению». В выступлении Волкова приводился пример по Шаблыкинскому району, в котором были введены севообороты в 30 колхозах, но только в двух из них производился посев многолетних трав на целых полях [6, ф. П-52, оп. 8, д. 8, л. 68].

Освоение севооборотов тормозилось также нехваткой посадочного материала, особенно семян многолетних трав. Из-за неправиль-

ного размещения культур во многих колхозах создавалось пестрополье. Прежде всего это относилось к кормовым севооборотам. Поля кормовых севооборотов заполнялись преимущественно зерновыми и техническими культурами, исходя из наличия семенного материала. Так, в колхозе «Прогресс» Добринского района Воронежской области в 1952 г. в прифермском девятипольном севообороте семь полей были заняты озимыми культурами, в колхозе имени Кирова этого же района в десятипольном кормовом севообороте девять полей засеяны зерновыми культурами [4, ф. 3, оп. 28, д. 3, л. 119—120]. Из-за несоответствия состава сельскохозяйственных культур плану перехода к севооборотам по существу произошла ликвидация кормовых севооборотов.

Проблема освоения севооборотов из-за ее остроты обсуждалась на страницах областных и районных газет. В газетных статьях критике подвергались тракторные бригады, которые «при попустительстве руководства МТС, правлений колхозов и агрономов» нарушали границы полей севооборотов [13]. Но при этом даже корреспонденты партийных изданий вынуждены были признать системный характер сбоев. Складывалась парадоксальная ситуация, когда колхозы оказывались вынужденными нарушать принятый порядок размещения культур, чтобы выполнить государственный план посева. В частности, в колхозах «Красная Звезда» и «Парижская коммуна» Мичуринского района Тамбовской области озимые на 1953 г. были посеяны не на трех полях, как это было предусмотрено схемой десятипольного севооборота, а на шести. «Многие нарушения землепользования, — писала «Тамбовская правда», — вызываются иногда неправильным планированием в областных организациях при размещении посевов сельскохозяйственных культур. Отдельные плановые задания даются без учета имеющегося в районе перспективного плана развития сельского хозяйства и размещения схем севооборотов. Например, в 1952 г. план посева подсолнечника был доведен району (Мичуринскому. — *В. Т.*) в 2100 га, а по перспективному плану нужно было посеять только 644 га. Пришлось уменьшать площадь посева других культур, а следовательно, и нарушить введенные севообороты» [13].

Одной из главных причин, тормозивших освоение севооборотов в колхозах, стала крайняя запущенность земельного учета. Колхозы сообщали в районные организации завышенные данные об освоении пахотных земель, райисполкомы на этом основании рапортовали о

выполнении плана в область. В результате в 1953 г. в земельном балансе Тамбовской области площадь мягкой (разработанной) пашни оказалась преувеличенной на 44,2 тыс. га. На самом деле, как указывал в справке «О состоянии земельного учета в Тамбовской области» начальник отдела землеустройства и севооборотов областного управления сельского хозяйства И. Старков, эта площадь находилась под залежью более 10 лет [8, ф. Р-3443, оп. 1, д. 1189, л. 15]. Однако план сельскохозяйственных работ распространялся на указанную площадь как на мягкую пашню. При этом освоение залежей с необходимыми мелиоративными работами не планировалось. Райисполкомы, стремясь хорошо выглядеть перед областным начальством, штамповали решения об утверждении земельных балансов без всякого их анализа и контроля. Так, в Алгасовском районе Тамбовской области в 1953 г. фактическая площадь залежных земель составляла 1558 га, райисполком же утвердил в земельном балансе лишь 410 га залежных земель. Остальная площадь залежи была обозначена как «мягкая пашня» [8, ф. Р-3443, оп. 1, д. 1189, л. 17]. В итоге в государственный план включалась завышенная площадь пахотных земель, и, чтобы выполнить плановые задания, колхозам приходилось сеять озимые по непаровым полям и нарушать севообороты.

В 1951—1953 гг. практически во всех колхозах Центрально-Черноземного района были завершены землеустроительные работы и введены правильные травопольные севообороты. Полевые севообороты вводились преимущественно 10—11-польные с двумя полями многолетних трав, кормовые севообороты — 7—9-польные с тремя-четырьмя полями многолетних трав [5, ф. 1, оп. 2, д. 2924, л. 44]. Но при этом освоить правильные севообороты к началу 1954 г. смогли лишь отдельные колхозы. Завершить эту работу в центрально-черноземных областях предполагалось в 1955 г.

Однако весной 1954 г. в аграрной политике советского государства произошел очередной крутой поворот: февральско-мартовский пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Перемена вектора аграрной политики партии непосредственно затрагивала землепользование колхозов и совхозов Центрально-Черноземного района.

Таким образом, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в колхозах Центрально-Черноземного района России так и не был на-

веден элементарный порядок в землепользовании, что существенно снижало эффективность сельскохозяйственного производства и негативно сказывалось на продовольственном снабжении населения страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00386.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
2. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО).
3. Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО).
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО).
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО).
6. Государственный архив Орловской области (ГАОО).
7. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).
8. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).
9. Лосев А. В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945—1964 гг.). Воронеж, 1965.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. 1917—1967 гг. : сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3 : 1941—1952.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
12. Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических республик (СП). 1948. № 6. Ст. 80.
13. Туровский И., Терновский М. Правильное землепользование — основа высоких урожаев // Тамбовская правда. 1953. 2 дек.

Освоение целинных земель: некоторые вопросы истории и историографии

Анализируются некоторые вопросы подготовки программы по освоению целинных и залежных земель в 1954 г. в СССР. Рассматриваются противоречия и итоги целинной кампании. Автор делает вывод о том, что рекомендованные Министерством сельского хозяйства СССР рациональные масштабы освоения в 1954—1956 гг. целинных и залежных земель были существенно превышены. Курс на освоение целины не остановил тенденцию к интенсификации аграрного производства.

The author analyses some of the issues of preparation of the program for the development of virgin and fallow lands in 1954 in the USSR. The paper discusses the contradictions and the results of the virgin lands campaign. The author concludes, that recommended by the Ministry of agriculture of the USSR rational scales of development in the years 1954—1956 of virgin and fallow lands were significantly exceeded. The course for the development of virgin lands did not stop the trend towards the intensification of agricultural production.

Ключевые слова: СССР, сельское хозяйство, целина, производство зерна, колхоз, совхоз, интенсификация, историография.

Keywords: USSR, agriculture, virgin lands, grain production, collective farm, soviet farm, intensification, historiography.

Февральско-мартовский 1954 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», что фактически положило начало всесоюзной кампании, оказавшей существенное влияние на развитие сельского хозяйства страны.

На сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. Н. С. Хрущёв отмечал, что «мы, в общем, удовлетворяем необходимые потребности

страны по зерновым культурам в том смысле, что страна наша в основном обеспечена хлебом, мы имеем необходимые государственные резервы и осуществляем в определенных размерах экспортные операции по хлебу» [1, с. 10]. Однако в записке от 22 января 1954 г. «Пути решения зерновой проблемы», направленной в президиум ЦК КПСС, Н. С. Хрущёв выдвинул зерновую проблему на первое место среди проблем сельского хозяйства страны.

Выдвижение зернового вопроса на первое место среди проблем сельского хозяйства означало смену акцентов в определении методов развития сельского хозяйства. Ориентация на ускоренное производство хлеба объективно требовала использования экстенсивных методов развития сельского хозяйства. Увеличение количества зерна за счет роста урожайности и повышения качества зерновых культур могла обеспечить лишь интенсификация аграрного сектора и всего АПК страны. Для этого требовалось решить сложный комплекс проблем в области химизации, мелиорации, селекции, агрономии, укрепления и обновления технической базы, всей системы хранения, транспортировки и переработки зерна и т. д. В связи с этим нужны были огромные инвестиции и время. Решение зерновой проблемы за счет освоения целины также требовало немалых ресурсов и огромных организационно-управленческих усилий, но этот путь имел одно неоспоримое преимущество — он казался скорым и элементарно очевидным.

В речи на пленуме ЦК КПСС 23 июня 1954 г. Н. С. Хрущёв настаивал на том, что зерновую проблему нужно решать быстро и без больших затрат. «Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет... Надо иметь заводы, производящие в достаточном количестве минеральные удобрения... А в Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания — резко поднять наше сельское хозяйство» [1, с. 331, 334]. Иллюзия скорого успеха, несомненно, довлекла над первым секретарем ЦК КПСС. Обычно это объясняется волюнтаризмом и субъективизмом лидера партии, издержками административно-командной системы руководства и управления сельским хозяйством. Отрицать это, конечно, нельзя. Но вместе с тем положение в сельском хозяйстве было действительно крайне тяжелым, что приобрело

хронический характер. Это усиливало пессимистические настроения в обществе, в среде колхозников и в свою очередь порождало веру в чудеса, в быстрые спасительные меры по возрождению села.

Реализация планов освоения целины требовала прежде всего обследования с целью выявления пригодных для освоения земель. В документе «Материалы по обследованию земельных фондов и предложения о дополнительном освоении целинных и залежных земель», направленном заместителем министра сельского хозяйства СССР В. Мацкевичем в Совет Министров СССР 19 октября 1954 г., отмечается, что во исполнение постановления июньского пленума ЦК КПСС, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 августа 1954 г. «О проведении работ по обследованию земельных фондов для дополнительного вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых целинных и залежных земель» и от 13 августа 1954 г. «Об использовании земель специального назначения для расширения сельскохозяйственного производства» Министерством сельского хозяйства СССР совместно с Министерством совхозов СССР было проведено обследование земельных фондов в Казахстане и РСФСР (табл. 1).

Таблица 1

**Земельные фонды в РСФСР по состоянию на 01.10.1954 г.
(06.10.1954), тыс. га [2, л. 109—111]**

Регион	Всего выявлено пахотных земель	В том числе требующих небольших затрат на мелиорацию
Сибирь и Восток	2105,1	482,4
Юго-Восток	815,6	19,6
Урал	485,8	71,1
Юг и ЦЧО	596,3	62,3
Центр (Московская, Смоленская, Горьковская, Тульская, Ярославская и др. области)	318,7	38,5
Северо-Запад (Ленинградская, Новгородская, Псковская, Архангельская, Вологодская и др.)	234,8	119,1
<i>Всего по РСФСР</i>	4556,3	793,0
<i>В том числе в совхозах РСФСР</i>	1102	—

В представленном отчете сказано, что в целом по СССР были обследованы земли государственного земельного и лесного фондов, колхозов, совхозов и прочих землепользователей на площади 128,3 млн га. В 1954 г. в Казахстане, Сибири, на Урале, в Поволжье и других регионах РСФСР отведено и выявлено целинных и залежных земель 34,0 млн га, из них 21,9 — в Казахстане и 12,1 — в РСФСР. Из 34 млн га весной 1954 г. отведено 14,2 млн га, в августе — сентябре дополнительно выявлено 19,8 млн га, в том числе в областях РСФСР — 4,2 млн га. По неполным данным, на землях колхозов выявлено 20,7 млн га, на землях совхозов — 8,7 млн, на землях государственного земельного и лесного фондов и прочих землепользователей — 4,6 млн га [2, л. 1—2]. В 1954 г. отбирали земли и под посевы 1955 и 1956 гг. (табл. 2).

Таблица 2

**Целинные и залежные земли, отобранные в натуре под посевы
в 1955 и 1956 гг., тыс. га [2, л. 120—121]**

Регион	Отведено весной 1954 г.	Отобрано в натуре осенью 1954 г.
Сибирь и Восток	4494	1847,6
Юго-Восток	700	688,1
Урал	764	451,7
Юг и ЦЧО	—	547,4
Центр	—	244,2
Северо-Запад	—	282,0
<i>Всего по РСФСР</i>	5958	4061,0

Министерство сельского хозяйства СССР считало целесообразным принять для вовлечения в сельскохозяйственный оборот в 1954—1956 гг. 28,0 млн га целинных и залежных земель, из них в РСФСР — 11,7 млн га. Таким образом, кроме 13 млн га целинных и залежных земель, осваиваемых колхозами и совхозами под посевы 1954—1955 гг., намечалось для дополнительного освоения 15 млн га, в том числе 2,5 млн га колхозных и 2,5 млн га совхозных [2, л. 4].

В отчете содержатся и качественные характеристики обследованных земель. В составе отведенных и выявленных земель имелись целинные и залежные земли хорошего и среднего качества — 20,8 млн га (61,2%) и ниже среднего — 13,2 млн га (38,8%). Эти почвы обладали неблагоприятными физическими свойствами, кото-

рые особо резко сказываются при недостатке атмосферных осадков. Земли этой группы с тяжелым механическим составом требуют применения специальных приемов обработки, а также строго дифференцированных агротехнологий. К этой группе отнесены также темно-каштановые, супесчаные и песчаные почвы. Они характеризуются очень слабой способностью запасать и удерживать влагу. При недостатке атмосферных осадков посеянные на этих землях растения развиваются плохо. Эти земли быстро выпахиваются, подвержены сильной эрозии. Практика освоения этих земель показала, что через 2—3 года они становились непригодными для использования под сельскохозяйственные культуры и, как правило, оставались в залежи [2, л. 2—3].

Однако в какой степени были учтены эти и аналогичные им рекомендации? Приведем официальные статистические данные. В 1954—1956 гг. в СССР было вспахано целинных и залежных земель в колхозах — 21,6 млн га, в совхозах — 14,3 млн га, всего — 35,9 млн га. В РСФСР в колхозах — 10,3 млн га, в совхозах — 4,6 млн га, всего — 14,9 млн га. Таким образом, признанные Министерством сельского хозяйства СССР целесообразными масштабы вовлечения в сельскохозяйственный оборот в 1954—1956 гг. целинных и залежных земель были превышены по СССР на 7,9 млн га, в том числе по РСФСР — на 3,2 млн га [3, с. 373].

Первоначально намеченные планом освоения целинных и залежных земель площади, сами по себе весьма значительные, были существенно превышены на практике. В этом и заключался волюнтаризм и субъективизм аграрной политики Н. С. Хрущёва. Освоение целинных и залежных земель за столь короткий срок и в таких значительных масштабах вело к существенным изменениям в землепользовании хозяйств, нарушило сложившиеся севообороты, сопровождалось значительными потерями урожая из-за отставания в создании инфраструктуры, экологическим ущербом и т. д.

Следует подчеркнуть, что освоение целины подтолкнуло процесс реорганизации колхозов в совхозы, увеличило размеры и число совхозов. Причем совхозам нередко передавались уже освоенные колхозами земли. Об этом свидетельствуют факты. В справке «По вопросам организации новых совхозов и отводе для этой цели земель» от 16 октября 1954 г. приведены следующие данные. Количество организованных новых совхозов в двух АССР, 4 краях и 14 областях — 188, в том числе зерновых — 106. Общая площадь наме-

ченных к отводу земель для новых совхозов — 6119 тыс. га, в том числе пахотных земель — 2709 тыс. га, из них целинных и залежных — 1125 тыс. га.

Отвод земель новым совхозам намечался за счет отрезки земель от существующих совхозов — 1519 тыс. га, от государственных земельного и лесного фондов и подсобных хозяйств предприятий и организаций — 1445 тыс. га, за счет отрезки излишков земель колхозов — 1144 тыс. га, полной передачи земель колхозов — 2011 тыс. га. Количество колхозов, затрагиваемых отводом земель, — 481, в том числе 192 колхоза, земли которых полностью передавались совхозам.

Общая площадь передаваемых земель новым совхозам — 4600 тыс. га, в том числе пахотных — 2100 тыс. га, из них целинных и залежных — 804 тыс. га, в том числе только земель колхозов — 3155 тыс. га, из них пахотных — 1599 тыс. га, в том числе целинных и залежных земель — 464 тыс. га [2, л. 15—16].

Кроме того, как отмечалось в упоминавшемся уже отчете для Совета Министров СССР, в связи с тем, что целинные и залежные земли во многих случаях были расположены небольшими массивами среди земель, уже освоенных колхозами, отвод земель совхозам неизбежно был связан с передачей им значительных площадей пашни, сенокосов, пастбищ и других земель многоземельных колхозов. В областях РСФСР при отводе совхозам 0,5 млн га целинных и залежных земель потребовалось передать от колхозов более 1,0 млн га освоенных земель [2, л. 4]. Приведем некоторые итоги освоения целины в 1954—1959 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Посевные площади в СССР, млн га [3, с. 329, 335]

Площадь зерновых культур	1913 г. (в границах 1959 г.)	1940	1953	1956	1957	1958	1959
Вся посевная площадь	118,2	150,4	157,2	194,7	193,7	195,6	196,3
Все зерновые культуры	104,6	110,5	106,7	128,3	124,6	125,2	119,7

Если с 1953 по 1958 и 1959 г. вся посевная площадь в СССР возросла соответственно на 38,4 и 39,1 млн га, то посевные площади под зерновыми культурами за тот же период увеличились на 18,5 и

13 млн га. Любопытно, что к 1956 г. посевные площади под зерновыми культурами выросли по сравнению с 1953 г. на 21,6 млн га, а в последующий ряд лет произошло их снижение [3, с. 329, 335].

Валовой сбор зерновых культур в СССР увеличился с 80,9 млн т в среднем за год в 1949—1953 гг. до 113,2 млн т в среднем за год в 1954—1959 гг.; в 1959 г. валовой сбор зерновых культур составил 125,9 млн т [3, с. 352].

При этом посевные площади зерновых культур в СССР с 1953 по 1959 г. в совхозах возросли с 7,83 до 35,95 млн га, то есть на 28,12 млн га, тогда как в колхозах они сократились с 95,54 до 79,94 млн га, то есть на 15,6 млн га (табл. 4).

Таблица 4

**Посевные площади в СССР по категориям хозяйств,
млн га [3, с. 332]**

Год	Посевная площадь во всех категориях хозяйств			Посевная площадь зерновых культур во всех категориях хозяйств		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		совхозы	колхозы		совхозы	колхозы
1940	150,41	11,56	117,72	110,57	7,68	91,02
1953	157,17	15,16	132,00	106,71	7,83	95,54
1957	193,67	49,87	132,41	124,58	35,54	85,54
1958	195,60	52,45	131,41	125,20	37,11	84,28
1959	196,32	53,89	130,27	119,68	35,95	79,94

Таким образом, освоение целинных и залежных земель позволило нарастить производство зерна в стране, что следует признать несомненным достижением аграрной политики 1950-х гг., но ряд последствий освоения целины носил долговременный негативный характер.

Так, в Отчете о распределении земель по угодьям и землепользователям и об использовании этих земель в РСФСР в 1965 г. отмечено, что в 1965 г. колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия несколько повысили уровень использования земельных угодий. Они распахали 440 тыс. га новых земель, провели некоторую работу по улучшению лугов и пастбищ, защите почв от водной и ветровой эрозии. Но в ряде колхозов и совхозов Калмыцкой и Ту-

винской автономных республик, Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской области вследствие ветровой эрозии значительные площади пашни не обрабатывались, пришли в состояние, не пригодное для посевов зерновых, переведены в залежи. В колхозах и совхозах Амурской, Вологодской, Кировской, Пензенской, Тамбовской, Тульской областей, Башкирской и Якутской автономных республик часть пашни не обрабатывалась из-за избыточного увлажнения и мелкоконтурности. Значительные площади ирригационно-подготовленных земель в Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Бурятской автономных республиках, Ставропольском крае и Ростовской области не использовались из-за отсутствия воды для орошения и из-за организационно-хозяйственных просчетов [4, л. 1].

В 1965 г., согласно контрольным обмерам, колхозами, совхозами и другими сельхозпредприятиями было распахано 440 тыс. га залежей, сенокосов, пастбищ, других угодий, в том числе 16 тыс. га в Краснодарском крае. В ряде областей переведено в залежи 335 тыс. га пашни [4, л. 17]. Перевод залежи в пашни связан с водной и ветровой эрозией на распаханных целинных и залежных землях на Алтае, в Красноярском крае, в Новосибирской области и Туве. В колхозах и совхозах Костромской, Тульской, Пензенской, Вологодской, Тамбовской областей часть пашни переведена в залежь из-за избыточного переувлажнения, неблагоприятных погодных условий и в ряде случаев из-за бесхозяйственности. В Тюменской области пашня выведена из оборота в связи с распашкой солонцов и солончаков в период освоения целины [4, л. 17—18].

Как отмечается в документе, большое распространение ветровой эрозии было вызвано тем, что в период освоения целины были распаханы земельные участки с почвами легкого механического состава, на которых не обеспечивалось необходимое чередование культур, не велась вспашка поперек склонов, не проводились работы по полезащитному лесоразведению. Задание 1961—1965 гг. по посадке лесных полос было выполнено на 20,5% [4, л. 21—22].

В документе также отмечено, что многие колхозы и совхозы ослабили внимание к внедрению севооборотов, нарушают введенные ранее севообороты. Этому способствуют частые, подчас необоснованные укрупнения, разукрупнения, прирезки, отрезки, изменение специализации. На 1 августа 1965 г. севообороты введены в 16317 колхозах и совхозах на площади 91,9 млн га. Но освоенные севообороты имели 3168 хозяйств на площади 12,5 млн га, или 13,6% к площади,

на которой введены севообороты. Не было освоенных севооборотов в Читинской и Амурской областях, Хабаровском крае, Туве и Бурятии. В хозяйствах, не имеющих освоенных севооборотов, допускались пестрополье, посев зерновых колосовых на одном поле 3—4 года подряд. Отсюда засоренность, болезни, вредители, низкие урожаи [4, л. 26].

Таким образом, сконцентрировав внимание на освоении целинных и залежных земель, партийно-государственное руководство добилось увеличения производства в стране зерна. В последующие годы его производство, несмотря на колебания, продолжало расти, что превратило СССР в одного из крупнейших производителей зерна в мире. Однако изначально масштабы освоения земель были чрезмерными, научно необоснованными, не подкреплялись соответствующими расчетами. В этом корень зла. Целинная эпопея, вызвав ряд негативных последствий (эрозия почвы, ухудшение ситуации в сельском хозяйстве ряда регионов по причине изъятия из них ресурсов в пользу целинных земель и др.), получила неоднозначные трактовки в научной литературе. Дискуссия по вопросам об экономической целесообразности освоения целины, влиянии на дальнейшее развитие сельского хозяйства страны в целом и отдельных регионов, в частности, продолжается до настоящего времени. Остановимся на этих вопросах в заключительной части статьи.

По истории освоения целины сформировалась обширная историография. В современной литературе, как и прежде, отмечены конкретные недостатки и противоречия этого процесса, представлены позитивные результаты и негативные последствия целинной эпопеи. Рассмотрены нереализованные альтернативы в развитии сельского хозяйства, связанные с курсом на интенсификацию производства; подтверждены или переосмыслены некоторые выводы обобщающего характера по вопросу о целесообразности курса на освоение целины, его альтернативности и исторической обусловленности. Приведем некоторые оценки.

В литературе отмечается, что результатом целинной кампании стало увеличение производства зерна в стране, однако при этом подчеркивается, что в процессе освоения целины проявились многочисленные недостатки, трудности и противоречия. Обстоятельный анализ данного вопроса на основе изучения аграрных преобразований в Западной Сибири представлен в работах В. А. Ильиных и С. Н. Андреевкова [5—8].

В современной литературе широко распространена точка зрения о том, что освоение целинных и залежных земель ослабило внимание к развитию сельского хозяйства Нечерноземья, что негативно отразилось на его последующей судьбе [9, с.135; 10, с. 480—483; 11, с. 394].

Не менее широко в современных исследованиях представлена точка зрения, согласно которой освоение целины означало курс на экстенсивное развитие сельского хозяйства страны и отказ от интенсивных методов развития сельского хозяйства. Так, по мнению В. Л. Дрындына, «увеличение производства зерна в СССР было возможным как за счет роста урожайности в освоенных районах, так и за счет распашки целинных и залежных земель. Но этого не произошло. Однозначный поворот к целине означал отказ от интенсивных методов подъема сельского хозяйства, возвращение на прежнюю дорогу преимущественно экстенсивного развития экономики на основе использования новых ресурсов» [12, с. 27].

Между тем еще во второй половине 1980-х гг. Ю. П. Денисов в полемике с И. В. Русиновым обоснованно заметил, что в 1954—1958 гг. производство продукции возросло в немалой степени за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Им было высказано сомнение в возможности широкой интенсификации аграрного производства в 1950-е гг. [13, с. 62—67].

Убедительной кажется точка зрения о том, что «противоречивые результаты “целинной эпопеи” наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства» [7, с. 239]. Именно реализация программы освоения целины, на наш взгляд, продемонстрировала необходимость практического перехода к интенсификации сельского хозяйства. До целинной кампании данная идея не была очевидной для партийно-государственного руководства, хотя и нередко декларировалась, а экстенсивные методы увеличения производства сельскохозяйственной продукции были далеко не исчерпаны (что, собственно, и показало существенное увеличение производства зерна в стране в ходе освоения целинных земель).

По мнению В. А. Шестакова, освоение целины стало критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из сельского хозяйства к вливанию их в него из государственного бюджета. Поворот к целине, в целом назревший

и оправданный, означал не столько отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер, сколько стратегический поворот в области бюджетной политики советского государства. Возрастающий поток материальных и финансовых ресурсов устремился на село. За 1954—1959 гг. в освоение целины было вложено 37,4 млрд руб., производственные фонды колхозов, совхозов и МТС возросли на 30 млрд руб. В свете вышесказанного неосновательны упреки в адрес Хрущёва в том, что, осваивая целинные земли, он обрек страну на экстенсивное хозяйствование. Выбор в пользу целины был сделан не столько в силу желания осваивать новые земли, сколько из-за невозможности в тех условиях хозяйствовать по-новому.

В ситуации непосильной гонки вооружений, чрезвычайно низкой в большинстве хозяйств культуры земледелия, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель давало быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы. Выбор интенсивного или экстенсивного пути ведения хозяйства на практике определялся реальными возможностями страны. Ведение хозяйства на интенсивной основе требовало больших материальных затрат, а также накопления знаний и опыта. Иными словами, для перехода на него требовался достаточно продолжительный период времени. Даже капитальные вложения в 1971—1980 гг. в размере 300 млрд руб. в сельское хозяйство, то есть в 2,3 раза больше, чем в предыдущее десятилетие, принесли ничтожную отдачу и не позволили перевести сельскохозяйственное производство в СССР на интенсивный путь развития. По причинам, о которых говорилось выше, страна такими средствами в начале 1950-х гг. не располагала [14, с. 116].

Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, нужно хорошо представлять, каково было состояние многих колхозов в Нечерноземье. Как показано на богатом фактическом материале в монографии М. Л. Богденко, многие колхозы, разоренные войной, не смогли возродиться вплоть до 1953—1954 гг., экономически отставали, в значительной мере утратили надежду на подъем. С целью возрождения таких хозяйств они реорганизовывались в совхозы. В 1954—1958 гг. на базе 8,5 тыс. колхозов страны были созданы 1120 новых совхозов. Для укрепления вновь созданных хозяйств государство выделяло им значительные средства. Отмечая трудности в развитии совхозов, созданных на базе экономиче-

ски слабых колхозов, М. Л. Богденко приводит примеры роста урожайности, продуктивности животноводства и производительности труда, подчеркивая при этом, что по уровню развития производства новые совхозы намного уступали старым [15, с. 144—171].

Таким образом, признав бесперспективность возрождения многих колхозов, государство пошло на создание новых совхозов, рассчитывая поднять их экономику путем прямого бюджетного финансирования. Очевидно, что этот вариант развития сельского хозяйства Нечерноземья имел определенный потенциал (поскольку предусматривал государственные инвестиции в экономику и социальную сферу совхозов), но лишь в некоторой отдаленной перспективе. Следовательно, снять остроту продовольственной проблемы за короткий срок он не мог. Оставался вариант освоения целины. Подчеркнем при этом, что создание совхозов в старопахотных районах сопровождалось ростом инвестиций в сельское хозяйство и не остановило тенденцию к интенсификации аграрного производства.

Кроме того, Н. С. Хрущёв в 1962—1964 гг. начал очевидный разворот от экстенсивных методов в сельском хозяйстве к интенсивным. Так, декабрьский пленум ЦК КПСС 1963 г. поставил вопрос об ускоренном развитии химической промышленности как важнейшем условии подъема сельского хозяйства. На первый план был выдвинут фактор интенсификации, повышения эффективности производства, урожайности полевых культур (за счет внесения в почву минеральных удобрений) и продуктивности животноводства (путем укрепления и улучшения кормовой базы, развития комбикормовой промышленности). Февральский пленум ЦК КПСС 1964 г. рассмотрел вопрос «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого производства сельскохозяйственной продукции». На подобные перемены в аграрной политике Н. С. Хрущёва в свое время обратил внимание И. Е. Зеленин [16, с. 205—230]. Таким образом, если применительно к периоду освоения целины и можно говорить об отказе от интенсивных методов в сельском хозяйстве, то лишь как об ограниченном во времени и далеко не тотальном курсе. Конечно, перераспределение ресурсов в пользу целинных районов ограничило возможности освоения интенсивных методов на старопахотных землях, но не отменило их вовсе. Кроме того, и на целинных землях начиналось внедрение интенсивных ме-

тодов (севообороты, современная высокопроизводительная техника, районирование сортов растений, селекция, введение адаптированных к местным условиям технологий и прочее). Правда, эти процессы тормозилось, поскольку первоначально намеченные масштабы освоения целины были существенно превышены.

Вот почему считаю обоснованным мнение президента ВАСХНИЛ, академика А. А. Никонова, И. Е. Зеленина и ряда других историков, которые пришли к выводу об обоснованности курса на освоение целины. По мнению А. А. Никонова, «решение об освоении целинных земель не было ошибкой. Но осваивать их нужно было последовательно, закрепляя сделанное, переходя на научно обоснованную систему хозяйства, не допуская спешки и безжалостности к природе. И нельзя забывать гражданского подвига тех сотен тысяч молодых людей, которые поехали обживать неуютную степь, оставив подчас благоустроенные квартиры, близких людей и родные края» [17, с. 312].

И. Е. Зеленин, солидаризируясь с этим выводом, отметил, что «на Востоке страны была создана крупнейшая база по производству зерна и продуктов животноводства. Благодаря освоению целины коренным образом преобразовались огромные районы Востока. В степи возникли крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные учреждения и учебные заведения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач. Труд десятков тысяч людей (только по путевкам ВЛКСМ на целину выехало более 350 тыс. добровольцев) принес свои плоды, страна получила дополнительно десятки млрд пудов хлеба. <...> Конечно, издержки на этом тернистом пути могли бы быть значительно меньшими, а результаты — гораздо большими. Но покорители целины, рядовые труженики тут не причем. Это уже претензии к политикам, их ошибки и просчеты, из которых надо извлекать уроки...» [16, с. 103—104].

Список источников и литературы

1. Хрущёв Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1.
2. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 10. Д. 4166.
3. *Народное* хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960.
4. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 10. Д. 4508.

5. *Андреенков С. Н.* Сельское хозяйство в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008.

6. *Андреенков С. Н.* Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953—1964 гг. Новосибирск, 2007.

7. *Ильиных В. А.* Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. 3.

8. *Проекты* преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015.

9. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009.

10. *Томилин В. Н.* Самый грандиозный аграрный проект Н. С. Хрущёва // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века : сб. ст. Коломна, 2009.

11. *Шевельков А. И.* Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР в 1950—1960-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2016.

12. *Дрындин В. Л.* Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер Российской Федерации (1953—1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории : дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2005.

13. *Денисов Ю. П.* Избегать односторонности // Вопросы истории КПСС. 1989. №4.

14. *Шестаков В. А.* Политика Н. С. Хрущёва в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. №6.

15. *Богденко М. Л.* Совхозы СССР. 1951—1958. М., 1972.

16. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001.

17. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995.

**Особенности восприятия руководителями
сельхозпредприятий идеи фермеризации
(на материалах областей Центрального Черноземья)**

На основе анализа материалов периодической печати областей Центрального Черноземья за начальный период аграрной реформы 1990-х гг. раскрываются особенности восприятия руководителями колхозов и совхозов идеи фермеризации, выявляются причины настороженного и недоверчивого отношения большинства из них к явлению фермерства.

The author analyses periodicals of the areas of the Central Chernozem (Black Earth) region related to the initial period of agrarian reform of the 1990s and reveals the features of the perception of the directors of collective and state farms of the idea of farmerization, and gives the reasons for a cautious and skeptical attitude of some of them to the phenomenon of farming.

Ключевые слова: руководители колхозов и совхозов, менталитет, фермерство, Центральное Черноземье, аграрная реформа.

Keywords: directors of collective and state farms, mentality, farming, the Central Chernozem (Black Earth) region, agrarian reform.

Формирование правовой основы для создания фермерского сектора аграрной экономики началось еще в СССР. В феврале 1990 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и Союзных Республик о земле [34]. Данный документ впервые закрепил за гражданами СССР право на получение в пожизненное наследуемое владение или в аренду земельных участков для ведения крестьянского хозяйства (ст. 20), а также установил порядок их предоставления (ст. 25—26).

Ключевую роль в становлении фермерства в России сыграл II (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, специально созван-

ный в ноябре — декабре 1990 г. для рассмотрения накопившихся в сельском хозяйстве проблем. Открывая работу съезда, Б.Н. Ельцин заявил о «провале» Продовольственной программы СССР и указал, что проводимые ранее «многочисленные реорганизации и эксперименты разрушили сельский уклад жизни», вследствие чего российское крестьянство находится «на грани исчезновения». Смысл предстоящих преобразований он обозначил как необходимость «сделать хозяином земледельца, а не бюрократическую надстройку, возродить в России крестьянство — слой людей, которые своим трудом кормили бы республику» [10, с. 4—5].

Председатель Совета Министров РСФСР И.С. Силаев в своем докладе констатировал, что «несмотря на политическую реабилитацию социального строя крестьян-собственников», становление фермерского уклада проходило крайне медленными темпами. По состоянию на ноябрь 1990 г. в России насчитывалась приблизительно 1 тыс. крестьянских хозяйств. По мнению И.С. Силаева, главная причина таких низких показателей заключалась в «отсутствии государственного протекционизма по отношению к малому сельскохозяйственному предпринимательству». Ссылаясь на результаты анкетных опросов, он отметил, что «около 20% сельских тружеников хотели бы вести крестьянское хозяйство, но не спешат с этим, потому что не уверены в юридической защищенности частной собственности, в необходимом материально-техническом обеспечении» [10, с. 63].

На Съезде развернулась оживленная дискуссия по вопросу принятия революционных по своей сути законодательных актов о земле и новых формах хозяйствования. Среди делегатов съезда было достаточное количество руководителей, специалистов и механизаторов колхозов и совхозов, а также около 100 представителей фермерства. Выступавшие от лица избирателей Центрально-Черноземных областей руководители крупных сельхозпредприятий крайне сдержанно и настороженно говорили о фермерстве и его потенциальных возможностях, отмечая, что «крестьянские хозяйства сразу много не заработают, эффект они дадут в лучшем случае лет через 10—15, и, если мы немедленно не укрепим общественные хозяйства, ослабим их, тогда насыщение рынка продовольствием отбросим назад на несколько пятилеток...» [10, с. 125].

Делегат от Данковского территориального избирательного округа Липецкой области Н.И. Ивлев заметил, что «крестьянство как класс постепенно исчезает. Его пора уже заносить в Красную книгу»

[10, с. 116—117]. По словам делегата, в решении продовольственной проблемы «вряд ли помогут призывы о создании крестьянско-фермерских хозяйств, за что так энергично агитируют политики. Основная доля производимых продуктов снова придется на колхозы и совхозы» [10, с. 117—118]. При этом он подчеркнул, что не выступает против различных форм хозяйствования на земле, но полагает, что «надо, как высказываются избиратели, спросить и крестьянина, а не спешить шарахаться из одной крайности в другую» [10, с. 118].

Похожую позицию занял и директор совхоза «Красный колос», представлявший Задонский территориальный избирательный округ Липецкой области, Н. Г. Буслов: «Ни в коем случае нельзя ни сейчас, ни в ближайшем будущем колхозы и совхозы противопоставлять крестьянскому хозяйству. Пусть они развиваются параллельно». Он отметил, что в Центральном Черноземье очень мало желающих создать фермерские хозяйства: «Многие просто не знают ситуации на селе, психологию современных крестьян, а уверенно говорят так, как будто завтра будет море крестьянских хозяйств и они нам сразу решат все беды. Думать так по меньшей мере наивно, и это вводит в заблуждение наше правительство. Люди хотят, чтобы ими не командовали из города, а обеспечили современной сельскохозяйственной техникой по современным доступным ценам, оборудованием для переработки сельскохозяйственной продукции, а крестьяне сами решат, где им выгодно работать» [10, с. 125].

Несмотря на имевшиеся сомнения и разногласия, Съездом было принято постановление «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса» [7]. Особое значение имел п. 4 данного постановления, в котором провозглашалась многоукладность, устанавливалось равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой форм собственности, подтверждался курс на развитие всех форм хозяйствования: колхозов, совхозов, крестьянских хозяйств, их кооперативов и ассоциаций.

В соответствии с рекомендациями II Съезда народных депутатов Верховный Совет РСФСР принял ряд законов, в числе которых были законы «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О собственности в РСФСР», «О плате за землю», а также «Земельный кодекс РСФСР» [8]. Данные законодательные акты создали условия для начала активной фазы фермеризации. В результате их принятия фермерство стало возможной реальностью в услови-

ях колхозно-совхозной деревни. Однако среди работников и руководителей колхозов и совхозов не наблюдалось психологической готовности принять данное явление (о чем и говорили некоторые делегаты Съезда).

Особый интерес в связи с этим вызывает отношение к фермерству руководителей сельхозпредприятий. Несмотря на общность мировоззрения, на практике их мнения разделились. В зависимости от занятой позиции представителей данной категории сельскохозяйственного населения условно можно разделить на четыре группы.

В первую группу вошли руководители сельхозпредприятий, которые с легкостью восприняли идеи фермерства, даже вдохновились ими и сами решились на создание крестьянских (фермерских) хозяйств. Уже в первые годы реформы они (наряду со специалистами и механизаторами) составили особую прослойку среди индивидуально хозяйствующих крестьян. Эта наиболее предприимчивая часть фермеров, прежде чем выйти из хозяйства, сформировала для себя определенный базовый капитал: 100—150 и более (вплоть до 460) га хорошей земли, несколько единиц сельскохозяйственной техники (тракторов, комбайнов, автомашин). К их числу стоит отнести В. Бусловского (110 га), А. Недоступенко (180 га) из Белгородской области, Н. Костина (170 га), В. Жигалева (346 га), В. Токарева (459 га) из Курской области, Е. Глазкова (104 га земли), А. Макарова (119 га) из Липецкой области, А. Кузнецова (120 га), А. Черешнева (200 га) из Тамбовской области [3; 5; 16; 24; 27; 31] и др.

Специальное образование и опыт работы в сельском хозяйстве, наличие достаточного количества земли, техники, скота и производственных помещений, возможность пользоваться льготными кредитами, наконец сохранение прежних связей — способствовали тому, что фермеры из числа бывших руководителей и специалистов колхозов и совхозов сумели сориентироваться в рыночных условиях. Они начали эффективно вести свое хозяйство и даже наращивать производство, несмотря на существование огромного количества проблем, возникавших перед владельцами КФХ в рассматриваемый период.

Пройдя через многие испытания, они смогли доказать жизнеспособность и состоятельность своих хозяйств.

Представители второй группы руководителей сельхозпредприятий крайне негативно отнеслись к появлению фермеров. Их интервью прессе изобилуют хлесткими высказываниями в отношении фермерства. Председатель колхоза имени XXII съезда КПСС Белго-

родской области Фирсов, не скрывая раздражения, говорил о колхозниках, решивших выйти из хозяйства, чтобы стать фермерами: «Стоит выпустить этих, не дай бог, у них получится — побегут и другие, и никакими силами не удержишь» [11, с. 164—165].

Такие руководители чинили всяческие препятствия работникам, пожелавшим стать фермерами. Прежде всего они нарушали сроки выделения земельных участков для образования крестьянских хозяйств. Так, пяти фермерам, намеревавшимся выйти из колхоза «Рассвет» Лебедянского района Липецкой области под председательством Н. Маковкина, землю отводили в течение 5 месяцев вместо установленного одного (см. указ президента РФ от 27 декабря 1991 г. [9]). Один из земельных участков был выделен лишь после вынужденной голодовки фермеров. При этом полученные ими земли оказались разбросанными по разным колхозным угодьям [22]. Фермер Н. Родионов из села Локтево Задонского района Липецкой области около года не мог получить земельный участок [19]. Семь механизаторов, принявших решение выйти из колхоза «40 лет Октября» Каширского района Воронежской области, получили свои 323 га земли лишь после обращения в областной комитет по земельной реформе и земельным ресурсам [13].

В этих же хозяйствах имели место и случаи невыплаты или неполной выплаты имущественного пая, когда фермерам отказывались выдавать даже списанную технику [13; 22]. Руководители отдельных сельхозпредприятий так рьяно сопротивлялись развитию фермерства, что переходили все рамки дозволенного. Они прекращали подачу воды и света в дома фермеров, увеличивали плату за коммунальные услуги и детские сады, увольняли жен фермеров с работы и лишали их земельных паев, обещали выплатить имущественный пай только при условии выселения из квартиры, выделяли землю низкого качества (на болотах, смытых склонах) [4; 13; 22].

Со стороны таких директоров и председателей были даже попытки вернуть назад вышедших из совхозов и колхозов фермеров [29]. Они также отказывались содействовать в обеспечении фермеров сельскохозяйственной техникой. В Задонском районе Липецкой области подобную позицию занимали директор совхоза «Задонский» И. В. Шулюпин, председатель колхоза «Аврора» А. Г. Баскаков и другие [33]. В начале 1992 г. фермер И. Якунин из Задонского района попросил выкупить в упомянутом колхозе «Аврора» старый трактор. Ему в этом отказали, а трактор отвезли на базу металлолома.

Другому фермеру С. Шатских в совхозе «Ульяновский» по остаточной стоимости продали УАЗ. Однако когда он приехал за покупкой, с машины было снято все, что можно, «да еще огладили бока кувалдой» [28].

В связи с этим интерес представляет рассказ фермера из Липецкой области А. Кривобокова, опубликованный в «Липецкой газете»:

Мой надел находится на территории совхоза «Студенецкий», который недавно переименован в товарищество с тем же названием... По-прежнему возглавляет это хозяйство незаменимый руководитель колхозно-совхозной эпохи Н. А. Несмеянов. Дисциплины не прибавилось... Свое не могут убрать и фермерам отказываются помочь. Причем речь идет об исполнении заключенного договора... Нужен на полдня трактор со скобой, чтобы поднял свеклу из земли... И вот хожу каждый день к директору Н. А. Несмеянову... с просьбой выделить трактор, за который давно заплатил... Меня уже полтора месяца кормят обещаниями. В субботу день могут грянуть морозы, и прощай, урожай... Одна теперь надежда, что поможет директор соседнего совхоза Роцин [23].

В своем обращении в редакцию «Липецкой газеты» лебедянские фермеры, противостоявшие председателю колхоза «Рассвет» Н. Маковкину, писали: «Бытует мнение, что фермерству противятся рядовые колхозники. У нас этого нет. Люди просто выжидают: выживут ли первые фермеры при таком отношении или победит администрация» [22].

К третьей группе следует отнести руководителей колхозов и совхозов, которые к появлению фермерства отнеслись скептически, с сомнением, но не категорично. Они были сторонниками сосуществования коллективных и частных форм хозяйствования.

Председатель колхоза им. 1 Мая Добровского района Липецкой области А. М. Попов летом 1992 г. отмечал: «Никакой фермер сегодня не выдержит конкуренции с колхозом, вообще с крупным хозяйством. Разве может он на своих 35 га применить К-700, Дон-1500 или нечто подобное, современное? Нет, конечно. Его 35 га ориентированы скорее на соху, чем на трактор. Поэтому крестьяне, не умом, а чутьем сознавая это, и не торопятся из хозяйства... Средний размер поля в колхозе где-то 170 га. А что будет, если искромсать их в угоду фермерства? Будет гибельное для земли пестрополье, мелкополье» [21].

Председатель одного из крупнейших в Коньшевском районе Курской области колхозов «Родина» В. Н. Григоров говорил: «Толь-

ко сосуществование всех форм хозяйствования поможет деревне выйти из прорыва... Фермерских хозяйств в районе немного. Берут землю люди осторожно... Боятся неизвестности» [15]. Аналогично рассуждал и председатель Елецкого райсовета Липецкой области С. Б. Доровский: «По-моему, должно быть так: существуют на равных условиях общественная и частная формы ведения хозяйства, и пусть они конкурируют между собой» [20].

Наконец, четвертую группу составили руководители сельхозпредприятий, которые благоволили новой форме хозяйствования и с сочувствием относились к фермерам. Председатель колхоза «Маяк коммунизма» Усманского района Липецкой области высказывался в связи с этим: «Я, например, за фермерство, за то, чтобы крестьянин, наконец, стал полноправным хозяином на своей земле, производил много продукции, хорошо жил...» [17].

В Задонском районе Липецкой области в январе 1992 г. насчитывалось уже более 30 фермерских хозяйств. Всевозможную помощь и содействие им оказывали директора совхозов «Хмельницкий» — В. В. Бесперстых, «Репецкий» — П. И. Павлов, «Калабинский» — А. Ф. Алехин [33]. В Петровском районе Тамбовской области ни районная администрация, ни руководители сельхозпредприятий не чинили никаких препятствий желающим стать фермерами, а напротив, помогали им техникой, семенами, удобрениями (один из ярких примеров — колхоз «Звезда Ильича» [32]). Председатель колхоза им. Фрунзе Белгородского района Белгородской области В. Я. Горин в самом начале 1992 г. объехал практически все структурные подразделения возглавляемого им хозяйства, где встречался с колхозниками и обещал оказать практическую помощь всем, кто пожелает самостоятельно вести крестьянское (фермерское) хозяйство [1].

Председатель образованного еще в 1991 г. сельскохозяйственно-го кооператива «Колос» Борисовского района Белгородской области В. М. Вакуленко с сочувствием отмечал: «Что сделает фермер на нескольких гектарах земли одной лопатой? Ничего. А ведь многие из них не имеют даже трактора» [12].

Анализ материалов периодической печати областей Центрального Черноземья позволил выявить причины настороженного, недоверчивого отношения руководителей колхозов и совхозов к идее фермеризации. Перечислим их.

1. Уверенность, что фермеры не смогут конкурировать с колхозами и совхозами. Председатель Елецкого райсовета Липецкой обла-

сти С. Б. Доровский в отношении коллективных сельхозпредприятий отмечал: «Сегодня все, кому не лень, хулят эту форму хозяйствования, а она, несмотря на все потрясения в политике и экономике, поит и кормит республику» [20].

2. Заботливое отношение к земле, беспокойство о том, что широкие колхозные поля превратятся в «мелкополье» — «кромсание полей губительно для земли!» Председатель колхоза «Правда» Яковлевского района Белгородской области М. Дацковский с беспокойством отмечал: «Много земли, предоставленной фермерским хозяйствам... не обрабатывается» [2].

3. Убежденность, что колхозы и совхозы как общинные формы хозяйствования «по духу» более близки крестьянам. Данная мысль отражена в словах директора ТОО «Восток» Краснинского района Липецкой области В. Путилина: «Колхозы и совхозы, с какой бы издевкой ни говорили о них реформаторы, близки по духу селу как общинные формы хозяйствования. Беда в том, что им не дали показать свои потенциальные возможности» [25].

4. Отрицательное отношение к форсированию темпов фермеризации и реорганизации — «нельзя торопить крестьян». В связи с этим глава администрации Липецкой области Г. В. Купцов на встрече с фермерами предостерегал: «Не следует увлекаться поголовной фермеризацией, иначе хорошая идея может превратиться в очередную кампанию» [18].

5. Осознание того, что люди боятся неизвестности (что объяснялось традиционным консерватизмом крестьян и их неуверенностью в долговременном характере процесса фермеризации). Сохранившаяся в их сознании историческая память о временах коллективизации и раскулачивании способствовала формированию комплекса ожидания опасности со стороны властей. Данный комплекс усугублялся недоверием к власти: «дадут землю, а потом отберут».

6. Острая нехватка техники в фермерских хозяйствах. Это подтверждается мнением председателя колхоза «Россия» Октябрьского района Курской области, который заявил, что если вдруг все колхозники захотят стать фермерами, то из этого ничего не выйдет. У нас, как и во всей стране, такой набор техники, что оснастить ею удалось бы незначительное количество семейных хозяйств.

Многие из названных причин объясняются прежде всего психологической неготовностью самих руководителей колхозов и совхозов спокойно воспринять идею фермерства и мириться с его суще-

ствованием. Эта позиция недоверия к новой форме хозяйствования, в свою очередь, подкреплялась объективно возникавшими в процессе становления фермерства трудностями (естественными для начальной стадии любых преобразований).

Широкий спектр мнений руководителей сельхозпредприятий в отношении этого нового для аграрной экономики явления можно объяснить субъективностью их восприятия.

В заключение стоит отметить в большей мере негативное отношение руководителей сельхозпредприятий к методам реформирования форм собственности и хозяйствования на селе. Председатель колхоза «Путь Ленина» Сосновского района Тамбовской области подчеркивал: «Решения II Съезда народных депутатов РСФСР о программе возрождения российской деревни, закон о социальном развитии села» остались пустыми декларациями. Аграрная реформа, фактически превратившаяся в земельный передел, в борьбу за власть над селом, является признаком некомпетентности правительства. Грубое вмешательство государства в вопросы приватизации колхозной собственности, разрушение крупных хозяйств не допустимы» [30]. Начальник управления сельского хозяйства и продовольствия администрации Липецкой области П. Т. Горлов в 1994 г. отмечал: «Прошло четыре года, как АПК целенаправленно душат, называя это реформированием... Дискредитировано само фермерство. Фермер оказался даже в худшем положении, чем коллективное хозяйство» [26].

Список источников и литературы

1. *Белгородская правда*. 1992. 8 февр.
2. *Белгородская правда*. 1992. 16 апр.
3. *Белгородская правда*. 1992. 25 апр.
4. *Белгородская правда*. 1992. 19 мая.
5. *Белгородская правда*. 1993. 18 мая.
6. *Быкова М.* Земля — крестьянам // Ленинский путь. 1990. 7 нояб.
7. *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР. 1990. №28, ст. 368.
8. *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. №26, ст. 324, 327; №30, ст. 416; 1991. №22, ст. 768; №44, ст. 1424.
9. *Ведомости* Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №1, ст. 53.

10. *Второй* (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 нояб. — 15 дек. 1990 г. : стеногр. отчет : в 6 т. М., 1992. Т. 1.
11. *Казарезов В. В.* Фермеры России. (Очерки становления). М., 1999. Т. 2.
12. *Кизилов В.* «Колос» выживает при любой власти // Белгородская правда. 1992. 9 янв.
13. *Коммуна.* 1992. 17 июня.
14. *Курская правда.* 1992. 24 июня.
15. *Курская правда.* 1993. 1 янв.
16. *Курская правда.* 1993. 29 сент., 23 февр., 24 марта.
17. *Лазукин А. А* в рынок крестьянина не пустили // Липецкая газета. 1992. 28 мая.
18. *Ленинский путь.* 1991. 19 нояб.
19. *Липецкая газета.* 1992. 11 марта.
20. *Липецкая газета.* 1992. 31 марта.
21. *Липецкая газета.* 1992. 12 авг.
22. *Липецкая газета.* 1992. 31 окт.
23. *Липецкая газета.* 1992. 24 нояб.
24. *Липецкая газета.* 1994. 2 февр.
25. *Липецкая газета.* 1994. 7 июня.
26. *Липецкая газета.* 1994. 19 нояб.
27. *Липецкая газета.* 1995. 14 февр.
28. *Прокофьев А.* В лодке без весел оказались фермеры Задонского района // Липецкая газета. 1992. 11 марта.
29. *Сафонов Ю.* После путча стало хуже // Курская правда. 1992. 30 янв.
30. *Тамбовская жизнь.* 1992. 11 марта.
31. *Тамбовская жизнь.* 1992. 13 авг., 12 нояб.
32. *Тишков В.* Фермер — колхознику союзник // Тамбовская жизнь. 1992. 7 авг.
33. *Фролов В.* Без командиров мужику нельзя // Липецкая газета. 1992. 1 февр.
34. *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.* URL: <http://docs.cntd.ru/document/901955043> (дата обращения: 06.03.2018).

**Российское крестьянство на рубеже XX—XXI веков:
основные проблемы и методология изучения**

Рассматриваются основные направления и методы изучения современного крестьянства: процессы адаптации к новой социально-экономической ситуации, формирования социально-экономических укладов в постперестроечной деревне, проблемы сохранения исторической памяти.

The paper discusses the main directions and methods for the study of contemporary peasants: the process of adaptation to the new socio-economic situation, formation of socio-economic structures in post-Soviet village, problems of preservation of historical memory.

Ключевые слова: крестьянство, аграрно-исторические исследования, методология исследования, метод двойной рефлексивности.

Keywords: peasantry, agrarian historical research, the research methodology, the method of double reflexivity.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось кардинальными переменами в российском обществе. Реформы экономической и политической системы не замедлили отразиться на образе жизни населения и его социальной структуре. Преобразования затронули и многочисленное колхозное крестьянство. В декабре 1990 г. Верховный Совет СССР принял законы «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». В российской деревне начался процесс «деколлективизации».

Изучение проблем адаптации сельского социума к новой социально-экономической ситуации в стране, изменений в его структуре, уровне доходов и менталитете является одним из приоритетных направлений в современной аграрно-исторической науке. Отечествен-

ные ученые работают в тесном контакте с зарубежными коллегами-крестьяноведами. Результатами такого сотрудничества стало проведение совместных конференций и симпозиумов по проблемам аграрного развития России, а также «полевых» исследований. Инициаторами совместной работы были Т. Шанин — профессор Манчестерского университета, основатель крестьяноведения, и известный российский историк-аграрник В. П. Данилов.

Т. Шанин сформулировал комплексный подход к анализу проблемы крестьянства, основанный на сочетании экономических и социальных аспектов крестьянской жизнедеятельности — вопросов территориальной организации, культуры, самосознания и др. [1, с. 9].

Под руководством Т. Шанина и В. П. Данилова началось изучение современной российской деревни методом двойной рефлексивности. Это сочетание теории, стратегии и стиля коллективной, исследовательской работы, которое предполагает особый характер полевой работы и особый стиль общения с респондентами [2, с. 69]. Исследователь «вживается» в сельское общество, что позволяет ему изучать проблему «изнутри», а не «извне». Такая методика позволила получить конкретные результаты и сделать выводы о наличии разнообразных способов адаптации сельских семей к изменениям внешней среды. Так, О. Фадеева, дополнив наблюдения данными бюджетных исследований, выделила три группы в сельском социуме в зависимости от преобладающего источника дохода: 1) семьи с доминированием занятости в сельскохозяйственном производстве и агропереработке; 2) семьи вне аграрного производства, которые можно поделить на живущих и занятых в селе и сезонных мигрантов; 3) семьи, живущие за счет эксплуатации природных богатств территории [3, с. 165].

Большой вклад в изучение проблем и перспектив современного крестьянства и фермерства внес историк и философ С. А. Никольский. По его мнению, итогом аграрных преобразований российской деревни 90-х гг. XX в. стало разрушение «среднего класса», сложившегося за двадцать с небольшим лет, начиная со второй половины 1960-х гг. Никольский выделяет три уклада, которые сформировались в российской деревне на рубеже XX—XXI вв. Первый — крестьянско-потребительский, главной фигурой которого является экономически, технологически и социально деградирующий крестьянин, утративший прежнюю возможность существования в качестве наемного работника в рамках колхоза или совхоза. Второй по массо-

ности — крестьянско-товарный уклад, его главный субъект — балансирующий между патриархальностью и рыночным предпринимательством сельский производитель, дальнейшее развитие которого зависит не только от него самого, но и от перспектив роста покупательской способности населения страны и интереса инвесторов к аграрному сектору. Третьим является товарно-предпринимательский уклад. Его главные фигуры — успешные фермеры, руководители и члены рентабельных аграрных хозяйств капиталистического типа: акционерных обществ, товариществ и т. д. Их деятельность определяется потребительским спросом городского населения, в борьбе за который они конкурируют с импортерами иностранной сельскохозяйственной продукции [4, с. 17—21].

Современная аграрно-историческая наука наряду с исследованием социально-экономических особенностей крестьянских хозяйств занимается систематизацией изучения исторической памяти крестьян и все чаще обращается к крестьянской культуре. Так, в начале 1990-х гг. под руководством Т. Шанина были проведены исследования на основе развернутых автобиографий 124 сельских семейств 25 сел из восьми регионов России. Хронологические рамки охватывали период с начала 1930-х гг. по настоящее время. Результатом проведенных исследований стали историко-социологические описания сельских обществ, построенные на воспоминаниях жителей, в которых особое внимание уделялось институциональной истории сел. Параллельно с социологами в проекте работали историки, составившие на базе документов районных и местных архивов исторические описания сел и микрорайонов. Были отмечены значительные изменения, которые произошли в образе жизни и менталитете большинства населения российской деревни в результате размывания границ между городской и сельской культурами.

Современные российские историки большое внимание уделяют изучению истории повседневности. В настоящее время в исторической науке отвергнут принцип «Нет документа — нет истории», а словесно-речевой способ получения информации стал одним из методов исследований [5, с. 7]. Устная история крестьянства хранит культурные ценности традиционного крестьянского общества, однако с каждым годом носителей этой уникальной культуры становится все меньше. Записи рассказов-воспоминаний крестьян-старожилов имеют большое значение для восстановления картины повседневной жизни исчезнувшей деревенской России. Так, в научном труде В. А. Бердин-

ских «Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке» (Москва, 2011) [5], подготовленном на основе многочисленных опросов крестьян Кировской области и других регионов, представлены события лихого столетия через призму деревенского уклада, обычаев, нравов.

Итоги научных исследований, проведенных в последние два десятилетия, позволяют получить комплексную картину социально-экономических укладов, сложившихся в современной российской деревне, а также составить представление о проблеме культурной преемственности поколений.

Список источников и литературы

1. Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 8—25.
2. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 68—85.
3. Фадеева О. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных исследований на Кубани и в Поволжье) // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 161—170.
4. Никольский С. А. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. 2001. №2. С. 17—27.
5. Бердинских В. А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль.

E-mail: dreem10@mail.ru

Апонасенко Анна Николаевна, канд. ист. наук, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

E-mail: aponasenko_anna@mail.ru

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Краснодар.

E-mail: berscoll@mail.ru

Дубман Эдуард Лейбович, д-р ист. наук, Самарский государственный университет, Самара.

E-mail: dubmane@mail.ru

Жукова Вероника Сергеевна, канд. ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: zhukova_veronika@list.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Карпачёв Михаил Дмитриевич, д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, Воронеж.

E-mail: m-karpach@mail.ru

Китанина Таисия Михайловна, д-р ист. наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Козлов Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: centfeod-iriran@yandex.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Нарыкова Нина Михайловна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург — Пушкин.

E-mail: narykova@yandex.ru

Наухацкий Виталий Васильевич, д-р ист. наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону.

E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа.

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Степанова Лилия Геннадиевна, канд. ист. наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Томилин Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

E-mail: tomilin58@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 24

Под редакцией

Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 27.07.2018 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,4

Тираж 250 экз. (1-й завод 45 экз.). Заказ 180

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

